

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Холоднова Ксения Николаевна

**Двойственность как фундаментальный принцип
антропологии Ф.М. Достоевского**

5.7.8. Философская антропология, философия культуры

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Научный руководитель:

доктор философских наук, профессор

Гиренок Федор Иванович

Москва – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. «ВЕЛИКОЕ РАЗДВОЕНИЕ» ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО.....	31
1.1. Истоки антропологического принципа двойственности Ф.М. Достоевского.....	33
1.1.1. Н.В. Гоголь и «Записки сумасшедшего».....	33
1.1.2. Воображение как краеугольный камень антропологии Б. Паскаля.....	42
1.1.3. Вывод.....	44
1.1.4. Человек и желание невозможного.....	44
1.1.5. Вывод.....	48
1.2. Ужас двойничества.....	48
1.2.1. Страх и ужас.....	49
1.2.2. Этический характер ужаса как феномена.....	51
1.2.3. Антропологизация и деантропологизация ужаса.....	54
1.2.4. Ужас господина Голядкина.....	55
1.2.5. Негативная антропология.....	67
1.2.6. Вывод.....	69
1.2.7. Сон и явь. Реальность и галлюцинация.....	70
1.2.8. Вывод.....	80
1.2.9. ГЛАВА 2. «ПОДПОЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК» КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП В ПРОСТРАНСТВЕ ФИЛОСОФИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО.....	81

2.1. «Записки из подполья» - радикализация типа.....	82
2.1.1. Антропологическая трактовка времени.....	88
2.1.2. Вывод.....	96
2.2. Осмысление типа «подпольного человека» в русской мысли.....	97
2.3. Критерии отнесения героев Ф.М. Достоевского к типу «подпольного человека».....	111
2.4. Главный герой романа «Подросток» как «подпольный человек».....	113
2.5. Вывод.....	117
ГЛАВА 3. АНТРОПОЛОГИЯ ЮРОДСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО.....	119
3.1. Русский юродивый и западный безумец.....	121
3.2. Юродивые Ф.М. Достоевского.....	124
3.2.1. Хромоножка: антропология юродства в романе «Бесы».....	124
3.2.2. Соня Мармеладова: антропология юродства в романе «Преступление и наказание».....	130
3.2.3. Князь Мышкин: образ вполне прекрасного человека.....	133
3.2.4. Вывод.....	136
ГЛАВА 4. РЕЦЕПЦИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА ДВОЙСТВЕННОСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ.....	138

4.1. Рецепция антропологического принципа двойственности в русской литературе.....	138
4.1.1. Л. Андреев: двойственность Иуды Искариота.....	138
4.1.2. Раздвоенные герои А.П. Платонова.....	141
4.1.3. Вывод.....	147
4.2. «Двойственный человек» европейской литературы.....	150
4.2.1. К. Гамсун: между реальностью и галлюцинациям.....	150
4.2.2. Ю. Фоссе: две версии одной и той же жизни	153
4.2.3. Вывод.....	156
4.3. Развитие антропологических идей Ф.М. Достоевского в японской литературе.....	156
4.3.1. Ю. Мисима: человек, воображающий красоту.....	157
4.3.2. К. Абэ: человек, создавший маску.....	162
4.3.3. Вывод.....	165
4.4. Рецепция антропологических идей Ф.М. Достоевского в мировой философской мысли.....	166
4.4.1. Проект сингулярной философии Ф.И. Гиренка.....	166
4.4.2. Золотое правило двойственности Ж. Бодрийяра.....	170
4.4.3. Вывод.....	171
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	173

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования:

Интерес к человеку сегодня, как это ни парадоксально, во многом обеспечивается появлением искусственного интеллекта. Главными причинами такого интереса в реальности обычно называют ускоренную технократизацию и революционную трансформацию в сфере поиска новых цифровых идентификаций, а в философии, кроме того, все еще продолжают осмысляться такие феномены, как «смерть Бога», «смерть человека», появление «сверхчеловека», «постчеловека» и т.д. – все это угрожает статусу человека и предполагает его вытеснение с искони занимаемой им позиции в мире, т.е. подрывает антропоцентризм.

Невозможно говорить о философском статусе человека сегодня без оглядки на XX век, который во многом определил его, по крайней мере внутри западной философии. Гуманизм предполагал, что человек, в отличие от любых других живых существ, обладает целым рядом уникальных качеств, а именно возможностью творить, свободой воли и моралью, а значит, только он способен создавать культуру, общество и искусство. Таким образом, можно утверждать, что гуманизм как явление был вплотную связан с идеей исключительности человека и его онтологической инаковостью. Но свободное творчество человека исключало Бога, поэтому гуманизм превратился в атеизм. И наиболее влиятельные европейские мыслители XX века, такие как К. Леви-Стросс (1908-2009), М. Фуко (1926-1984), Ж. Деррида (1930-2004), Р. Барт (1915-1980), Ж. Бодрийяр (1929-2007), Ж-Ф. Лиотар (1924-1998) и др., критикуя гуманизм, единодушно заявили, что для дальнейшего развития цивилизации человек должен умереть. В первую очередь они нацелились на деконструкцию трансцендентального субъекта Канта, который, как известно, осуществил антропологический поворот в философии, добавив в

своей «Логике» главный вопрос философии: «Что такое человек?»¹. А это значит, что все прочие философские вопросы должны задаваться с учетом ответа на этот вопрос. Также «смерть человека» предполагала уничтожение основных бинарных оппозиций, характерных для классической философии, а именно дихотомий «человек-животное», «природа-культура», «субъект-объект» и т.д. Жан-Франсуа Лиотар² объявил человека гуманистическим препятствием, которое должно быть устранено во имя появления антигуманной философии. Клод Леви-Стросс в качестве центральной задачи гуманитарных наук предложил растворить человека, чтобы тот больше не был центральным объектом познания. Потому, что миф об исключительности человека в итоге приводил исключительно к тому, что привилегированное меньшинство управляло всеми остальными. Ролан Барт³ в своем эссе «Смерть автора» отвергает понятие неповторимости, индивидуальности и креативности человека как субъекта творчества и ратует за преодоление субъективности, которое необходимо устранить с целью обретения возможности интерсубъективного дискурса, т.е. для того, чтобы начать процесс интерпретаций. Мишель Фуко, оставаясь на сегодняшний день самым популярным философом в мире, в своих попытках деконструировать трансцендентальный субъект обрушил понятия «человечество» и «человек» как всего лишь гипостазирование фиктивного субъекта, чей конец с неизбежностью предрешен. Человек – это просто предмет, сформированный дискурсом нескольких столетий, на самом деле «человека не существует», и мыслить без него не значит мыслить в пустом пространстве, это значит освободиться от фиктивной конструкции. В своей работе «Слова и вещи» он многократно возвращается к идее

---

¹ Кант И. Логика / Тракаты и письма. М.: Наука, 1980.

² Лиотар Ж-Ф. Состояние постмодерна. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3097> (дата обращения: 01.01.2024).

³ Барт Р. Смерть автора / Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384-391.

неизбежности «смерти человека», например, он пишет, что человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке. Ну и наконец, Бодрийяр⁴ начнет свой разговор о симулякрах, а Ж. Деррида⁵ будет говорить о конце человека.

Важной вехой в «смерти человека» также явилось открытие бессознательного. Оно обесмыслило антропологический поворот Канта, внутри философии которого человек понимался как сознание. С момента открытия бессознательного человека полностью отождествили с ним, а значит, он перестал быть субъектом, а если точнее, то никогда им и не был. Ведь это значит, что язык, социум и культура создают в нас не сознание, а бессознательное, а причин для существования сознания вообще нет. Человек стал частью природы, внутри которой для всего есть причины, и потерял свою исключительность. В результате открывается возможность уравнивания человека с любыми другими объектами мира.

Все это привело к подрыву статуса человека в мире и появлению постгуманистической философии, основная идея которой состоит в онтологическом всеединстве. Таким образом, мы имеем дело не с миром, из которого изгнан человек, но с миром, где его статус изменился: человек смещается из центра на периферию и становится меньшинством наряду с другими меньшинствами, он встраивается в мир, утрачивая свою бытийственную уникальность. И человек впредь будет тем, кто детерминирован связями внешнего мира и является сущим среди другого сущего. В результате разрабатываются различные антропологии, внутри которых нет человека, а также темные и объектно-ориентированные онтологии и т.д. Технологическое развитие, биомедицинские технологии, когнитивные науки и повсеместная цифровизация также способствуют размыванию человеческого. Различные западные концепции, имеющие

---

⁴ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. [Электронный ресурс]. URL: <https://velikanov.ru/lib/Бодрийяр.%20Симулякры%20и%20симуляции.pdf> (дата обращения: 31.11.2023).

⁵ Деррида Ж. Поля философии / Пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. М.: Академический Проект, 2012. 376 с.

приставки «пост» и «транс», способствуют захвату человеческого со стороны нечеловеческого за счет размывания основных бинарных оппозиций (субъект-объект, мужское-женское и т.д.), в результате чего возникают такие явления, как трансгендерность, постчеловек, трансгуманизм и т.д.

В мире, где статус человека подорван, присутствие в реальности того, что называется сегодня искусственным интеллектом, заставляет философию искать ответы на вопросы: что есть интеллект естественный, чем он отличается от интеллекта искусственного, как в человеке соотносятся интеллект и сознание? Ведь в случае, если мы будем понимать интеллект человека только как разум, т.е. алгоритм, абсолютную логическую тотальность, его невозможно будет отличить от интеллекта искусственного, и при таком условии речь будет идти уже не о подрыве антропоцентризма, а об избыточности человека вообще. Однако мы утверждаем, что искусственный интеллект встроен в программу, а значит имеет навигацию в мире числовых соотношений, естественный же интеллект встроен в сознание, следовательно, обладает навигацией в мире образов.

Русская философия, на наш взгляд, как интеллектуальная традиция, которой искони присущ глубокий антропологизм, стремление оправдать человека и сохранить его как достойный «объект познания», располагает огромными ресурсами для ответов на самые злободневные вопросы, касающиеся статуса человека в мире и его сохранения. Философия Ф.М. Достоевского, в которой фундируется понимание человека как тайны и высшей ценности, – один из главных способов вновь обратиться к человеку в мире, где это, казалось бы, уже неактуально. Ведь именно вопрос о человеке, как справедливо заметила Спирова Э.М.,

сакраментальный для философии⁶. И. Кант утверждал, что человек – не цель для самого себя, а Достоевский – что он живет в мире образов, где встречаются импульсы подсознательного, бессознательного, сознательного. Рассуждая в пространстве творчества Достоевского о человеке как о существе двойственном, мы позволяем ему ускользнуть от природных идентификаций, мыслим человека непроектно и недоктринально, что поможет нам не получить «новое знание» о человеке, но сохранить его как тайну, а значит преодолеть недостатки гуманизма. Именно такой взгляд на человека, возможно, защитит его от крайностей, к которым неизбежно приводит уверенность в том, что существует ответ на вопрос о том, что такое человек. Мы настаиваем на недопустимости фрагментации человека и невозможности определить его в виде чего-то фиксируемого и самотождественного. Будучи воображающим существом, способным творить картину мира, человек детерминируется внутренним причинением и не подчиняется миру наличного. Такой взгляд на человека в текущей действительности становится возможностью защитить человека от угроз, с которыми он столкнулся впервые на протяжении всей истории своего существования.

Исследование направлено на анализ антропологического принципа двойственности в пространстве философии Ф.М. Достоевского. Что является следом человеческого существования в мире? Где начинается и заканчивается сфера специфически человеческого? Для этого исследуется «подпольный человек» Достоевского, в котором раскрылась идея раздвоенности человеческого существования.

Степень разработанности темы:

Исследования двойственности человеческой природы в творчестве Ф.М. Достоевского и его повести «Двойник» объединяют множество

---

⁶ Спирина Э.М., Ростова Н.Н., Гиренок Ф.И. и др. Антропологические дискурсы в XXI веке // Человек.RU, издательство Института философии и права СО РАН (Новосибирск), № 17, с. 294-321.

методологий, авторов и форм гуманитарного знания. Литературно-критические исследования, посвященные «Двойнику» и идее двойственности человеческой природы, как правило, указывают на распространенную как в мировой, так и в русской литературе тенденцию исследовать данный феномен, кроме того, они концентрируются на идее отсутствия какой-либо ощутимой новизны в трактовке данной идеи у Ф.М. Достоевского в сравнении с Н.В. Гоголем. Философские исследования данной проблемы в пространстве творчества Достоевского, как правило, осуществляются по трем основным направлениям: 1 – двойственность проявляется в человеке в связи с глубоко присущей ему антиномичностью, 2 – корни двойственной природы человека лежат в иудео-христианской традиции, 3 – двойник – это Другой. Отдельно стоит выделить психоаналитическую интерпретацию антропологического принципа двойственности.

В.Н. Майков⁷, Н.А. Добролюбов⁸, Л.В. Брант⁹, С.П. Шевырев¹⁰, К.С. Аксаков, Ф.В. Булгарин, В.Г. Белинский¹¹, опубликовавшие литературно-критические отзывы о повести Ф.М. Достоевского «Двойник» еще при жизни мыслителя, отмечали литературный талант Достоевского в области изображения психологии человека, однако большая часть критики строится на идее избыточности Достоевского в мире, где есть Гоголь. В частности С.П. Шевыревым Достоевский объявляется тем, кто своим «Двойником» «кланяется знакомым из Гоголя»¹², а именно «Носу».

⁷ Майков В.Н. Нечто о русской литературе в 1846 году. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/m/majkow_w_n/text_0030.shtml (дата обращения: 14.01.2024).

⁸ Добролюбов Н.А. Забытые люди. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0200.shtml (дата обращения: 14.01.2024).

⁹ Брант Л.В. Рецензия. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.literaturus.ru/2020/09/kritika-dvojniki-dostoevskij-otzyvy-sovremennikov.html> (дата обращения: 21.01.2024).

¹⁰ Шевырев С.П. «Петербургский сборник», изданный Н. Некрасовым. [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/shevyrev/shevyrev_pb_sborn.html (дата обращения: 21.01.2024).

¹¹ Белинский В.Г. Заметка о выходе в свет «Петербургского сборника». [Электронный ресурс]. URL: https://fedordostoevsky.ru/pdf/double_1846_1.pdf (дата обращения: 21.01.2024).

¹² Шевырев С.П. «Петербургский сборник», изданный Н. Некрасовым. [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/shevyrev/shevyrev_pb_sborn.html (дата обращения: 21.01.2024).

Видится важным стремление отметить, что идея рецепции Достоевским именно этого произведения – мысль среди исследователей широко распространенная. Позднее она же появится в книге литературного критика К.В. Мочульского «Гоголь. Соловьев. Достоевский». Там автор высказал идею, согласно которой от «Записок сумасшедшего» Достоевский взял сюжетную линию, а от «Носа» – сам мотив раздвоенности. Это замечание кажется нам важным ввиду необходимости в дальнейшем сосредоточиться на том, чтобы показать, что у «Двойника» гораздо больше общего как раз с первым произведением Н.В. Гоголя, а именно с «Записками сумасшедшего». И строится эта связь не на повторении сюжетной линии, а на рецепции и переосмыслении Достоевским антропологического принципа двойственности, в результате которого человек становится разделенным внутри одного своего сознания и вынужден охранять своего двойника, а реальность становится стороной воображаемого.

Из современных филологических интерпретаций «Двойника» мы бы хотели отметить трактовку А.Г. Гачевой. Обращаясь к работам Ф.М. Достоевского и Н.Ф. Федорова, Гачева приходит к выводу о том, что одна из главных проблем, которая поднимается обоими авторами – это «вопрос о восстановлении всемирного родства как подлинной нормы мира и человека»¹³. При таком ракурсе рассмотрения ранние работы Достоевского, среди которых оказывается и «Двойник», показывают нам мир, который погружен в сферу департаментов, бумаг, подозрений, интриг и подлости, а человек в нем становится тем, кто просто-напросто сведен к функции и чувствует себя ветошкой. Голядкин рассматривается А.Г. Гачевой как «самоутверждение самоопорной личности, делающей

---

¹³ Гачева А.Г. «Восстановление родства»: роман «Подросток» как пролог к диалогу Н. Федорова и Ф. Достоевского / Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 4 (16). С. 58-87.

начальной точкой движения не Бога, а свою самость»¹⁴. Именно это стремление утвердить свое «я» любой ценой и поставить его незыблемым центром мира и расщепляет Голядкина.

Для Н.А. Бердяева¹⁵ и И.И. Евлампиева¹⁶ двойственность человека – результат его внутренней антиномичности, которая проявляется большим количеством раздвоений в реальности. У Бердяева этими раздвоениями становятся способность человека творить добро и зло одновременно, стремиться к идеалу и греху, к уродству и красоте. У И.И. Евлампиева раздвоенность характеризуется постоянным присутствием в сознании человека разных интенций, которые выливаются в непоследовательные, нелогичные действия и являются выражением теневой стороны личности. Данный подход к пониманию двойственности обращает наше внимание на действительно значимую для Достоевского характеристику человека – его внутреннюю антиномичность. Что, однако, на наш взгляд, не меняет сути, ведь человек – это существование без сущности, потому что хоть он и живет биологически в биоценозе, в действительности основной его мир – это мир воображаемого. При этом необходимо заметить, что в данных трактовках двойственности в обоих случаях остается непонятным, чем она обеспечивается и откуда возникает.

Для части исследователей феномен двойственности человеческой природы в творчестве Ф.М. Достоевского обнаруживает свои корни в иудео-христианской традиции: Г.С. Померанц¹⁷, Н.О. Лосский¹⁸, С.И.

---

¹⁴ Гачева А.Г. Человек и история в зеркале русской философии и литературы. М.: Водолей, 2021. 700 с.

¹⁵ Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского / Бердяев Н.А. М.: Академический проект, 2019. 560 с.

¹⁶ Евлампиев И.И. Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым») / Евлампиев И.И. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012. 585 с.

¹⁷ Померанц Г.С. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. 3-е изд., доп. М. СПб.: Центра гуманитарных инициатив, 2017. 416 с.

¹⁸ Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. М.: Книга по Требованию, 2021. 412 с.

Фудель¹⁹, Д.С. Мережковский²⁰, А.А. Ухтомский²¹, Я.Э. Голосовкер²², из современных исследователей – Т.А. Касаткина²³.

Г.С. Померанц, рассуждая о героях Достоевского, замечает, что они у него «с двойными мыслями», истоки которых обнаруживаются в Послании ап. Павла к Римлянам: «По внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» (Римл. 7: 22-23).

С.И. Фудель, рассуждая в аналогичном ключе, назвал Достоевского выразителем «великой идеи борьбы света и тьмы в душе человека»²⁴ и изобразителем «центральной мировой антитезы».

Религиозное толкование двойственности человека Ф.М. Достоевского также мы можем найти у А.А. Ухтомского. Сквозь призму Новозаветного Откровения Ухтомский трактует двойничество как борьбу личности и личины.

Я.Э. Голосовкер в работе «Достоевский и Кант» писал, что в действительности у каждого героя Достоевского есть два двойника. А способ избавиться от них только один – обратиться к Христу.

Д.С. Мережковский отмечал, что истоки раздвоения главного героя повести «Двойник» лежат в противоречии между антихристианским сознанием и бессознательным христианством. И перед раздвоенным человеком открываются два пути: либо погибнуть, либо, пройдя через все ужасы изживания собственной двойственности, прийти к уже последнему

¹⁹ Фудель С.И. Наследство Достоевского. 3-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст. и коммент. Л.И. Сараскиной. М.: Русский путь, 2016. 340 с.

²⁰ Мережковский Д.С. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. 618 с.

²¹ Ухтомский А.А. в дневниках и письмах. СПб.: Изд. СПб. ун-та, 1992. 226 с.

²² Голосовкер Я.Э. Достоевский и Кант. Размышление читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». М.: Изд. АН СССР, 1963. 103 с.

²³ Касаткина Т.А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480 с.

²⁴ Фудель С.И. Наследство Достоевского. 3-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст. и коммент. Л.И. Сараскиной. М.: Русский путь, 2016. 340 с.

соединению во Христе, потому что «Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду... дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека» (Еф. 2: 14-15).

Современный исследователь Т.А. Касаткина полагает, что двойник – это тот, кто воплощает тайные желания Голядкина, но в тот момент, когда это происходит, герой начинает чувствовать к своему двойнику неимоверное отвращение.

Таким образом, мы можем говорить о том, что все христианские толкования двойничества сводятся к идее внутренней борьбы человека с собственной поврежденной грехом природой. Этой борьбы невозможно избежать, так как она является частью того пути, который уготован человеку. Одержав победу над своими двойниками, человек избавляется от собственных личин и находит путь к Богу. Важно при такой трактовке отметить возможность и необходимость преодоления двойственности личности. Кроме того, объявляя человека тем, кто имеет замысел о себе в вечности, христианская трактовка помогает преодолеть стирание онтологических делений.

И наконец, М.М. Бахтин²⁵ и В.А. Подорога²⁶ трактуют двойника у Достоевского как появление *Другого* по отношению к самому себе. Бахтин отмечает, что внутренняя жизнь Голядкина строится на его диалоге с самим собой, а значит, ей присуща изначальная диалогичность. Второй голос появляется для того, чтобы заместить недостающее для героя признание его другим человеком. Важным кажется отметить, что саму ситуацию раздвоенности Бахтин характеризует как кризис сознания Голядкина, причины которого носят характер исключительно социальный.

В.А. Подорога анализирует раздвоение Голядкина как зеркальное отражение. Зеркало, по его мнению, у Достоевского является

---

²⁵ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва: Издательство «Э», 2017. 640 с.

²⁶ Подорога В.А. Рождение двойника. План и время в литературе Ф. Достоевского. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. 418 с.

эквивалентом самосознания, которое трактуется им негативно: как самообман, маска, симуляция. Оно отражает внутренний мир личности, но само не видит того, что отражает. Поэтому зеркальный образ – это пустота, разрыв, и в этом случае любая попытка осознать себя приводит личность к распаду, к утрате положительных качеств. Таким образом, самосознание становится принципом «антижизни».

Делая выводы, мы можем сказать, что в обоих случаях интерпретация двойничества оказывается деструктивной. Кроме того, в случае с Бахтиным можно предположить, что человек становится тем, кто опосредован внешним причинением. Подорога, излагая оригинальные мысли об антижизни самосознания человека, не объясняет его, почему сознание человеком самого себя есть разрыв в бытии.

Попытка видеть в «Двойнике» психопатологию, пожалуй, самый популярный и сегодня способ трактовать повесть. Стоит также отметить, что эта линия толкования свойственна европейской философии и совсем не свойственна русской интеллектуальной традиции. Психоаналитические интерпретации представлены И. Нейфельдом²⁷, О. Ранком²⁸, А. Грином²⁹, М. Кадо³⁰, Ж. Катто³¹, Л. Монне Дао³², Р. Лефором³³. Краеугольным камнем большинства из них выступает идея анализа Достоевским нарциссического расстройства личности. В этом случае двойственность – это: 1 – нарциссический идеал «Я», которым становится социально

---

²⁷ Нейфельд И. Достоевский // Феномен Достоевского. Западные исследования творчества писателя. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2019. С. 313-366.

²⁸ Rank O. Don Juan et le double / Trad. de l'allemand par Dr S. Lautman. Paris: Editions Payot & Rivages, 2001.

²⁹ Green A. Le double double: ceci et cela // Dostoïevski F. Le Double / Préface de A. Green. Traduction et notes de G. Aucouturier. Paris: Gallimard, 1980. P. 7-24.

³⁰ Cadot M. Quelques précision sur le double Dostoïevski // Bulletin de littérature générale et comparée. Questions au programme de l'agrégation de Lettres modernes 1996. 1995. № 18. P. 11-22.

³¹ Catteau J. Le Double ou l'asymétrie ennemie / Le double, l'ombre, le reflet: Chamisso, Dostoïevski, Maupassant, Nabokov textes réunies et présentés par D. Lévy-Bertherat. Nantes: Editions Opéra, 1996. P. 27-41.

³² Monné Dao L. Du miroir brisé dans la psychose au double homosexuel: un travail à double visage // Cliniques méditerranéennes. Vol. 87. № 1. 2013. P. 237-250.

³³ Lefort R. et R. La distinction de l'autisme. Paris: Seuil, 2003.

одобряемый и успешный господин Голядкин-младший, и 2 – враждебный этому «Я» забитый чиновник Голядкин-старший, который пользуется только теньвыми сторонами жизни. Таким образом, двойник – это эманация вытесненных желаний.

Р. Лефор прибавляет к этому проблему аутизма. Обращаясь к лакановскому понятию *Другого*, он утверждал, что Достоевскому, как никому другому, удалось описать структуру двойника как главную в аутизме. Итак, Голядкин-младший будет рассматриваться как дубль, интегральный двойник героя, его зеркало и одновременно противоположность.

Рене Жирар³⁴ обосновывал психопатологию Голядкина не только бессознательным. Он выделял ее социальные причины, что так же делал и В.К. Кантор³⁵. Важным нам кажется отметить, что Жирар обращает внимание на противоречие между мечтой и реальностью, в котором живет герой Достоевского, и которое, являясь непреодолимым, вызывает боль.

Психоаналитические интерпретации, на наш взгляд, ограничивают саму возможность воспринимать не только человека в пространстве творчества Достоевского, но и человека как такового. Человек, опосредованный только структурами собственного бессознательного, становится существом фрагментарным, излишне биологизированным и упрощенным. Кроме того, подход к человеку как к тому, кто полностью опосредуется собственным бессознательным, неизбежно заканчивается идеей «смерти человека», которая была провозглашена М. Фуко.

Стоит отметить, что при всем многообразии существующих трактовок их все объединяет одно: ни одна из них не является

---

³⁴ Рене Ж. Критика из подполья / пер. с французского Н. Мовниной. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 256 с.

³⁵ Кантор В.К. Любовь к двойнику: двойничество – миф или реальность русской культуры? // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры, Русское издание № 2, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.ku.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss18/09Kantor.pdf> (дата обращения: 12.01.2024).

антропологически продуктивной. Двойственность всегда воспринимается как деструкция, будь то грех или психическая патология.

О субстанциальном дуализме в философии мы можем говорить, начиная с Платона³⁶. Позднее эта идея получила развитие в европейской философии (Б. Спиноза³⁷, Р. Декарт³⁸, Г. Лейбниц³⁹, И. Кант⁴⁰, Г. Гегель⁴¹, Ф. Шлегель⁴², А. Шопенгауэр⁴³, М. Бубер⁴⁴, М. Шелер⁴⁵, А. Гелен⁴⁶, Х. Плеснер⁴⁷, Сервера Эспиноза А⁴⁸, Г.Э. Хенгстенберг⁴⁹). Отдельно следует отметить понимание двойственности человека, сформулированное Б. Паскалем⁵⁰, как такое, которое оказало влияние на философию Ф.М. Достоевского. По Паскалю, двойственность человеческой природы обеспечивается воображением – главенствующей способностью человека.

Идея двойственности человека, наверное, уже в полной мере заявила о себе и в иудео-христианской традиции (Г. Палама⁵¹, М. Исповедник⁵²,

---

³⁶ Платон. Федон // Диалоги / пер. с др.-греч. А. Егунова, В. Карпова. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 167-250.

³⁷ Спиноза Б. Сочинения: в 2 т. СПб.: Наука, 1999.

³⁸ Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1994. Т.2 С.3-72.

³⁹ Лейбниц Г.В. Два отрывка о принципе непрерывности / Соч. в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. 636 с.

⁴⁰ Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; прим. Ц.Г. Арзаканяна. М.: Эксмо, 2009. 736 с.

⁴¹ Гегель Г.В. Лекции по философии духа. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_04/1999_4_10.htm (дата обращения: 21.12.2023).

⁴² Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/schlegel_estetika_filosofiya_kritika_tom1_1983_ocr.pdf (дата обращения: 26.01.2024).

⁴³ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Собрание сочинений. в 6-и томах. Т. 2. М.: ТеРРА – Книжный клуб, Республика, 2001. 558 с.

⁴⁴ Бубер М. Я и ты. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/martin_buber/ya_i_ti.html#0 (дата обращения: 25.01.2024).

⁴⁵ Шелер. М. Положение человека в космосе. [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000165/st000.shtml> (дата обращения: 24.01.2024).

⁴⁶ Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии: переводы. М., 1998.

⁴⁷ Плеснер Х. Ступени органического и человек : Введение в философскую антропологию / Пер. с нем. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 368 с.

⁴⁸ Сервера Эспиноза А. Кто есть человек? / Это человек: Антология (Сост. П.С. Гуревич). Составление, вступительная статья: Павел Семенович Гуревич. М.: Высшая школа, 1995.

⁴⁹ Хенгстенберг Г.Э. К ревизии понятия человеческой природы. / Это человек: Антология (Сост. П.С. Гуревич). Составление, вступительная статья: Павел Семенович Гуревич. М.: Высшая школа, 1995.

⁵⁰ Паскаль Б. Мысли / сост., предисл., коммент. Н. Плужниковой; пер. Ю. Гинзбург. Москва: Издательство АСТ, 2022. 256 с.

⁵¹ Григорий Палама, св. Беседы (Омилии) / Григорий Палама; пер. арх. Амвросия (Погодина). Монреаль, 1965. Ч. 1.

Немезий Эмесский⁵³, Ф. Аквинский⁵⁴, св. Григорий Богослов⁵⁵, преп. Макарий Египетский, Симеон Новый Богослов⁵⁶) с ее разделением на душу (*anima*) и дух (*animus*), на земное и божественное в человеке. Идея внутреннего человека в целом становится характерной для нее. Ветхий Завет будет оперировать образом сердца: «Лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено; кто узнает его? Я, Господь, проникаю сердце и испытываю внутренности, чтобы воздать каждому по пути его и по плодам дел его» (Иер. 17: 9-10). Святитель Иоанн Златоуст⁵⁷, трактуя этот отрывок, утверждал, что самое ясное – это сердце человеческое, куда проникает Господь. Нельзя скрыть ни свои грехи, ни свои помыслы. В Новом Завете об этом прежде всего будет говорить апостол Павел в его посланиях к Римлянам и Коринфянам. Речь здесь будет идти не о субстанциональной двойственности, а о двух векторах души, которые выражаются в наших помыслах. Идею внутреннего человека (*homo interior*) позднее можно будет найти у Блаженного Августина⁵⁸. Внутренний человек и образ Божий – это собственно человек. Душа по природе своей бессмертна и нематериальна. Также он будет оперировать оппозицией мужское-женское.

Далее интересными для нас будут отцы-каппадокийцы, один из которых, а именно Григорий Нисский, постулировал двойственность человека следующим образом: «Человеческая природа есть середина

---

⁵² Максим Исповедник, преп. Богословско-полемические сочинения (*Opuscula Theologica et Polemica*) / Пер. с древнегреч. Д.А. Черноглазова и А.М. Шуфрина. Святая гора Афон ; Санкт-Петербург : Изд. РХГА, 2014. 808 с.

⁵³ Эмесский Н. О природе человека. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nemesij_Emesskij/o-prirode-cheloveka/ (дата обращения: 25.12.2023).

⁵⁴ Аквинский Ф. Сумма теологии / Перевод Еремеева, А.А. Юдина. Киев: Эльга, Ника-Центр, Элькор-МК, Экслибрис. 2002.

⁵⁵ Григорий Богослов, св. Творения в 2 т. / Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей. М.: Сибирская благовонница, 2022.

⁵⁶ Симеон Новый Богослов. Божественные гимны (41). Сергиев Посад, 1917, фото тип. изд.: Нижний Новгород, 1989.

⁵⁷ Иоанн Златоуст, св. Беседы о покаянии. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/o_pokajanii/ (дата обращения: 20.01.2024).

⁵⁸ Августин. О бессмертии души // Блаженный Августин. Творения. Т. I: Об истинной религии / сост., подг. текста С. И. Еремеева. СПб.; Киев: Але-тейя - УЦИММ-Пресс, 1998.

между двумя крайностями - природой Божественной и бесплотной и жизнью бессловесной и скотской»⁵⁹. Наследие и осмысление иудео-христианской традиции понимания двойственности характерно для русской философии (Н.А. Бердяев⁶⁰, В.С. Соловьев⁶¹, С.Л. Франк⁶², С.Н. Булгаков⁶³, В.В. Розанов⁶⁴, В.В. Зеньковский⁶⁵). Кроме того, двойственность человека в русской философии также будет пониматься в русле таких оппозиций, как мужское/женское, конечное/бесконечное, духовное/эмпирическое, абсолютное/относительное, мужское/женское. Важным при этом кажется проговорить вслед за С.С. Хоружим значимое отличие русской традиции, которая, «в отличие от дуалистической антропологии греков, становится хотя и не монистической в точном смысле, но холистической: вслед за ветхозаветной антропологией она утверждает, что человек сложен в своем составе, однако в своем отношении к Богу, бытийном статусе есть единое целое»⁶⁶.

Кроме того, необходимо заметить, что философы довольно прямолинейно разделены на две категории: представители европейской философии и русской. Такой выбор не случаен: представители европейской философии противопоставляли друг другу в человеке два начала, в то время как мыслители, принадлежащие к русской религиозной философии и взявшие за основу православную антропологию, исходили из идеи гармоничного единства в человеке двух противоположных начал

⁵⁹ Григорий Нисский, св. Об устройении человека. М.: мультимедийное издательство Стрельбицкого, 2016.

⁶⁰ Бердяев Н.А. Проблема человека. (К построению христианской антропологии). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/chelovek.html> (дата обращения 22.12.2023).

⁶¹ Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве / Сочинения: в двух томах. Т.2. Москва: Правда, 1989. С. 5-172.

⁶² Франк С.Л. Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания. Санкт-Петербург: Наука, 1995. 656 с.

⁶³ Булгаков С.Н. «Свет невечерний: Созерцания и умозрения.» М.: Респуб-лика, 1994. 415 с.

⁶⁴ Розанов В.В. Люди лунного света. (Метафизика христианства). [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1911_lyudi_lunnogo_sveta.shtml (дата обращения: 21.01.2024).

⁶⁵ Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете православной антропологии / отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. М., 1996.

⁶⁶ Хоружий С.С. К антропологической модели третьего тысячелетия. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-antropologicheskoy-modeli-tretiego-tysyacheletiya/viewer> (дата обращения: 10.08.2023).

искали путь «к сохранению духовных антиномий» (К.В. Преображенская, С.В. Котина)⁶⁷ в своем сознании. Человеческая природа в русской традиции трактуется как сложная, но именно эта сложность и позволяет быть человеку своего рода скрепой мироздания. Изначальное разделение человека – это результат его грехопадения, которое может и должно быть преодолено человеком после его смерти в Боге.

Таким образом, получается, что мы можем утверждать либо, что человек не пуст и в нем есть начало, а он просто что-то добавляет к нему, либо, что он пуст и утверждает себя в себе, кладет самого себя в основание, дает самому себе существование. А все, что он учреждает, может быть двойным: добро / зло, любовь / ненависть и т.д.

На данный момент фундаментальных работ, посвященных философско-антропологическому анализу двойственности человеческой природы в творчестве Ф.М. Достоевского нет.

Цель диссертационного исследования:

Определить двойственность как фундаментальный принцип антропологии Ф.М. Достоевского.

Задачи диссертационного исследования:

1. Определение различий между раздвоением человека на душу и тело и раздвоением внутри одного сознания.
2. Установление связи между идеями двойственности человеческой природы у Н.В. Гоголя, Б. Паскаля, И. Канта и Ф.М. Достоевского.
3. Обоснование двойственности человека и связанного с ней феномена ужаса, становящегося антропологическим минимумом, который позволяет нам говорить о человеке вообще.
4. Прояснение правомерности обращения к негативной антропологии в связи с анализом двойственности человека.

---

⁶⁷ Преображенская К.В., Котина С.В. Идеал духовного единства как имманентный принцип государственной идеологии: исторические формы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014.

5. Установление пластичности границы между сном и явью, реальностью и галлюцинацией.
6. Прояснение сути типа «подпольного человека» Ф.М. Достоевского как того, в ком раскрылась идея двойственности человеческой природы.
7. Сопоставление феномена юродства Христа ради, укорененного в раздвоении самости, и феномена западного безумия, укорененного в раздвоении человека на душу и тело.
8. Определение содержания антропологического принципа двойственности Ф.М. Достоевского и прослеживание его рецепции в русской литературе (Л. Андреев, А. Платонов), в европейской литературе (Ю. Фоссе, К. Гамсун), в японской литературе (К. Абэ, Ю. Мисима), в русской философии (Ф.И. Гиренок) и в европейской философской мысли (Ж. Бодрийяр).

Объект диссертационного исследования:

В данной работе исследуется философская антропология Ф.М. Достоевского.

Предмет диссертационного исследования:

Предметом исследования является двойственность как фундаментальный принцип антропологии Ф.М. Достоевского.

Методологическая и теоретическая основа работы:

Как правило, проблема двойственности человеческой природы так или иначе либо укореняется в иудео-христианскую традицию, либо находит свое развитие в пространстве психоаналитики. В данной научной работе предпринимается попытка рассмотреть двойственность человеческой природы в творчестве Достоевского с философско-антропологической точки зрения, как то, что укореняется в сознании человека и является раздвоением его самости. В качестве основного метода нами был выбран философско-антропологический анализ, в

качестве вспомогательных - были задействованы также сравнительный и текстологический виды анализа. В данной работе используется теория сингулярной философии, принятая в Московской Антропологической Школе (МАШ).

Научная новизна:

1. В диссертации впервые двойственность человека в философии Ф.М. Достоевского определяется как раздвоение самости, в результате которого «я» становится обозначением того, чего нет, но дано человеку.
2. В работе показано, что среди оказавших влияние на антропологию Ф.М. Достоевского можно выделить Н.В. Гоголя, Б. Паскаля, И. Канта. Влияние Гоголя впервые трактуется как рецепция его идеи о том, что «я» человека не из реальности. В случае с Паскалем мы говорим о рецепции Ф.М. Достоевским его мысли о том, что воображение создает вторую природу человека. Ведя речь о Канте и его влиянии на Ф.М. Достоевского, мы обращаемся к идее «пустых желаний».
3. Впервые ужас в произведениях Ф.М. Достоевского рассматривается как то, с чего начинается человек вообще. Человек начинается с ужаса от осознания собственной небытийности, отсутствия собственного места в мире и понимания того, что его «я» — это обозначение того, чего нет.
4. В работе впервые обосновывается необходимость рассуждать о «двойственном человеке» Ф.М. Достоевского, обращаясь к негативной антропологии.
5. В работе впервые доказывается, что граница между сном и явью, реальностью и галлюцинацией в философии Ф.М. Достоевского пластична. Автор убедительно показывает, что нет, с одной стороны, реальности, с другой – воображаемого. У Ф.М. Достоевского

реальность – это сторона воображаемого. Ввиду того, что человек живет не в мире, а в картине мира, он не может узнать, как выглядит реальность сама по себе, если ее не предваряет чувство реальности, а значит для него становится проблематичным различение яви и сна, действительности и галлюцинации.

6. В работе впервые показывается, что феномен юродства у Ф.М. Достоевского коренится в раздвоении самости. Юродивый соблюдает на земле законы неба и получает свободу от мира, обеспеченную Богом.
7. Впервые в научной литературе демонстрируется рецепция антропологического принципа двойственности, сформулированного Ф.М. Достоевским, в произведениях русской, европейской и японской литературы, а также осмысление и продолжение его идей в русской и европейской философии.

Теоретическая значимость:

Данная работа позволяет сформировать представление о двойственности как фундаментальном принципе антропологии Ф.М. Достоевского. Автор выделил изменения, происходящие в области философских вопросов о раздвоении человека. Исследование позволяет прийти к выводу о том, что раздвоение самости в рассматриваемом контексте дает возможность человеку определить специфический след своего существования, а также ускользнуть от идентификаций, сохранить себя как тайну и защититься от фрагментации и появления нового знания о человеке. Кроме того, появляется возможность выделить антропологизацию, характерную для Ф.М. Достоевского, как и для всей русской философской традиции, в работе с такой фундаментальной философской категорией, как ужас, а также осмыслить само это понятие в пространстве философии Достоевского. Данная научная работа также позволяет проследить рецепцию идеи двойственности человеческой

природы, сформулированной Достоевский, в мировой художественной, философской и научно-исследовательской мысли.

Практическая значимость:

Результаты исследования применимы в качестве материала для лекций, культурно-исторических мероприятий, новых образовательных программ, посвященных русской философии, философской антропологии, русской литературе, философии Ф.М. Достоевского. Результаты могут быть востребованы при совершенствовании гуманитарной политики.

Положения, выносимые на защиту:

1. В пространстве философии Ф.М. Достоевского появляется новое восприятие двойственности человеческой природы. Речь здесь идет не о раздвоении на душу и тело, как в европейской философии, а также не об идее внутреннего человека, как в иудео-христианской традиции. Ф.М. Достоевский полагает, что человек есть единственное существо, которое благодаря наличию у него сознания живет не в пространстве, а во времени. Само сознание при этом является свойством жизни во времени и обеспечивает навигацию в мире образов. Двойственность человека становится раздвоением, которое проходит через самую сердцевину его самости, в результате чего человек воображает своего двойника, давая тем самым существование самому себе.
2. На антропологические идеи Ф.М. Достоевского оказали влияние взгляды Н.В. Гоголя, который в «Записках сумасшедшего» показал, как реальность становится стороной воображаемого, создав образ чиновника Поприщина, возмнившего себя испанским королем, в то время как мир считал, что он бедный переписчик бумаг. Общество принимало только такие иллюзии, которые были с ним согласованны, и отвергало другие. Кроме того, имеет место рецепция антропологических идей Б. Паскаля со стороны Ф.М.

Достоевского. Речь идет о трактовке Паскалем воображения, которое, согласно взглядам последнего, главенствует над разумом. И наконец, мы говорим о том, что «двойственный человек» Ф.М. Достоевского – это человек с «желанием невозможного», как завещал нам И. Кант.

3. Ужас у Ф.М. Достоевского становится антропологической категорией и не является результатом воздействия мира на человека. Он возникает при необходимости положить себя в основание своего существования. Ужас охватывает раздвоенного человека, который, разворачиваясь к себе, вдруг понимает, что обращается к небытию, к тому, что не существует и не встроено в порядок наличного, что его «я» – это мнимость, которой нет места среди вещей, а значит, то, что он думает о себе, и то, что о нем думают другие, – это совсем разные вещи, и, наконец, что для него нет места в мире. Таким образом, мы получаем возможность говорить о построении Ф.М. Достоевским негативной антропологии, ведь главный посыл Голядкина миру звучит как «меня нет».
4. В результате раздвоенности сознания человека мы получаем право говорить о пластичности границы между сном и явью, реальностью и галлюцинацией. Ведь сама по себе реальность есть то, что не дано узнать человеку, если ее не будет предварять чувство реальности.
5. В образе «подпольного человека», который, согласно самому Ф.М. Достоевскому, начался с Голядкина и продолжился в образе героя «Записок из подполья», раскрылась идея двойственности человеческой природы.
6. Главный герой романа «Подросток», Аркадий Макарович Долгорукий, есть продолжение типа «подпольного человека» в творчестве Ф.М. Достоевского.

7. Безумец является фигурой, которая становится значимой для западной философской традиции. Согласно М. Фуко, безумен может быть только тот, кто свободен. Ведь он говорит на своем языке и не подчиняется разумно устроенному общественному порядку.

В идее двойственности как раздвоении самости раскрывается феномен юродства Христа ради. Юродивый получает возможность редуцировать мир наличного во имя Бога и жить внутренним причинением. Он становится тем, кто одновременно и выше себя, и ниже себя.

8. Идея двойственности человеческой природы Ф.М. Достоевского в данной нами трактовке нашла свое осмысление и продолжение в мировой литературной (Л. Андреев, А. Платонов, Ю. Фоссе, К. Гамсун, К. Абэ, Ю. Мисима) и философской (Ф. Гиренок, Ж. Бодрийяр) мысли.

Степень достоверности и апробация результатов:

Диссертационное исследование использует релевантные методы и опирается на источники на оригинальных языках и широкий круг исследовательской литературы, включающей как классические, так и актуальные публикации, что позволяет получить обоснованные выводы.

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры философской антропологии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

По теме диссертации было опубликовано 5 статей (в том числе 4 из них - в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова).

Положения и выводы диссертации получили апробацию в рамках научных конференций и иных публичных научных мероприятий, в том числе:

- Научный семинар кафедры философской антропологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова «Антропология Ф.М. Достоевского» (Москва, 2023) – выступление на тему «Разрыв реальности и сознания в философии Ф.М. Достоевского»;
- Международная научная конференция «Московская антропологическая школа: новые идеи в философии, приуроченная к юбилею профессора Федора Ивановича Гиренка» (Москва, 2023) – выступление на тему «О соотношении естественного и искусственного интеллекта»;
- Научный семинар кафедры философской антропологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова «Возможно ли немифологическое сознание?» (Москва, 2023) – выступление на тему «Мифоидеологический план в романе Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы”»;
- Третья научно-практическая конференция с международным участием «Литературное наследие серебряного века: традиции, преемственность, актуальность» (Москва, 2023) – выступление на тему «Рецепция философско-антропологических идей Ф.М. Достоевского в творчестве Л. Андреева»;
- IX Всероссийская научная конференция «Русская литература в современном культурном пространстве» по теме: «Культурные и художественные модели “учитель-ученик” в литературе и литературном процессе» (Томск, 2023) – выступление на тему «“Наставник – воспитанник” в развитии темы отцов и детей в романе Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы”»;

- IX Международная научная конференция «Восточные чтения. Религии. Культуры. Литературы.» (Москва, 2023) – выступление на тему «Рецепция идей Ф.М. Достоевского в японской литературе»;
- Всероссийская научная конференция «Традиции и современность: аксиология Российской цивилизации» (Москва, 2023) – выступление на тему «Философия Ф.М. Достоевского как предельной остроты разговор о русской самобытности»;
- Международная научная конференция «От метафизики к антропологии: стратегии современного философского дискурса», приуроченная к 90-летию со дня рождения профессора Павла Семеновича Гуревича (Москва, 2023) – выступление на тему «Двойственность как источник субъективности»;
- XLVIII Международная конференция «Достоевский и мировая культура», посвященная 202-й годовщине со дня рождения писателя (Санкт-Петербург, 2023) – выступление на тему «Богочеловек и человекобог. Два концепта человека в философии Достоевского»;
- VI Международная конференция молодых ученых «Пространство и время в Русской литературе и философии». К 130-летию А.Ф. Лосева и 170-летию Вл.С. Соловьева (Москва, 2023) – выступление на тему «Безвременье как антропологическая проблема в творчестве Ф.М. Достоевского»;

- XI научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Философия в XXI веке: новые стратегии философского поиска» (Москва, 2023) – выступление на тему «Антропология времени в монологах Кириллова и “подпольного человека” Ф.М. Достоевского»;
- III международный научно-практический симпозиум «Герменевтика детства в России XVIII-XXI вв.: междисциплинарные взаимодействия», приуроченный к 200-летию со дня рождения К.Д. Ушинского и 195-летию со дня рождения Н.Н. Страхова» (Белгород, 2023) – выступление на тему «Трагедия детства в художественных и публицистических текстах Ф.М. Достоевского».
- Всероссийская (с международным участием) научная конференции «XLVIII Добролюбовские чтения. Духовно-нравственный контрапункт отечественной культуры, литературы и действительности на протяжении веков. Вокруг Пушкина и Добролюбова» (Нижний Новгород, 2024) – выступление на тему «“Пушкинская речь” Ф.М. Достоевского в восприятии современника»;
- Международная научная конференция «Антропология: концепции и практики», приуроченная к 35-летию кафедры философской антропологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, 2024) – выступление на тему «Рецепция антропологического принципа двойственности Ф.М. Достоевского в проекте сингулярной философии Ф.И. Гиренка».
- Всероссийская научная конференция «История повседневности: человек в истории» (Москва, 2024) –

выступление на тему «“Маленький человек”: от Гоголя к Достоевскому».

- Международная научная конференция «Ломоносов», подсекция «Философская антропология» (Москва, 2024) – выступление на тему «Ф.М. Достоевский: антропология ужаса».

Структура работы:

Диссертация состоит из введения, 4 глав, заключения и списка использованной литературы, включающего 189 источников. Общий объем диссертации составляет 194 страниц.

ГЛАВА 1. «ВЕЛИКОЕ РАЗДВОЕНИЕ» ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Вопрошать о человеке в философии было сложно всегда. Как писал Преподобный Иустин Попович в своей работе «Философия и религия Ф. М. Достоевского», «...человека слишком недооценивали и слишком переоценивали. Недооценивали до безнадежности, переоценивали до ужаса. Переоценивали настолько, что боготворили, но и недооценивали настолько, что дьяволотворили. Человеколюбцы доходят до человекообожествления в абсолютизации положительных его качеств; человеконенавистники доходят до человекопоглощения в абсолютизации отрицательных его качеств»⁶⁸.

Двойственность человека – это проблема, которая интересует мыслителей разного толка уже не одно тысячелетие. Во введении было показано все многообразие как философских, так и богословских трактовок данного феномена. Кроме того, для понимания масштабности обращения к теме необходимо вспомнить традицию доппельгенгера, проявившуюся в литературе эпохи романтизма. Чаще всего в этом случае речь шла о двойнике как темной стороне личности героя. У некоторых авторов особенностью двойника была невозможность отражаться в зеркале или отбрасывать тень. Одним из первых литературных двойников стал образ Кристабелли из поэмы Кольриджа⁶⁹. Кроме того, в данном контексте следует вспомнить о Э.Т.А. Гофмане⁷⁰, А.С. Пушкине⁷¹, В.Ф. Одоевском⁷², Д. Хогге⁷³, Э. По⁷⁴, Ч. Диккенсе⁷⁵, Р.Л. Стивенсоне⁷⁶, Х.Л. Борхесе⁷⁷ и Ч. Паланике⁷⁸.

⁶⁸ Попович Иустин, преп. Философия и религия Ф.М. Достоевского: пер. с сербского И.А. Чароты. Минск: «Издательство Дмитрия Харченко», 2014. 439 с.

⁶⁹ Кольридж С.Т. Кристабель / Пер. Г. Иванова. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kolxridzh_s_t/text_0030.shtml (дата обращения: 15.01.2024).

⁷⁰ Гофман Э.Т.Амадей. Песочный человек / Пер. Бекетовой М. СПб.: Аркадия, 2021. 112 с.

⁷¹ Пушкин А.С. Уединенный домик на Васильевском острове. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v09/d09-351.htm?cmd=p> (дата обращения: 15.01.2024).

⁷² Одоевский В.Ф. Сильфида. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/o/odoewskij_w_f/text_0060.shtml (дата обращения: 15.01.2024).

Тема двойника нашла свое отражение и в кинематографе. К ней обращались многие мировые режиссеры не один десяток раз. Перечислим лишь некоторые работы: «Незнакомцы в поезде» (1950), «Тень война» (1980), «Двойная жизнь Вероники» (1991), «Доппельгангер» (1992), «Шоссе вникуда» (1997), «Бойцовский клуб» (1999), «Черный лебедь» (2010), «Другая земля» (2011), «Вычитание» (2023) и др.

Несмотря на обилие трактовок и интерпретаций темы во многих направлениях культуры, мы хотим обратиться к двойственности человека в творчестве Ф.М. Достоевского и показать самобытность и актуальность его взглядов на данную проблему. А также укорененность его взглядов именно в русской философской традиции, что становится особенно важно в текущей действительности, когда злободневным является вопрос об особом, суверенном пути России. Как писала Т.А. Касаткина «безусловная основа антропологии Достоевского — неустранимая человеческая субъектность»⁷⁹. Европейская философская и литературная традиции, чьи представления о двойственности человеческой природы базируются на идее субстанциального дуализма Платона, в подавляющем большинстве случаев трактуют двойника, как темную сторону личности, что, в свою очередь, позднее будет осмыслено в рамках психоанализа. А это приводит к тезису М. Фуко, который в интервью Бадью заявил, что после открытия бессознательного, все узнали: человека на самом деле не существует⁸⁰. Таким образом, европейская

⁷³ Хогг Д. Тайная исповедь и мемуары оправданного грешника. М.: Носорог, 2022. 224 с.

⁷⁴ По Э.А. Вильям Винсон / Стихотворения. Проза. Москва: Изд-во "Художественная литература", 1976.

⁷⁵ Диккенс Ч. Повесть о двух городах / Пер. Бекетовой Е. М.: Издательство «Вече», 2022. 480 с.

⁷⁶ Стивенсон Р.Л. Странная история доктора Джекила и мистера Хайда / Пер. Волжиной Н., Озерской Т., Дарузес Н. М.: АСТ, 2022. 416 с.

⁷⁷ Борхес Х.Л. Тема предателя и героя. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/borhes_horhe/tema_predatelya_i_geroya.html (дата обращения: 15.01.2024).

⁷⁸ Паланик Ч. Бойцовский клуб / Пер. Кормильцева И. М.: АСТ, 2020. 254 с.

⁷⁹ Касаткина Т.А. Вступительное слово. Антропология Достоевского: Человек как проблема и объект изображения в мире Достоевского. София: Болгарское общество Достоевского, 2021.

⁸⁰ Фуко. М. Человека на самом деле не существует. [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/XzgbH703-hSRecHc> (дата обращения: 15.01.2024).

философия пришла к идее «смерти человека». Русская интеллектуальная традиция всегда старалась и старается сохранить человека. Одной из таких попыток нам представляется философия Достоевского, в которой фундируется понимание человека как того, кто существует с раздвоенной природой. Изначально следует рассмотреть истоки принципа двойственности в философской антропологии Достоевского (§1.1.), после чего следует ввести понятие ужаса как фундаментальную философскую категорию (§1.2.), ведь именно он напрямую связан с раздвоением человека. Для этого необходимо развести понятия ужаса и страха, а также выделить специфические черты ужаса, которые свойственны русской интеллектуальной традиции. Кроме того, нужно исследовать ужас именно в пространстве творчества Достоевского, чтобы отметить самобытность его концептуализации философом. И наконец, опираясь на выводы предыдущих глав, мы сделаем заключение, что раздвоенность человека приводит к тому, что он живет не в мире, а в иллюзии. Соответственно возникнет необходимость исследовать границу между сном и явью, реальностью и галлюцинацией (§1.3.).

1.1. Истоки антропологического принципа двойственности Ф.М. Достоевского⁸¹

В данном параграфе по-новому ставится вопрос о рецепции идей Н.В. Гоголя Ф.М. Достоевским в повести «Двойник» (см. 1.1.1), кроме того, доказывается влияние философии Б. Паскаля на философскую антропологию Достоевского (см. 1.1.2).

1.1.1. Н.В. Гоголь и «Записки сумасшедшего»⁸²

---

⁸¹ Выводы данной главы частично апробированы в статье: Холоднова К.Н. Истоки антропологического принципа двойственности Ф.М. Достоевского / Философия хозяйства. 2024. Т. 152. № 2. С. 160-172. DOI: 10.5281/zenodo.10869447.

⁸² Выводы данной главы частично апробированы в статье: Холоднова К.Н. Двойственная природа человека как антропологический принцип / Философские науки. 2023. Т. 66, № 2, С. 62-77. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-2-62-77.

В своей повести «Записки сумасшедшего» (1834) Н.В. Гоголь рассказывает нам о мелком петербургском чиновнике, Аксентии Ивановиче Поприщине. Он переписчик бумаг в департаменте и столоначальник, что вполне традиционно для героев Гоголя. Он давно влюблен в дочь своего начальника и периодически рассуждает о том, что в действительности он совсем не отличается от тех богатых ухажеров, которые рядом с ней появляются. Дело все, по мнению Поприщина, только в деньгах. Ведь будь у него их столько же, сколько у других, он был бы даже более внушительен и органичен в своём статусе, чем все остальные. В определенный момент Аксентий Иванович сталкивается с тем, что начинает слышать разговоры собак между собой, потом находит их письма, которые принимается старательно изучать, а после, озадаченный фактом, полученным из газет, что в Испании пропал король, наконец-то понимает, что король этот он. Традиционно история Поприщина трактуется как пошаговый путь человека к сумасшествию. Именно такие интерпретации предлагались, как раньше (В.Г. Белинский, В.Ф. Одоевский), так и сегодня (Л.М. Ельницкая). Оснований для такой точки зрения более чем достаточно мы можем найти и в самой повести. Одно из самых явных указаний на безумие главного героя со стороны автора «Записок...» – это даты дневниковых записей Поприщина. В момент ухудшения его состояния записки становятся датированными «январем того же года, случившимся после февраля» или «Чи 34 сло Мц гдао. Февраль (слово перевернуто и написано задом наперед – примечание мое - К.Х) 349»⁸³, что недвусмысленно указывает на стремительное развитие болезни. Таким образом получилось, что явные намеки, которые можно найти в произведении, практически не оставили исследователям выбора, кроме как трактовать все, что происходит с героем, как развитие

---

⁸³ Гоголь Н.В. Записки сумасшедшего // Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород; Петербургские повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. С. 656-678.

болезни ума. Более того, это перенеслось и на «Двойника», и даже на «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского, которые исследователи традиционно считали и продолжают считать развитием идей, высказанных Н.В. Гоголем в ряде петербургских повестей, а именно в «Записках сумасшедшего» и «Носе». Также уже стало традицией обращать внимание в первую очередь на социальную проблематику образов Гоголя. Например, в «Записках сумасшедшего» Поприщин, рассуждая о самом себе, заявляет: «...ведь ты нуль, более ничего»⁸⁴, и, будучи уже человеком глубоко больным, он обращается к матери и восклицает: «Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головушку! Посмотри, как мучат они его! Прижми ко груди своего бедного сиротку! *Ему нет места на свете! Его гонят!*» (курсив мой – К.Х.)⁸⁵. Ощущение отсутствия места для конкретного человека в мире у героев Гоголя исследователи почти всегда связывают с социальной проблематикой, говоря о том, что вообще образ «маленького человека» — это прообраз каждого из тех, кого общество выталкивает именно по причинам социальным: такой человек беден, робок, нерешителен и никак не развивается на протяжении жизни. Однако, на наш взгляд, идея о том, что для человека нет места в этом мире, глубоко философская и заслуживает основательного и всестороннего антропологического осмысления. Кроме того, необходимо поставить вопрос о границах между сном и явью, реальностью и воображением, для того чтобы понять, почему тот факт, что Поприщин начинает считать себя королем Испании, объясняется не столько психологически, сколько философски. Вставая на этот путь, мы придем к идее двойственности человеческой природы, которая, на наш взгляд, и нашла свое отражение в данном произведении Гоголя, а позднее

---

⁸⁴ Гоголь Н.В. Нос // Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород; Петербургские повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. С. 537-565.

⁸⁵ Там же. С. 679.

была переосмыслена и развита Ф.М. Достоевским в его типе «подпольного человека».

Стоит заметить, что рецепция между этими произведениями – идея среди исследователей крайне распространенная. Например, Л.М. Ельницкая⁸⁶ отмечает, что, в первую очередь, речь идет о перенятии Достоевским у Гоголя записок как формы произведения. Кроме того, она рассуждает о том, что повествование у Гоголя и Достоевского ведется от первого лица, а значит имеет лирическую природу. И наконец, оба автора не демонстрируют свое присутствие, однако использование местоимения «я» помогает им добиться эффекта вбирания в себя множества лиц, в результате чего на примере главного героя формируется образ человека вообще, человека как такового. Также исследователь отмечает и идею двойственности, присутствующую в повести Гоголя. В первую очередь она проявляется в двоении имен, например, имя девушки, в которую влюблен Поприцин, постоянно меняется: она то Софи, то София. На взгляд Ельницкой, это указывает в первую очередь на двойственность мира, который существует в трагическом разрыве между внешним обликом и внутренним содержанием, и это было так глубоко прочувствовано Гоголем, что не могло не быть им выражено в текстах. Этот разрыв проявляется в первую очередь в размытости граней между истиной и ложью, пошлым и ужасным, маской и лицом, важным и ничтожным. Также автор отмечает двойственность значения самой фамилии главного героя: поприще и прыщ. Первое значение Ельницкая объясняет тем, что жизнь перед главным героем потенциально открывается как поприще, на котором человек постепенно движется трудным путем к возвращению в себе образа Божия, а второе связывает с тем, что в реальности герой оказывается угодливым, пошлым и

---

⁸⁶ Ельницкая Л.М. «Некуда человеку пойти». О «Записках сумасшедшего» и «Записках из подполья». URL: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1017/> (дата обращения 21.01.2024).

неглубоким человеком. Ведь все его мечты в действительности касаются исключительно денег и земных благ. Таким образом, получается, что двойственность Поприщина отображает в себе ту самую двойственность мира вообще, о которой писал Гоголь.

Кроме того, как уже было сказано ранее, исследователи часто обращают внимание на влияние и другого произведения Гоголя на «Двойника» Достоевского, а именно повести «Нос» (В.В. Виноградова, К.В. Мочульский, А. Белый, Ю. Тынянова, Х.С. Бузуртанова). В случае такой интерпретации Нос будет восприниматься как двойник главного героя, коллежского асессора Ковалева. Пожалуй, из значимых идей мы здесь хотим заметить только определенные стилистические заимствования со стороны Достоевского, например, Нос говорит: «Я сам по себе. Притом между нами не может быть никаких тесных отношений - сам по себе»⁸⁷. Это напоминает нам как периодически повторяющуюся фразу господина Голядкина, так и отчаянное желание двойника не иметь отношений с Голядкиным – старшим и отделиться от него. Однако, с точки зрения восприятия двойственности, на наш взгляд, сравнения этих произведений непродуктивны.

Стоит заметить при этом, что ни у одного из авторов не сказано о том, почему «Нос» интерпретируется как двойник, а не распад личности. Откуда берется в человеке это сочетание возвышенного и низменного? Почему «Нос» не интерпретируется как безумие героя, а «Записки сумасшедшего» интерпретируются? Почему двойственность человека в целом трактуется как исключительно патологический процесс?

В своей статье «Философский анализ идеи раздвоенности человеческого существования» Ф.И. Гиренок указывает на то, что европейская философия не смогла поставить вопрос о человеке, следуя за

---

⁸⁷ Гоголь Н.В. Нос // Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород; Петербургские повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. С. 537-565.

Аристотелем, согласно взглядам которого душа неотделима от тела и уничтожается вместе с ним. О двойственности человека также будет говорить Декарт в «Размышлениях о первой философии». Он пишет: «...каким образом можно было бы отрицать, что руки эти и все это тело – мои? Разве только я мог бы сравнить себя с Бог ведает какими безумцами, чей мозг настолько помрачен тяжелыми парами черной желчи, что упорно твердит им, будто они короли, когда они нищие...»⁸⁸. В этом случае безумием становится то, о чём говорит нам мозг. Развивая эту мысль, мы приходим к выводу о том, что реальность становится производным от чувства реальности, и никакой реальности самой по себе не будет существовать. Она становится результатом галлюцинации, иллюзии. А люди будут гораздо чаще иметь дело с иллюзиями, чем с рациональностью. Таким образом, иллюзия будет знаком присутствия человека по отношению к самому себе. Рассуждая в таком ключе, мы неизбежно придем к выводу, что ответ на любой другой философский вопрос будет зависеть от ответа на вопрос, что такое человек, который так и не смогла поставить европейская философия. В попытке ответить на него Декарт написал: «Скажу ли это я, что это – живое разумное существо? Нет, ибо тотчас же вслед за этим возникнет вопрос: что это такое – живое существо и что такое разумное? – и так я от одного вопроса соскользну ко множеству еще более трудных; между тем я не располагаю досугом, чтобы растрчивать его на подобные тонкости»⁸⁹. Итак, Декарт, как и вся европейская философия, оставит вопрос о том, что такое человек, без ответа.

Декартовское «человек есть пловец в лодке» влечет за собой то, что я принимаю себя за себя и себя за другого на одних и тех же основаниях, а значит, я одинаково безумен и тогда, когда принимаю себя за себя, и

---

⁸⁸ Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом// Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1994. Т.2 С.3. 72.

⁸⁹ Там же. С. 22.

тогда, когда принимаю себя за другого, как отметил Ф.И. Гиренок в докладе на Международной научной конференции «Московская антропологическая школа: новые идеи в философии». Но разница заключается в том, что первое будет согласованной с обществом галлюцинацией, а значит чем-то социально приемлемым, а второе - нет.

Вторым шагом Декарт заявляет о том, что «сон никогда не может быть отличен от бодрствования»⁹⁰. Последствием этого тезиса Ф.И. Гиренок называет дисквалификацию субъекта и смерть человека в европейской философии. Ведь, в случае если все сон, то эволюция исключит, спящих существ, а если все явь, то существование человека невозможно. В результате европейская философия пошла по пути дисквалификации субъекта и «смерти человека», которая явилась в том числе и закономерным результатом смерти Бога, провозглашенной Ф. Ницше⁹¹. Как справедливо утверждает Н.Н. Ростова в своей книге «Мягкая сила постгуманизма. Что нам мешает мыслить по-русски?», «смерть Бога волнует Ницше в перспективе расчеловечивания человека. Убивая Бога, Ницше устраняет тот антропологический тип, который им удерживался. Бог и человек сопринадлежны друг другу»⁹². Для чего Ницше понадобилось убивать человека? Для освобождения места для сверхчеловека. Задавая сверхчеловека как позитивный смысл идеи «смерти человека», Ницше делает человека тем, что попросту нужно преодолеть. В результате этого в рамках европейской философии, где вопрос о человеке так поставлен и не был, сегодня не может быть дан полноценный ответ на вопросы, как отличить естественный интеллект от

---

⁹⁰ Там же. С. 17.

⁹¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Так говорил Заратустра / пер. с нем. Ю. Антоновского, Е. Соколовой, С. Франка. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. С. 285-532.

⁹² Ростова Н.Н. Мягкая сила постгуманизма. Что нам мешает мыслить по-русски?. Москва.: Проспект, 2022.

искусственного и почему права человека не могут быть отчуждаемы в пользу постчеловеческих существей.

Возвращаясь к герою «Записок сумасшедшего» Поприщину, мы хотим обратить внимание на одну из немногих философских интерпретаций этого героя. Принадлежит она упоминаемому нами ранее Ф.И. Гиренку. Он заявляет, что сущность Поприщина раскрывается в тот момент, когда он впервые задался вопросом, почему он титулярный советник, а не какой-нибудь граф. Что таким образом делает Поприщину, по Гиренку? Он борется с попыткой со стороны общества редуцировать его самость к социальной роли. Для него быть самим собой – это не значит быть элементом социального порядка. Ему уже за 50, а он все еще на том же месте карьерной лестницы, что и десятилетия назад. Почему так? Потому что Поприщину не чувствует времени, а, воображая себя королем Испании, он через галлюцинации удовлетворяет свои желания, т.е. при помощи воображения пытается привести реальность в соответствие со своими ожиданиями. Человек он, по мнению Гиренка, глупый, ведь ум – это умение согласовывать свое субъективное с наличным, а Поприщину отказывается это делать. А еще он крайне себялюбив, а значит у него, как у всякого сильно любящего себя человека две логики: одна из них касается его самого, а другая – всех остальных: по отношению к другим Поприщину - реалист. По отношению к себе идеалист»⁹³. В результате этого все, что касается самого Поприщина, он кладет в горизонт согласия с собой, никогда не противоречит сам себе, а все, что может разрушить это достигнутое им согласие с самим собой, он относит к проявлениям действий враждебного мира по отношению к себе. Таким образом, делает вывод Гиренок, его безумие является разновидностью детства, оно результат пропущенной возможности взросления.

---

⁹³ Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М.: Академический Проект, 2008. 235 с.

Рассмотрев несколько существующих интерпретаций героя Гоголя, мы предложим свою, в которой заявляем, что с него началось воплощение идеи двойственности человеческой природы, свойственной именно русскому сознанию, т.е. раздвоенность человека фиксируется на уровне его самости, а не в виде раздвоения на душу и тело, как в европейской философии. Что делает Поприщин, когда воображает себя королем Испании? Он создает своего двойника. Потому, что наше «я» не из реальности. Оно из мира данного и проявляется как отображение того, чего нет в мире сущего. Воображая собственное я, человек дает начало существованию своего двойника, которого надо сохранять. Чем отличается «я» Поприщина, согласно которому он столоначальник, переписыватель бумаг и бедный чиновник из Петербурга, от того «я», когда он объявляет себя королем Испании? Ничем, кроме того, что в первом случае речь идет о том, что с обществом согласовано, поэтому Поприщину позволяет ходить на работу и гулять, а во втором - о том, что не согласовано с другими, поэтому его помещают в сумасшедший дом и стараются лечить. Трактую Поприщина как сумасшедшего, русская исследовательская мысль обращается к европейской традиции концептуализации безумия и к человеку, который раздвоен на душу и тело (М. Фуко). Однако нам кажется правильным смотреть на Поприщина как на того, чье раздвоение проходит через самую сердцевину его самости. В этом случае мысль Гоголя, вложенная в уста главного героя, о том, что для человека нет места в этом мире, приобретает философский, а не социальный характер. Почему для человека нет места в этом мире? Потому, что человек не представляет собой сущее среди другого сущего. Он существует за счет расширения реальности посредством мнимостей. И одной из таких мнимостей и будет созданный им в воображении двойник. Кроме того, такая трактовка двойственности человеческой природы помогает нам отсеять идеи её патологического характера, а именно так она

воспринимается при всех остальных своих трактовках. В нашем случае двойственность человека будет условием его возможности наделять мир следами своего присутствия. Более того, подобная интерпретация поможет выделить специфически человеческие черты, а значит обосновать идею невозможности рассматривать человека как сущее среди сущего, т.е. обосновать его онтологическую инаковость. Ведь человек становится тем, кто живет в модусе ускользания от что.

1.1.2. Воображение как краеугольный камень антропологии

Б. Паскаля

Интерес Ф.М. Достоевского к философии Б. Паскаля – факт в среде исследователей давно известный. Подтверждений тому масса, например, обращаясь к своему брату, М.М. Достоевскому, писатель будет вспоминать одно из рассуждений Паскаля, включенных в издание «Мыслей»: «...раз Паскаль сказал фразу: кто протестует против философии, тот сам философ»⁹⁴. Среди тех, кто обратил на это внимание, были Л.И. Шестов, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, а также Г.Я. Стрельцова и Д.С. Фарафонова. Среди того, что объединяет этих двух мыслителей, указывается в основном их тяга к парадоксам. Паскаль, который рядом с истиной, часто мыслил и допускал ее противоположность, привлекал склонного к антиномиям в своих идеях Достоевского. Кроме того, исследователи обращают внимание на тот факт, что «хрустальное здание», которое хотели построить герои Достоевского, напоминает «башню» Паскаля, к которой устремлено человеческое сознание. Однако никто из них ранее не обращал внимания на то, как Паскаль мыслит воображение.

В трактате «Мысли» есть небольшая глава, посвященная воображению, где оно определяется как главенствующая способность человека, которая помечает одним знаком истину и ложь. Воображение понимается Паскалем как противовес разуму, и он делает вывод, что

---

⁹⁴ Достоевский Ф.М. Письма 1834-1860. М.: Т8RUGRAM. 2018. 344 с.

«напрасно вопиет разум, не он определяет цену вещам»⁹⁵. Потому, что воображение – это «надменная сила, враждебная разуму, которая тешится своей властью над ним»⁹⁶. В чем проявляется эта власть воображения над разумом? Паскаль объясняет, приводя в качестве примера философа, которому надо пройти по узкой доске через пропасть. Какой бы доска широкой на самом деле ни была и как бы разум ни стремился себе доказать, что она достаточно широка, для того чтобы, двигаясь по ней, можно было перейти через пропасть, философ, по мнению Паскаля, все равно не будет чувствовать себя в безопасности. Ведь воображение оказывает на человека гораздо большее влияние, чем разум. Кроме того, воображение – это такая сила, которая, «чтобы показать, как она могущественна, создала вторую человеческую природу»⁹⁷. О какой второй человеческой природе рассуждает французский философ? О той, которая всем владеет, ведь воображение «создает красоту, праведность и счастье, к чему стремится мир»⁹⁸. Что, таким образом, создается в воображении? Мнимости, которые человек добавляет к этому миру. Ведь красота, праведность и счастье – это не сущее среди другого сущего, они не существуют, но даны нам посредством человека. Итак, мы начинаем трактовать воображение у Паскаля как важнейшую философско-антропологическую категорию и как краеугольный камень его идей о человеке. И двойственность в этом случае не будет развитием идеи субстанциального дуализма, начавшегося с Платона. Паскаль будет отходить от традиционной для западной философии трактовки двойственности человеческой природы. Речь будет идти о том, что человек раздваивается из-за воображения, благодаря которому появляется то, что не встроено в порядок наличного, но существует, потому что

---

⁹⁵ Паскаль Б. Мысли / сост., предисл., коммент. Н. Плужниковой; пер. Ю. Гинзбург. Москва: Издательство АСТ, 2022. 256 с.

⁹⁶ Там же. С. 102.

⁹⁷ Там же. С. 102.

⁹⁸ Там же. С. 105.

человек относится к этому как к существующему. И именно эта идея, ранее не замеченная исследователями, на наш взгляд, оказала глубокое влияние на антропологические идеи Достоевского.

1.1.3. Вывод

Таким образом, мы можем говорить о том, что идея двойственности человеческой природы, так глубоко осмысленная Достоевским, на наш взгляд, была сформулирована под влиянием идей Н.В. Гоголя, изложенных последним в произведении «Записки сумасшедшего», и философии Б. Паскаля, его трактата «Мысли». В первом случае речь будет идти об идее человеческого двойника как того, кто создается человеком посредством его воображения. Ведь гоголевский Поприщин призван показать нам, что он принимает себя за переписчика бумаг и за испанского короля на одних и тех же основаниях. Так Поприщин создает свое «я», как мнимость, потому что сам образ «я» не из реальности, он создан воображением. Когда Поприщин воображает на своем месте мелкого петербургского чиновника, общество с ним соглашается и позволяет ему жить в квартире и на работу ходить. Но, когда он решает, что он испанский король, общество перестает с ним соглашаться и отправляет его в сумасшедший дом. Таким образом, мы можем говорить о том, что реальность есть сторона воображаемого. Во втором случае, мы будем говорить, что на Достоевского оказали влияние идеи Паскаля о воображении. Согласно им, воображение – это то, что создает в человеке вторую природу, уничтожает истину и ложь, а еще главенствует над всем остальным в нем заложенным, в первую очередь над разумом, который перед воображением оказывается бессильным.

1.1.4. Человек и желание невозможного

Влияние философии И. Канта на Ф.М. Достоевского вопрос среди исследователей давно решенный. Я.Э. Голосовкер⁹⁹ обращает наше внимание на то, что Достоевский заимствовал у Канта идею об антиномиях разума. Кроме того, параллели с идеями Канта можно обнаружить во всем творчестве писателя. И в первую очередь они будут относиться к учению о практическом разуме. Современный исследователь Скороморохов А.В.¹⁰⁰ сосредотачивается на теодицее как на том, что объединяет Канта и Достоевского. А.В. Золотарев¹⁰¹ писал о переосмыслении Достоевским идей Канта в области моральной философии. Однако остается все еще не осмысленной связь между проблемой воображения у Канта и Достоевского. При этом тема воображения является одной из наиболее значимых при осмыслении человека в пространстве философской антропологии. Обращение к этой теме поможет заново осмыслить в творчестве Достоевского то, что ранее казалось уже понятым и исчерпанным. И мы хотим обратить свое внимание на идею Канта о трансцендентальной способности воображения, которая, на наш взгляд, получила свое осмысление в типе «двойственного человека» у Достоевского.

Под способностью воображения И. Кант понимал такую функцию души, которая обеспечивает возможность синтеза в познании человека: «синтез вообще, как мы увидим это дальше, есть исключительное действие способности воображения, слепой, хотя и необходимой функции души; без этой функции мы бы не имели никакого знания, хотя мы и редко осознаем ее»¹⁰². Именно способностью воображения обосновал Кант

---

⁹⁹ Голосовкер Я.Э. Достоевский и Кант. Размышление читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». М.: Изд. АН СССР, 1963. 103 с.

¹⁰⁰ Скороморохов А.В. Достоевский и Кант: философско-этический смысл полемики. Тезисы доклада. [Электронный ресурс]. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2020/skomorohov_tezisy.pdf (дата обращения 26.04.2024).

¹⁰¹ Золотарев А.В. Идеи кантовской моральной философии в творчестве Ф.М. Достоевского // Соловьевские исследования. Выпуск 4(60). 2018. С. 73-89.

¹⁰² Кант И. Критика способности суждения. [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/kant_kritika_sposobnosti_suzhdeniya_1994_ocr.pdf (дата обращения 29.01.2024).

возможность познания, которое невозможно без синтетического расширения. Что дает нам воображение? Возможность представлять даже такой предмет, которого нет у нас перед глазами. Таким образом, воображение – это спонтанность, которая дает нам предмет, дает понятиям рассудка чувственное созерцание, а значит, принадлежит чувственности. Тот синтез, который осуществляется благодаря этой способности, свидетельствует о том, что она сама может определять это чувство а priori. Значит сама возможность синтеза созерцаний по категориям есть трансцендентальный синтез способности воображения, что в конечном счете своеобразно соединяет рассудок и чувственность. Способность воображения при этом будет спонтанна, априорна и несводима просто к «репродуктивной» ассоциации чувственных данных, а значит, по Канту, будет продуктивной. Таким образом, понимая, что наши знания о предмете не могут увеличиваться за счет понятий, Кант находит в возможности воображения тот источник, благодаря которому расширение наших знаний о предмете все же происходит, и называет способность воображения «необходимой функцией души, без которой мы вообще не имели бы познания».

М. Хайдеггер в своей книге «Кант и проблемы метафизики»¹⁰³ говорит о том, что продуктивное воображение а priori само по себе нуждается еще в одном корне, которого у самого И. Канта нет. И этим корнем становится изначальное время. Что значит изначальное? То, которое существует до человека, а значит никаким образом с ним не связано. Так Хайдеггер отменяет одну из главных посылок Канта, а именно мыслить философию как антропологию, и снова возвращает все к онтологии.

---

¹⁰³ Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vixri.ru/d/a_filosof/Xajdegger%20M.%20Kant%20i%20problema%20metafiziki.pdf (дата обращения: 21.01.2024).

В природе человека, согласно Канту, существует тяготение к пустым желаниям. Ф.И. Гиренок на вопрос, что такое у Канта пустые желания, отвечает: «это желание невозможного»¹⁰⁴. Что дают человеку пустые желания? Заполняя их, мы создаем не только сами себя, но и весь, учрежденный человеком мир. Если бы не было пустых желаний, не было бы ничего человеческого. А что мы можем назвать человеческим? Придание смыслов, которое осуществляется в горизонте сознания. Поэтому, если мы вычеркнем сознание, мы одновременно уберем и весь мир. Ведь «сознание – это способ расширения реальности посредством учреждения существования объектов мыслей и чувств»¹⁰⁵, которое не имеет никакого отношения к производству знания. Согласно тезису профессора Ф.И. Гиренка, теория продуктивного воображения априори у Канта говорит об особенностях человеческого тела. Тело человека устроено как художник, который смотрит на созданную собой картину со стороны. Для того чтобы это было возможным, нужно сначала создать самого себя. Изначально создаваемый нами мир – это только наша способность к галлюцинированию, затем, вступая в определенную коммуникацию с объектами, которые являются учрежденными вне нас образами, мы начинаем воображать для того, чтобы создать себя. Ведь у человека есть и такие желания, из-за которых он находится в противоречии с самим собой. По Канту, мы есть тогда, когда мы воздействуем на самих себя. Что таким образом постулирует Кант? Что человек разумен, но разум его не объективен, как считалось до, а субъективен. Ведь два ствола познания, а именно рассудок и чувственность, укореняются в третьем, т.е. в воображении. В «Критике

---

¹⁰⁴ Гиренок Ф.И. Человек и желание невозможного. Почему только сознание способно порождать смыслы. [Электронный ресурс]. URL: <https://knife.media/husserl-kant/> (дата обращения: 21.01.2024).

¹⁰⁵ Там же. С. 1.

практического разума»¹⁰⁶ и в «Критике способности суждения»¹⁰⁷ Кант возвращается к мысли о воображении, которая кроется в теории способности желания. Под способностью желания Кант понимает возможность посредством своих представлений быть причиной действительности предметов этих представлений, т.е. возможность посредством своих грез делать свои грезы действительными. Из-за чего это становится возможным? Из-за пустых желаний и неудержимого стремления человека заполнять эту пустоту, ведь «пустые желания обманом переводят нас из мира природы в мир сверхчувственных объектов, в мир свободы»¹⁰⁸.

1.1.5. Вывод

И. Кант совершил антропологический поворот в философии, впервые постулировав субъективность разума, потому что рассудок и чувственность как два ствола познания укореняются у него в воображении. Способность желания позволяет человеку становиться посредством своих грез причиной действительности объектов своих грез, а значит, человек живет не среди вещей, а среди мнимостей, которые сам же и учреждает. Возможности их учреждать коренятся в наличии у человека сознания. Выявив истоки идеи двойственности человеческой природы у Достоевского, мы перейдем к ее осмыслению.

1.2. Ужас двойничества

Обращение к работам С. Кьеркегора и М. Хайдеггера помогает развести страх и ужас (см. 1.2.1) и выделить последний как фундаментальную философскую категорию. Кроме того, подчеркивается аксиологическое измерение ужаса, как такое, которое свойственно русской

---

¹⁰⁶ Кант И. Критика практического разума. [Электронный ресурс]. URL: <http://iakovlev.org/zip/kant2.pdf> (дата обращения 29.01.2024).

¹⁰⁷ Кант И. Критика способности суждения. [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/kant_kritika_sposobnosti_suzhdeniya_1994_ocr.pdf (дата обращения 29.01.2024).

¹⁰⁸ Гиренок Ф.И. Человек и желание невозможного. Почему только сознание способно порождать смыслы. [Электронный ресурс]. URL: <https://knife.media/husserl-kant/> (дата обращения: 21.01.2024).

интеллектуальной традиции, (см. 1.2.2) а также его антропологизация в русской философии и деантропологизация в западной (см. 1.2.3). Далее рассматривается ужас у Достоевского в связи с раздвоенностью героя «Двойника» (см. 1.2.4) и различие сна/яви, действительности и галлюцинации для «двойственного человека» (см. 1.2.5).

1.2.1. Страх и ужас

Ужас – это фундаментальная философская категория. Однако при работе с ней возникают некоторые трудности. Первая связана с тем, что, ужас почти всегда трактуется как результат воздействия мира на человека, а вторая заключается в необходимости развести страх и ужас. Связано это с тем, что для обыденного сознания разница между страхом и ужасом лежит в пространстве меры: ужасом в этом случае становится просто огромный объем страха, его квинтэссенция в моменте. Однако с точки зрения работы с ужасом как с философской и антропологической категорией эта разница принципиальна.

Ввиду повсеместно торжествующей европоцентричности мышления ужас практически всегда связывается с миром, т.е. с воздействием вещей на человека. Например, Р. Декарт¹⁰⁹ трактовал ужас как страсть души, которая возникает в том случае, если воздействие образа кажется угрожающим: «Если это образ чуждый и очень пугающий, т. е. если он живо напоминает то, что прежде вредило телу, то он вызывает в душе страсть страха, а вслед за ней — страсть смелости или страха и ужаса в зависимости от особенностей тела и от силы духа, а также в зависимости от того, удалось ли прежде уберечь себя, защищаясь или спасаясь бегством, от вредных вещей, к которым имеет отношение настоящий образ»¹¹⁰. Именно эта традиция закрепилась в европейской философии.

---

¹⁰⁹ Декарт Р. Страсти души // Сочинения в 2 томах. Том 1. М.: Мысль, 1989.

¹¹⁰ Там же. С. 498.

В истории философии известно, что с различением страха и ужаса работали, в частности, такие известные философы, как С. Кьеркегор и М. Хайдеггер. Мы предпочитаем остановиться именно на них, т.к. считаем, что другие мыслители (К. Ясперс, Ж. Лакан и др.) разрабатывали свои идеи, взяв за основу трактовки данного понятия именно у Кьеркегора. Например, М. Хайдеггер в этом отношении также продолжает развивать Кьеркегоровы идеи.

В своей работе «Понятие страха» (1844), посвященной проблеме первородного/наследственного греха, датский мыслитель С. Кьеркегор впервые в философии проводит границу между страхом как боязнью (Angest) и страхом как ужасом (Frygt). В первом случае речь будет идти о страхе, для которого у нас есть причины, во втором мы будем иметь дело с рационально не обоснованным страхом перед Ничто. В основе страха, по Кьеркегору, будет лежать проблема первородного греха: «следствие или нынешнее присутствие первородного греха в единичном индивиде есть страх, который лишь количественно отличен от страха Адама»¹¹¹, «грех вошел вместе со страхом, но грех также и привел с собою страх»¹¹². Соответственно для преодоления страха нужно преодолеть греховность.

Позднее ужас как страх, у которого нет основания, появится у большого количества философов, например, Ж.П. Сартр в своем романе «Тошнота» устами главного героя скажет: «В общем-то ясно: я почувствовал страх или что-то в этом роде. Если я пойму хотя бы, *чего* (курсив мой – К.Х.) я испугался, это уже будет шаг вперед»¹¹³. Таким образом им будет подчеркнуто отсутствие у ужаса рациональной и четко фиксируемой причины.

---

¹¹¹ Кьеркегор С. Понятие страха / Пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. 2-е изд. М.: Академический проект, 2014. 224 с.

¹¹² Там же. С. 72.

¹¹³ Сартр Ж.П. Тошнота: [роман] / пер. с фр. Ю.Я. Яхниной. Москва: АСТ, 2014. 317, [3] с.

Данную линию также продолжает и немецкий философ М. Хайдеггер. В своей самой известной работе «Бытие и время» он разводит страх (Furcht) и ужас (Angst), говоря буквально следующее: «Страх имеет себе повод во внутримирно озаботившем сущем. Ужас, напротив, возникает из самого присутствия. Страх нападает из внутримирного. Ужас поднимается из бытия-в-мире как брошенного бытия к смерти»¹¹⁴. А в другой работе, под названием «Что такое метафизика» Хайдеггер писал: «Хоть ужас — это всегда ужас перед чем-то, но не перед этой вот конкретной вещью. Ужас перед чем-то есть всегда ужас от чего-то, но не от этой вот определенной угрозы. И неопределенность того, перед чем и от чего берет нас ужас, есть не просто недостаток определенности, а принципиальная невозможность что бы то ни было определить»¹¹⁵. По мнению Хайдеггера, «ужасом приоткрывается Ничто», т.е. как философская категория он рассматривается онтологически.

Таким образом, становится понятно, что различие страха и ужаса, которое в обывательском сознании является количественным, для философии становится фундаментальным. Страх обоснован и рационален, ужас необоснован и иррационален. При работе с феноменом раздвоенности человека мы будем иметь дело с ужасом, а не со страхом.

1.2.2. Этический характер ужаса как феномена

Один из исследователей ужаса как феномена, А.А. Гришин¹¹⁶ настаивает на том, что у ужаса двойственный характер, а именно этический и онтологический. При этом он отмечает, что первый в большей мере присущ западной философии, например, М. Хайдеггеру, о котором мы говорили ранее. Связано это с тем, что он не говорит о нравственном преображении человека, пережившего ужас, поэтому последний в его

¹¹⁴ Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: «Фолио» 2003. 503, [9] с.

¹¹⁵ Хайдеггер М. Что такое метафизика. Электронный ресурс: URL: http://www.bibikhin.ru/cto_takoe_metafizika (дата обращения: 21.01.2024).

¹¹⁶ Гришин А.А. Нравственное назначение ужаса // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2015. № 20 (217). Выпуск 34. С. 128-132.

системе – аксиологически нейтральное понятие. А этический характер восприятия ужаса характерен для русской философской традиции, говоря о которой в первую очередь мы должны упомянуть К.Н. Леонтьева, который, по справедливому замечанию Г. Флоровского, «весь в страхе». В своих работах он больше всего внимания уделяет разработке таких экзистенциалов как страх, боль и страдание. Будучи больным холерой, Леонтьев, испытывая ужас от мысли о собственной телесной смерти, обретает веру в Бога и в личное бессмертие. Характеризуя это состояние в своем письме В.В. Розанову, он упомянет, что за одну минуту поверил в то, во что не мог поверить 40 лет: «к русской и эстетической любви моей к Церкви надо прибавить еще то, чего недоставало для исповедания даже “середы и пятницы”: страха греха, страха наказания, страха Божия, страха духовного – нужно было моей гордости пережить всего только 2 часа физического (и обидного) ужаса»¹¹⁷. В дальнейшем именно страх был важнейшим экзистенциалом для Леонтьева. Опыт проживания любви, о которой ратовали Толстой и Достоевский, для Леонтьева будет лишь вершиной духовного подвига во имя Бога. А вершин, как известно, достичь может не каждый. И именно страх становится тем, что доступно каждому человеку, ведь страх человеческий есть то, что превосходно питает Страх Божий. В.В. Розанов и Н.А. Бердяев справедливо отмечают, что в философии Леонтьева сплавлялось, с одной стороны, эстетическое упоение действительностью, а с другой, религиозный ужас гибели. А поэт Г.В. Иванов¹¹⁸ напишет, что Леонтьев до последнего вздоха остался неизцеленным от ужаса перед жизнью.

---

¹¹⁷ Розанов В.В. Переписка К.Н. Леонтьева и В.В. Розанова (Письма К.Н. Леонтьева с примечаниями В.В. Розанова). [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/r/rozanow_w/w/rozanov_leontyev_perepiska.shtml (дата обращения: 22.02.2024).

¹¹⁸ Иванов Г.В. Страх перед жизнью. Константин Леонтьев и современность / К.Н. Леонтьев: Pro et contra : Антология : [В 2 кн.]. Санкт-Петербург : Изд-во Рус. Христианского гуманитарного ин-та, 1995. (Серия "Русский путь") / Кн. 2: Личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей после 1917 г. 1995. 699 с.

Говоря о страхе в пространстве русской философии, нельзя не упомянуть Н.А. Бердяева, который взял за основание идеи о страхе К.Н. Леонтьева. В своем произведении «Опыт парадоксальной этики» он писал: «...страх, принявший религиозный и нравственный характер, никогда не есть движение вверх, в высоту, к Богу, а всегда есть прикованность к низинам, к обыденности»¹¹⁹. Таким образом, грех и страх становятся тем, что онтологически связано. Кроме того, подлинный ужас может испытываться человеком только перед тайной бытия, но не перед опасностями обыденной жизни: «чистое переживание бездны, отделяющей наш греховный обыденный мир и нашу низшую природу от высшего, горнего, божественного мира, от бесконечной тайны бытия. Поэтому и тоска, и ужас могут иметь чисто нравственное и духовное значение»¹²⁰. Связь между ужасом и переживанием бытия отмечает и современный автор В.В. Варава, который, кроме того, предостерегает нас от того, чтобы философски понимать ужас в свете его определений в психологии или религии: «Ужас – как бы изнанка философского удивления, его противоположный полюс. По сути, удивление и ужас – одно состояние: ужас удивителен, а удивление ужасно. Главное, что перечисленное не имеет отношения ни к психологии (это не эффект), ни к религии (это не «страх Божий»), ни к искусству (это не восторг и вдохновение), ни к повседневности (это не испуг). Оно имеет отношение к бытию и к бытийному в человеке. В какой мере человек чувствует удивление и ужас бытия, в такой мере он философ, потому что бытие как таковое не удивительно для обыденного сознания (оно удивляется чему-то сверхъестественному) и не ужасно (оно боится чего-то особенного, страшного, а не ужасается тому, что есть)»¹²¹.

---

¹¹⁹ Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. М.: АСТ, Хранитель. 2017. 444 с.

¹²⁰ Там же. С. 257.

¹²¹ Варава В.В. Адвокат философии. М.: 2014.

Таким образом, мы можем говорить о том, что в русской философии ужас приобретает аксиологическое измерение. Переживание ужаса для человека является тем, что меняет его. Оно высвечивает ему те тайны, которые ранее были скрыты.

1.2.3. Антропологизация и деантропологизация ужаса

Профессор Н.Н. Ростова в одной из своих работ справедливо замечает, что ужас как фундаментальная философская категория по-разному концептуализируется в русской и европейской философиях. В первом случае, по ее мнению, речь будет идти о деантропологизации этого понятия через попытки указать на фундаментальное ужасающее нечто, которое всюду проглядывает и детерминирует внешний мир. К нему будет относиться и человек. «Мир и мышление, согласно такой логике, не производное от человека, но та бездна, в которой он теряется»¹²², – пишет Н.Н. Ростова. А во втором случае, мы будем говорить об ужасе как антропологической категории и иметь в виду ужас человека от встречи с самим собой. Анализируя взгляды на проблему М. Хайдеггера, Ю. Кристевой, Ж. Батая, Р. Отто, Ю. Такера, Д. Тригга и др., Н.Н. Ростова приходит к выводу, что ужас в данном случае становится не тем, что разворачивает человека к самому себе, а, наоборот, тем, что его от себя отталкивает. В результате отказа человека от самого себя расчищается мир анонимному нечеловеческому, аннулируются его онтологическая инаковость, а сам человек попросту преодолевается. Таким образом, европейская философия предпринимает попытки разрушить антропоцентризм, который связывает мышление с человеком и на этом пути обкрадывает мир. И то, и другое начинает пониматься не как производное от человека, а как бездна, в которой тот теряется.

---

¹²² Ростова Н.Н. «Хоррор» в современной философии: между антропологизацией и деантропологизацией дискурса // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2020. №1. С. 44-60.

Анализируя ужас в русской философии, Н.Н. Ростова обращается к таким авторам, как Ф.М. Достоевский, Л.С. Липавский и из современных - В.В. Варава, и отмечает, что русская традиция обращена к антропологии ужаса. Достоевский в «Записках из подполья» рисует героя, который переживает ужас от «роковой бурды» и хаоса, которыми наводнено его сознание. Липавский обращает наше внимание на то, что человек – это делитель. Он живет, привнося в этот мир иерархии, разрывает пространство. А Варава в книге «Старая квартира», которую сам называет философским хоррором, повествует о непредметном страхе с самим собой, со своим черным человеком.

Таким образом, получается, что западная философская традиция сегодня пытается рассматривать человечность как право, которое может быть распространено и на нечеловеческое, т.е. интеллектуально маргинализирует тему человека в философии. Русская же философия традиционно связывает человека с расширением самого себя, с его выходом за свои пределы.

1.2.4. Ужас господина Голядкина

В предыдущих главах мы выделили существенные, на наш взгляд, черты ужаса как фундаментальной философской категории. Во-первых, обращаясь к философии С. Кьеркегора и М. Хайдеггера, обратили внимание на разницу между страхом и ужасом. Во-вторых, благодаря обращениям к работе современных исследователей А.А. Гришина и Н.Н. Ростовской выделили две существенные черты ужаса, которые характеризуют его как категорию в русской философской традиции: первая – это его этическая природа, и второе – это его антропологическое измерение.

В статье «Кризис субъекта» профессор Ф. И. Гиренок напишет: «...во всем видна нехватка субъекта, везде заметно его отсутствие»¹²³. О какой нехватке субъекта говорит Ф. И. Гиренок? О той, которая появляется в мире, где находит свое проявление кризис субъекта. Первый из них был связан с тем, что разорвалась связь между субъективностью и принципом объективности, а второй - с возможным разрывом между человеком и субъективностью. Каким образом второй кризис субъекта себя проявляет? Недостаточностью призраков в мире, то есть «таких вещей, которых нет, но которые существуют, если к ним относятся как к чему - то действительно существующему»¹²⁴. Чем это угрожает? Разрыв, появляющийся между человеком и субъективностью, становится причиной появления новой когнитивной ситуации – умного и неживого тела, которое может угрожать существованию человека в том виде, в котором мы к нему привыкли. Как философия отвечает на кризис субъекта? Европейская – идеей «смерти человека», русская – попытками мыслить человека не догматически, не доктринально, не научно и не проектно. Одной из таких попыток вопрошать о человеке нам представляется антропология великого русского писателя и мыслителя Ф. М. Достоевского.

В одном из выпусков «Дневника писателя» за октябрь 1876 года Ф. М. Достоевский будет рассуждать о стремлении людей к простоте: «Эта удовлетворимость наша простейшим, малым и ничтожным, по меньшей мере, поразительна»¹²⁵. Именно это желание упрощать и обобщать будет свойственно людям и тогда, когда они рассуждают о человеке, тогда как в действительности речь о человеке должна идти как о том, кто существует «с раздвоенною жизнью и высшим прозрением»¹²⁶.

---

¹²³ Гиренок Ф.И. Кризис субъекта // Литературная газета. 2015. 2 сентября (№34 (6522)). С. 1.

¹²⁴ Там же. С.1.

¹²⁵ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 1056 с.

¹²⁶ Там же. С. 462.

Почти за год до своей смерти Достоевский пишет два письма, Е.Ф. Юнге и М.А. Поливановой, в которых рассуждает о двойственности как фундаментальной черте человеческой природы. В письме М. А. Поливановой от 16 августа 1880 г. из Старой Руссы он скажет буквально следующее: «Вы задаете мне в письме Вашем очень трудный вопрос на разрешение и который, увы, столь всеобщ. Есть ли человеческое существо в наше время, которое бы не тосковало от подобного вопроса? *Двоится* (курсив автора) человек вечно, конечно, может, но, уж конечно, будет при этом страдать»¹²⁷. Что в данном случае постулирует Достоевский? Связь двойственности человека со страданием.

Наиболее интересным для нас будет второе, а именно письмо художнице Катерине Федоровне Юнге от 11 апреля 1880 года, в котором Достоевский дает следующее определение двойственности: «Что Вы пишете о Вашей двойственности. Но это самая обыкновенная черта у людей... не совсем, впрочем, обыкновенных. Черта, свойственная человеческой природе вообще, но далеко-далеко не во всякой природе человеческой встречающаяся в такой силе, как у Вас. Вот и поэтому Вы мне родная, потому что это раздвоение в Вас точь-в-точь, как и во мне, и всю жизнь во мне было. Это – большая мука, но в то же время и большое наслаждение. Это – сильное сознание, потребность самоотчета и присутствие в природе Вашей потребности нравственного долга к самому себе и к человечеству. Вот что значит эта двойственность»¹²⁸. Давая таким образом определение двойственности, Ф.М. Достоевский, во-первых, говорит о разной проявленности двойственности в людях, а во-вторых, определяет ее одновременно и как муку, и как наслаждение. Наслаждение от возможности встречи с самим собой приобретает через постоянную муку, сопровождающую сознание и самоотчет. Двойственность

¹²⁷ Достоевский Ф.М. Письма 1872-1881. М.: T8RUGRAM. 2018. 266 с.

¹²⁸ Там же. С. 187.

понимается Ф.М. Достоевским, как то, что «на всю жизнь» существует в людях по природе, а значит неизживаемо. Потребность самоотчета позволяет удержать собственную самость, постоянно себя проговаривая, человек Достоевского, удерживает себя около себя, не позволяя другим вмешаться в процесс его становления. Отчитываться перед самим собой — значит пребывать в сознании.

Как мы видим, мысль о раздвоенности человека не оставляла Ф. М. Достоевского на протяжении многих лет. Очевидно, более полным ответом на вопрос, что же значит у Ф. М. Достоевского «раздвоенная жизнь» человека, будет анализ повести «Двойник», написанной в 1845 – 1846 гг., а также произведения «Записки из подполья» (1864), в котором Ф. М. Достоевский продолжит осмысление идей, начатых в «Двойнике». Важным будет также сказать, что, по мнению самого мыслителя, именно идея двойственности человека будет самой важной из всех, что у него были. В «Дневнике писателя» он выскажет о «Двойнике» следующее: «Повесть эта мне положительно не удалась, но идея ее была довольно светлая, и серьезнее этой идеи я никогда ничего в литературе не проводил. Но форма этой повести мне не удалась совершенно»¹²⁹. Итак, в «Двойнике» Ф. М. Достоевский расскажет нам о Якове Петровиче Голядкине, странном человеке, который не всегда вполне уверен, «наяву ли и в действительности ли все, что около него теперь совершается, или – продолжение его беспорядочных сонных грез»¹³⁰. Голядкин – бедный чиновник, живущий в Санкт – Петербурге, и до определенного момента он кажется читателю совсем непримечательным, а примечательным он становится тогда, когда внезапно раздваивается среди ночи. Предшествуют раздвоению Голядкина следующие события: Голядкин просыпается утром и вдруг начинает проживать не типичный для себя

¹²⁹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 1056 с.

¹³⁰ Достоевский Ф.М. Двойник // Униженные и оскорбленные: романы, повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С. 121-270.

день, а именно: проснувшись, наш герой пересчитывает деньги в своем кошельке и находит сумму значительной, надевает новые панталоны, манишку с бронзовыми пуговицами, жилетку с яркими цветочками и новый вицмундир. В довершение ко всему он нанимает на весь день карету и куда-то направляется. Нетипичность такого дня для господина Голядкина нам понятна в первую очередь благодаря реакции других на его появление в экипаже: это вызывает недоумение у всех случайно встреченных им по дороге знакомых. Сначала в своем экипаже Голядкин отправляется к доктору медицины и хирургии Крестьяну Ивановичу Рутенштицу, который, судя по его реакции, совсем не ждал господина Голядкина: доктор смутился, и лицо его превратилось в «недовольную мину»¹³¹. Следует заметить, что цель своего приезда к врачу сам Голядкин объяснить толково также не может. Он просто садится на стул и начинает говорить о себе: «...в этом отношении я, Крестьян Иванович, не так, как другие, и много говорить не умею; придавать красоту слогу не научился. Зато я, Крестьян Иванович, действую; зато я действую, Крестьян Иванович»¹³². «Хотя мог бы вредить в свою очередь, и очень мог бы, и даже знаю, над кем и как это сделать»¹³³, – продолжает господин Голядкин без причины. Будучи не в состоянии остановиться, Голядкин докладывает также, что любит спокойствие, а не светский шум, никогда не учился хитростям, которые необходимы в большом свете, и вообще он человек простой, незатейливый, без наружного блеска и совсем кладет в этом смысле оружие. А еще он не интриган, чем гордится, и действует всегда открыто, а не втихомолку. Доктор тщетно пытается понять, зачем к нему приехал Голядкин и почему он это все ему говорит, и начинает предполагать, что того беспокоит какое-то физическое недомогание, а значит ему нужен рецепт. Фактически цель приезда Голядкина и его речь

---

¹³¹ Там же. С. 129.

¹³² Там же. С. 131.

¹³³ Там же. С. 133.

остаются неразъясненными для читателя, однако Ф. М. Достоевский описывает состояние своего героя в этот момент, и именно оно ясно дает нам понять, что для Голядкина все происходящее у врача очень важно: «серые глаза его странно блеснули, губы задрожали, все мускулы, все черты его лица заходили, задвигались. Сам он весь дрожал»¹³⁴. Что происходит с господином Голядкиным? Он внезапно обнаружил, что то, что он думает о себе, и то, что о нем думают другие, — это совсем разные вещи. И Голядкин решительно настроен бороться за то, чтобы другие думали о нем то же самое, что и он сам о себе думает. Он приезжает к доктору и начинает убеждать его в том, что он вот именно такой Голядкин, бесхитростный, открыто действующий и совсем не интригующий, а не какой-то другой Голядкин, которого представляет себе врач и все другие вместе с ним. Он пытается забрать у мира другого Голядкина, такого, каким он видится людям, но он сам им для себя не является. Ему кажется, что, если он расскажет другому, какой он, тогда то, что думает о себе он сам, и то, что будет думать о нем другой, совпадет. Тогда будут не два Голядкиных, а один. Крестьян Иванович считает, что это лечится медикаментами, и настаивает на том, чтобы Голядкин не переставал их пить.

Не добившись ничего от доктора медицины и хирургии, господин Голядкин садится в экипаж и едет дальше. Сначала он едет в Гостиный двор, где сторговывается и обещает выкупить обеденный и чайный сервизы, сигарочницу и серебряный набор для бритья бороды, вещи, совсем ему не нужные, которые, кроме того, ему просто не по карману. После этого Яков Петрович дает распоряжение ехать к Измайловскому мосту, именно это, как окажется впоследствии, и будет самая важная точка его маршрута в тот день. Он является без приглашения на обед в честь дня рождения дочери своего давнего благодетеля Олсуфия Ивановича

---

¹³⁴ Там же. С. 134.

Берендеева. От слуг в дверях он узнает, что хозяин приказал не пускать его. Расстроенный господин Голядкин разворачивается и уезжает, однако спустя какое-то время возвращается и пробирается через черную лестницу на бал, куда он готовился войти почти в течение трёх часов. Обманным путем прокравшийся на вечеринку Голядкин пытается совершать простые действия, но не может: он пробует поздравить именинницу, но сбивается, краснеет и умолкает, затем пытается танцевать, но спотыкается, пытается найти стул, чтобы сесть, но и это ему не удается никак, в конце концов, он пытается просто идти по комнате, но толкает официанта, рвет платье почтенной старушки, наступив на него, и отдавливает ногу какого-то советника. Объективная действительность не подчиняется господину Голядкину, он не может в ней ничего сделать, никакие его желания не получается претворить в жизнь. Мир Голядкина разрывается на субъективное и реальное, и никак не может склеиться, какие бы усилия для этого ни предпринимал Голядкин. В итоге герой повести спасается от действительности в грезе: он просто стоит посреди зала, куда его не приглашали, и представляет себе, что сейчас упадет люстра на Клару Олсуфьевну, а он спасет именинницу. Но не просто спасет, а еще и не попросит ничего взамен, а только бросит ей: «...не беспокойтесь, сударыня; это ничего-с, а спаситель ваш я»¹³⁵. Отказавшись от попыток изменить объективную реальность, Голядкин укрывается в грезах. Ведь человеческое – это грезить, а не делать. А в реальности к нему уже идет Герасимыч и за руки пытается вывести его из квартиры. Оскандалившийся Голядкин пробует отстаивать свои права и говорит: «...а я здесь у себя, то есть на своем месте»¹³⁶, – но для того чтобы занимать место в обществе, нужно, чтобы это было согласовано с самим обществом, а места этого за Голядкиным никто не признает, и его силой выводят из квартиры,

---

¹³⁵ Там же. С. 155.

¹³⁶ Там же. С. 156.

выталкивая за дверь. Так господин Голядкин узнает, что для него нет места в мире, а еще, что его представления о реальности отличаются от того, как она выглядит в чужих глазах. Потому что реальность является производным от чувства реальности, что и чувствует на себе Яков Петрович.

Голядкин идет по улице так, «как будто сам от себя куда-нибудь спрятаться хочет, как будто сам от себя убежать куда-нибудь хочет»¹³⁷. Бег не спасает личность Голядкина от ужаса распада, и он раздваивается: «...ночной приятель его был не кто иной, как он сам, - сам господин Голядкин, другой господин Голядкин, но совершенно такой же, как и он сам, - одним словом, что называется, двойник его во всех отношениях»¹³⁸. Столкнувшись со своим двойником, Голядкин чувствовал себя так, будто горел на медленном огне: «тот, кто сидел теперь напротив господина Голядкина, был – ужас господина Голядкина, был – стыд господина Голядкина, был вчерашний кошмар господина Голядкина, одним словом, был сам господин Голядкин»¹³⁹. Он с ужасом думал о том, что теперь никто не поймет, где настоящий Голядкин, а где поддельный, где оригинал, а где копия. В своих страхах господин Голядкин дошел до того, что «стал, наконец, сомневаться в собственном существовании своем»¹⁴⁰. Таким образом, главное, что владеет Голядкиным в момент раздвоения, – это ужас. Хотя этот факт уже был отмечен многими исследователями, их трактовки ужаса у Достоевского не кажутся нам убедительными. Например, В.А. Подорога связывает появление двойника также с ужасом, но с таким, который, по его мнению, основан на архаических верованиях, древнем страхе перед близнецами-двойниками, которые приносят с собой болезни, порчу, беды и смерть. Кроме того, страх перед двойником,

---

¹³⁷ Там же. С. 159.

¹³⁸ Там же. С. 165.

¹³⁹ Там же. С. 169.

¹⁴⁰ Там же. С. 170.

точной соматической копией, обусловлен тем, что он мертв и «требуется от донора отдать кровь для его оживления»¹⁴¹. И именно страхом во многом поддерживается двойник, который, появляясь, указывает на «распад миметизма, на неспособность подражать себе как Другому, поскольку контакт с ним утрачен»¹⁴², а также на способность «я» соотносить себя с миром.

Исследователь Д. Хапаева¹⁴³ тоже обращается к аналитике ужаса у Достоевского. Она, как и многие предшествующие исследователи, например И.И. Евлампиев, отмечает, что Достоевский предоставляет читателю право разобраться: наяву или во сне господин Голядкин переживал свой кошмар. Пластичность границы между сном и явью у Достоевского будет проанализирована нами далее. Что касается ужаса как такового, здесь Хапаева концентрируется скорее не на причинах этого состояния Голядкина, а на самом состоянии. «Двойник» для нее – это попытка со стороны Достоевского поставить опыт над своим героем с целью понять кошмар как особое ментальное состояние и его развитие в сознании Голядкина. Из интересных наблюдений автора можно отметить идею о невыразимости кошмара в речи, которая стала причиной косноязычия Голядкина.

К.В. Мочульский¹⁴⁴ также обращает внимание на кошмар Голядкина. Связывает он его с чувством отсутствия безопасности у этого человека, который ощущает себя ветшкой и не может отстоять свое место в мире. Н.А. Бердяев констатирует: «Достоевский – художник ужаса. Ужас связан с вечностью»¹⁴⁵.

---

¹⁴¹ Подорога В.А. Рождение двойника. План и время в литературе Ф. Достоевского / Валерий Подорога. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. 418 с.

¹⁴² Там же. С. 218.

¹⁴³ Хапаева Д.Г. Кошмар: литература и жизнь. [Электронный ресурс]. URL: <https://litmir.org/books/nauchnye-i-nauchno-populjarnye-knigi/kulturologiya/199037-dina-xapaeva-koshmar-literatura-i-zhizn.html> (дата обращения: 30.01.2024).

¹⁴⁴ Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послесл. В.М. Толмачева. М.: Республика 1995. 607 с.

¹⁴⁵ Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Мир книги, Литература, 2006.

Как уже было сказано выше, все эти трактовки кажутся нам неубедительными. По Достоевскому, «мистический ужас – это самая огромная сила над душой человеческой»¹⁴⁶, и человеку, этот ужас проживающему, «самое труднейшее и невыносимое дело в подобную минуту, по-моему, есть способность оторваться от своего ужаса, от подавляющей собою идеи. Обыкновенно до последней степени пораженные ужасом уже не могут оторваться от его созерцания, от предмета или идеи, их поразивших: они стоят перед ними как вкопанные и своему ужасу смотрят в глаза прямо как очарованные»¹⁴⁷. Что же тогда заставило ужаснуться господина Голядкина? Первое, на что мы указали выше, – это понимание того, что господин Голядкин не существует для мира таким, каким он существует для самого себя. Голядкин пытается бороться за это, проговаривая свои мысли и сомнения, удерживая себя в себе постоянным самоотчетом, потому что если он не будет этого делать, то общество заберет у него ту личность, которой, как ему кажется, он обладает. Голядкин для Голядкина и Голядкин для общества – это два лица одного и того же Голядкина, они не совпадают ни в какой точке, а, наоборот, противоречат друг другу, что как идея выражается в формуле: «либо вы, либо я, а вместе нам невозможно»¹⁴⁸. Общество требует от Голядкина, чтобы он не был собой, ведь «личности в хорошем обществе не совсем позволительны»¹⁴⁹, а тот не может. Появляется Голядкин-младший, и это другой Голядкин, другой не по отношению к Голядкину-старшему, а по отношению к самому себе. Он есть результат запроса общества, он ничего не думает о себе, а значит, ему не за что бороться. У него получается быстро продвигаться по карьерной лестнице, быть приглашенным туда, куда не приглашают Голядкина-старшего, и для

---

¹⁴⁶ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 1056 с.

¹⁴⁷ Там же. С. 45.

¹⁴⁸ Достоевский Ф.М. Двойник // Униженные и оскорбленные: романы, повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С. 121-270.

¹⁴⁹ Там же. С. 189.

этого всего лишь надо было отказаться от того, чтобы видеть себя не так, как видит общество. Не просто так Ф. М. Достоевский вводит здесь метафорический мотив самозванства, когда Голядкин-старший называет двойника Гришкой Отрепьевым.

Вторая причина ужаса заключается в том, как мы заметили ранее при анализе текста Достоевского, что Голядкин обнаруживает тот факт, что места в мире ему нет. Мир ему не подчиняется даже в самом простом: найти стул, потанцевать да просто постоять на чужом балу. Мир отторгает Голядкина, не дает ему места. Общество выталкивает его и также не соглашается оставлять Голядкину пространство, которое тот пытается занять.

Третью причину ужаса у Достоевского лучше всего можно объяснить словами самого автора. Она была до конца осмыслена в более позднем произведении «Униженные и оскорбленные», но зачатки идеи были уже в «Двойнике»: «Впрочем, надо сознаться во всем откровенно: от расстройства ли нерв, от новых ли впечатлений в новой квартире, от недавней ли хандры, но я мало-помалу и постепенно, с самого наступления сумерек, стал впадать в то состояние души, которое так часто приходит ко мне теперь, в моей болезни, по ночам, и которое я называю *мистическим ужасом* (курсив автора). Это — самая тяжелая, мучительная боязнь чего-то, чего я сам определить не могу, чего-то непостижимого и *несуществующего в порядке вещей* (курсив мой — К.Х.), но что непременно, может быть сию же минуту, осуществится, как бы в насмешку всем доводам разума придет ко мне и станет передо мною как неотразимый факт, ужасный, безобразный и неумолимый. Боязнь эта возрастает обыкновенно всё сильнее и сильнее, несмотря ни на какие доводы рассудка, так что наконец ум, несмотря на то что приобретает в эти минуты, может быть, еще большую ясность, тем не менее лишается всякой возможности противодействовать ощущениям. Его не слушаются,

он становится бесполезен, и это раздвоение еще больше усиливает пугливую тоску ожидания. Мне кажется, такова отчасти тоска людей, боящихся мертвецов. Но в моей тоске неопределенность опасности еще более усиливает мучения»¹⁵⁰. Чему «несуществующему в порядке вещей» ужасается человек? Себе. Ведь человек – это ничто мира, дыра в бытии, не встроенная в порядок наличного. Его терзает ужас собственной метафизической неуместности в мире. Он не подчиняется законам природы, ему нет места в мире, он нечто небытийное. И с этого ужаса собственной небытийности и невозможности и начинается не только человек Достоевского, но и человек как таковой. Таким образом, мы получаем возможность говорить о построении Достоевским негативной антропологии.

Ужас раскалывает господина Голядкина на него и его двойника, и отныне Голядкин вынужден выбирать: идти к себе или убежать от себя. Оказавшись перед невозможностью соединить собственные грезы и реальность, сдавленный ощущением невозможности совладать с реальностью и страхом перед собственной небытийностью, Голядкин распадается на себя и своего двойника. Один будет жить в мире, а другой - в картине мира. В первом все будет держаться причинными отношениями, а во втором - усилиями субъекта. Человек, живущий в мире, всегда сталкивается с чувством, будто он «недоделанное пробное существо, созданное в насмешку»¹⁵¹. А человек, живущий в картине мира, наполняет ее смыслами, лежащими в горизонте его сознания. Ведь «быть субъективным – значит предоставлять себя действию сил воображаемого»¹⁵², а последнее, в свою очередь, «значит изменить

---

¹⁵⁰ Достоевский Ф.М. Униженные и оскорбленные // Униженные и оскорбленные: романы и повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С. 321-660.

¹⁵¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. 832 с.

¹⁵² Гиренок Ф.И. Кризис субъекта // Литературная газета. 2015. 2 сентября (№34 (6522)). С. 1.

сознание, создать в нем второй план»¹⁵³. Что нужно, чтобы этот план появился? «Заселить мир призраками, т.е., такими вещами, которых нет, но которые существуют, если к ним относятся как к чему-то действительно существующему»¹⁵⁴. Будучи распятым между действительностью и грезой и сталкиваясь с невозможностью их хоть как-то примирить, герой оказывается раздвоенным, но его двойственность будет заключаться не в противопоставлении тела и души, как провозгласил Платон, а в разорванности его сознания, в раздвоении его самости. Голядкин живет не среди вещей, а среди мнимостей, т.е. не среди того, что существует, а среди того, что дано ему посредством его воображения.

1.2.5. Негативная антропология

Крайне интересной с антропологической точки зрения оказывается сцена из повести «Двойник», на которую ранее никто из исследователей не обращал внимания, а именно момент, когда господин Голядкин прячется на лестнице перед балом, и сам бал. Ранее нами был сформулирован и обоснован тезис о том, что, обращаясь к себе, человек обращается к небытию. Это одна из посылок, которая дает нам право говорить о построении Достоевским негативной антропологии. Дальнейший анализ данной сцены из повести поможет нам дополнительно обосновать эту точку зрения.

Итак, прокравшись на черную лестницу, господин Голядкин, главное жизненное кредо которого «не троньте меня, ведь я вас не затрогиваю»¹⁵⁵, стоит в углу, «забившись в местечко хоть не потеплее, но зато потемнее, закрывшись отчасти огромным шкафом и старыми

---

¹⁵³ Там же. С. 1.

¹⁵⁴ Там же. С. 1.

¹⁵⁵ Достоевский Ф.М. Двойник // Униженные и оскорбленные: романы, повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С. 121-270.

ширмами»¹⁵⁶. Несмотря на холод, Голядкин выбирает такое место, в котором его не представляется возможным даже заметить. Создается ощущение, что ему вообще не хочется, чтобы мир знал о том, что он существует. Мы можем наблюдать это совсем не единожды, как может показаться. Ранее, когда господин Голядкин, едет в нанятом экипаже и встречает знакомых, он также пытается забиться в угол, лишь бы его не увидели. Пытаясь пробраться на вечеринку, герой рассчитывает пройти так, будто он проскользнул, да никто и не заметил, проникнуть на вечеринку ему хотелось бы как-нибудь «втихомолочку», а когда он наконец, увлекаемый роком, туда проникает, он чувствует себя так, что «с величайшим бы удовольствием провалился бы в эту минуту сквозь землю»¹⁵⁷. Оказываясь в центре событий, господин Голядкин более чем явно отделяет себя ото всех остальных, ведь всё ходило, шумело, смеялось и говорило, а он сам ничего не слышал, ничего не видел и ни на что не мог смотреть. Здесь мы обращаем внимание на то, что, описывая общество, то самое «всё», Достоевский пользуется только глаголами без частицы не, а обращаясь к Голядкину, только с ней. Все, что в этот момент связано с Голядкиным, может быть выражено только через негацию. А сам герой чувствует себя так, что «уже убит вполне»¹⁵⁸, т.е. не существует. Именно это ощущение собственного несуществования обрушивается на Голядкина перед раздвоением. И именно здесь мы можем говорить о том, что психоаналитические интерпретации двойственности этого героя не выдерживают никакой критики. Голядкин не вытесняет никакие свои желания успеха и встраивания в социальный порядок, потому что, если бы они у него были, он не прятался бы в экипаже, лишь бы его в нем никто не увидел. Один из основных посылов Голядкина – это идея того, что его нет, он отделен от мира, он никого не видит и не трогает, и хочет, чтобы и его

---

¹⁵⁶ Там же. С. 150.

¹⁵⁷ Там же. С. 153.

¹⁵⁸ Там же. С. 153.

мир не видел и не трогал в ответ. Таким образом, мы можем говорить о том, что правомерно рассматривать этот образ только с точки зрения негативной антропологии и утверждать, что человек изначально пуст и он выбирает, что положить себя в основание самого себя.

1.2.6. Вывод

Европейская традиция искони концептуализировала ужас как результат воздействия мира на человека, что было продемонстрировано нами на примере идей ряда европейских философов. В русской традиции категория ужаса приобретает два важных измерения: аксиологическое и антропологическое, о чем свидетельствуют исследования таких современных авторов, как А.А. Гришин и Н.Н. Ростова. Ф.М. Достоевский в своем «Двойнике» также осмысляет ужас как феномен, ведь господин Голядкин становится ужасом для самого себя. В пространстве творчества Ф.М. Достоевского эта фундаментальная философская категория становится глубоко антропологичной. Истоки ужаса господина Голядкина лежат в следующем: во-первых, Голядкин внезапно узнает: то, что думает о себе он сам, и то, что думают о нем другие, – это абсолютно разные вещи. Голядкин пробует это исправить, едет к доктору и рассказывает ему о своем двойнике, которого он создал как мнимость. Он докладывает, что человек честный, никому не вредит и живет сам по себе. Врач не соглашается с Голядкиным и предлагает тому лечиться. Во-вторых, приехав на бал, куда Голядкина не хотели пускать, он обнаруживает, что, то место, которое, как ему казалось, он занимает в мире, совсем ему не принадлежит. Он спотыкается, не может найти стул и вообще не должен быть в зале. Его силой выводят из квартиры, и господин Голядкин вдруг понимает, что для него нет места в мире. И в-третьих, разворачиваясь к самому себе, Голядкин понимает, что имеет дело с чем-то не существующим, не встроенным в порядок наличного, а будто выдуманным. Ужас, вызванный ощущением собственной небытийности,

наличием своего двойника и отсутствием места в мире, раскалывает господина Голядкина, и он раздваивается. Кроме того, господин Голядкин, как тот, кто постоянно хочет быть незамеченным, незатронутым и спрятанным от мира, транслирует одну из самых важных своих идей: меня нет. Это позволяет нам утверждать, что господина Голядкина правомерно рассматривать только с точки зрения негативной антропологии.

1.2.7. Сон и явь. Реальность и галлюцинация¹⁵⁹

А.Г. Достоевская писала: «...к слову скажу, что в характере моего мужа была странная черта: вставая утром, он был весь как бы под впечатлением ночных грез и кошмаров, которые его иногда мучили, был до крайности молчалив и очень не любил, когда с ним в это время заговаривали»¹⁶⁰. Эту свою впечатленность ночными грезами Ф.М. Достоевский передал своим героям. При знакомстве с господином Голядкиным мы уже обратили свое внимание на то, что он живет так, будто спит. И эта идея становится одной из главных в произведении, что отмечалось многими исследователями (Д. Хапаева¹⁶¹, И.И. Евлампиев¹⁶²). Более того, на наш взгляд, этот факт должен быть подвергнут глубокому философскому осмыслению в противовес существующим трактовкам безумия Голядкина и как следствие - неразличение для него сна и реальности, жизни и галлюцинации (К.В. Мочульский¹⁶³). Одним из символов безумия Голядкина становится письмо, полученное им от Клары Олсуфьевны Берендеевой. В пользу его нереальности убедительно

¹⁵⁹ Выводы данной главы частично апробированы в статье: Холоднова К.Н. Антропология Великого Инквизитора в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Социум и власть. 2023. Т. 97. № 3. С. 66-77.

¹⁶⁰ Достоевская А.Г. Воспоминания. Книжный Клуб Книговек, 2018. 448 с.

¹⁶¹ Хапаева Д.Г. Кошмар: литература и жизнь. [Электронный ресурс]. URL: <https://litmir.org/books/nauchnye-i-nauchno-populjarnye-knigi/kulturologiya/199037-dina-xapaeva-koshmar-literatura-i-zhizn.html> (дата обращения: 30.01.2024).

¹⁶² Евлампиев И.И. Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012. 585 с.

¹⁶³ Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послесл. В.М. Толмачева. М.: Республика 1995. 607 с.

свидетельствует тот факт, что господин Голядкин, стоя у дома и ожидая свою возлюбленную, это письмо найти не смог. Кроме того, последующее отправление Голядкина в сумасшедший дом также наводит нас на мысль, что большая часть событий его жизни – не более чем галлюцинации ментально больного человека. Однако если обратить свое внимание на разговор господина Голядкина с его слугой Петрушкой перед последней поездкой к Берендеевым, то мы станем свидетелями следующего диалога: «– Увез?...Как! милый мой, ты...– Да-с, увезли-с и в другой усадьбе венчались. Все было заране готово-с. Погоня была-с; князь тут только-с вступились, покойник-с, – ну, и уладили дело-с... – Венчались, да...ты как же, мой милый? ты-то каким же образом, милый мой, знаешь? – Да уж известно-с, что-с! Слухом земля, сударь, полнится. Знаем, сударь, мы все-с...»¹⁶⁴. Но, если письмо – это галлюцинация больного Голядкина, тогда откуда Петрушка знает о нем? О чем свидетельствует этот отрывок? О пластичности для Достоевского границы между сном и реальностью, безумием и жизнью. Он дает нам аргументы и в пользу того, что письмо – это галлюцинация, и в пользу того, что оно реально было. Тогда каким образом мы можем отличить реальность от галлюцинаций господина Голядкина? Никаким. Потому что при развороте человека к самому себе реальность исчезает, а на первый план выходит предваряющее ее чувство реальности.

Может показаться, что такая пластичность границы между сном и реальностью свойственна только тем героям Достоевского, которые находятся на грани помешательства или уже помешанны. Однако это абсолютно не так. Главный герой романа «Подросток», Аркадий Макарович Долгорукий, к глубокому анализу образа которого мы перейдем позже, постоянно задается одним и тем же вопросом: «Вот они

---

¹⁶⁴ Достоевский Ф.М. Двойник // Униженные и оскорбленные: романы, повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С. 121-270.

все кидаются и мечутся, а почему знать, может быть, все это чей-нибудь сон, и ни одного-то человека здесь нет настоящего, истинного, ни одного поступка действительного? Кто-нибудь вдруг проснется, кому это все грезится, — и все вдруг исчезнет»¹⁶⁵.

Любопытным при анализе данной темы также кажется фельетон Достоевского под названием «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (1861). Там мы знакомимся с неким безымянным фельетонистом, который называет себя фантазером и мистиком, а также замечает, что «весь этот мир... походит на фантастическую, волшебную грезу, на сон»¹⁶⁶. Свои грезы герой называет золотыми и болезненными и признается нам, что он до того замечтался, что проглядел всю свою молодость. «Вполне титулярные советники» у него становятся как будто «какими-то фантастическими титулярными советниками», продолжая стирать границу между реальностью и сновидением. И далее весь фельетон наполнен снами этого странного героя. Один из этих снов прямо отсылает нас к Поприщину Гоголя появлением в нем человека, который внезапно решил, что он Гарибальди! Другой рассказывает нам о чиновнике, служившем в департаменте. Очень важным представляется заметить изумляющую порой подробность этих снов. Вот, например, чиновник обладал лицом «вполне безгрешным», ходил он, сгорбившись, смотря в землю, белья на нем почти не было, костюм устарел. А еще у него была старая тетка, родившаяся с зубной болью, и ворчунья-жена с детьми. Что дает Достоевскому такое подробное описание снов? Невозможность для человека отличить сон от реальности, над которой когда-то задумывался Декарт. Видения, которые приходят фельетонисту во сне, — это как будто нарисованная им реальность, показывая которую,

---

¹⁶⁵ Достоевский Ф.М. Подросток: [роман]. Москва: Издательство АСТ, 2020. 576 с.

¹⁶⁶ Достоевский Ф.М. Петербургские сновидения в стихах и прозе. [Электронный ресурс]. URL: <https://readli.net/chitat-online/?b=73253&pg=1> (дата обращения: 23.01.2024).

Достоевский говорит нам о том, что человеку не дано понять, какова реальность сама по себе.

То же самое мы можем наблюдать, обратившись к повести Ф.М. Достоевского «Хозяйка». Крайне впечатлительный, с художественным внутренним миром Ордынов ищет для переезда новый «угол». Сняв его у странного мещанина, он знакомится с женщиной по имени Катерина, которая то ли жена, то ли дочь, то ли дальняя родственница, то ли любовница подозрительного хозяина по фамилии Мурин. Ордынов заболевает и пребывает долгое время в бреду. После болезни он постоянно жил с ощущением, «что все это еще сон, даже был в этом уверен»,¹⁶⁷ и «порой он сжимал свою руку, как будто не доверяя действительности»¹⁶⁸, а своей возлюбленной Катерине он говорит: «...точно сон кругом меня; я верить в тебя не могу»¹⁶⁹. Ощущение отсутствия границы между снами и явью, бредом и действительностью подпитывается не только словами Ордынова, но и несвязанными рассказами Катерины о ее прошлом. Остается неясным, кто все-таки Мурин? Ее муж, любовник, родственник? Достоевский предлагает нам аргументы для подтверждения любой из этих версий. Мурин утверждает, что Катерина просто помешалась, и Ордынов неохотно признается в том, что у него есть основания принимать это суждение за правду. Итак, получается, что мы не можем толком понять, какая из версий справедлива. Более того, если последовательно анализировать события в произведении, то нам вообще стоит задуматься над вопросом: а были ли Катерина и Мурин или это все часть болезненного бреда Ордынова?

Кроме того, обращаясь к роману «Преступление и наказание», современный исследователь Б.Н. Тихомиров сопоставляет действия,

---

¹⁶⁷ Достоевский Ф.М. Хозяйка // Полное собрание повестей и рассказов в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. С. 125-180.

¹⁶⁸ Там же. С. 165.

¹⁶⁹ Там же. С. 152.

происходящие в романе и реальные газетные хроники того периода. Убедительно аргументируя свою позицию, он приходит к значимому для нас в данной главе выводу: «эти выразительные примеры наглядно демонстрируют, как зыбка граница между реальной петербургской действительностью и “фантастическим реализмом” Достоевского»¹⁷⁰.

Похожим приемом Достоевский пользуется, чтобы стереть границу между реальностью и галлюцинацией. В качестве примера-иллюстрации обратимся к Ивану Карамазову – одному из главных героев романа «Братья Карамазовы». Именно его Достоевский делает автором притчи о Великом Инквизиторе, которую Фрейд позднее назовет величайшим произведением мировой литературы. Именно Иван Карамазов поставит больше всех «проклятых вопросов», которые вечно мучают человека. И именно его голосом Достоевский задаст миру проблему слезы одного ребенка как платы за грядущее счастье человечества. И при всем этом именно Иван Карамазов оказывается таким героем, который как будто не важен для сюжетной канвы романа, потому что как таковых действий он в нем практически не совершает. Сергей Николаевич Булгаков пишет об этом так: «...постоянное страдание, жгучая боль неразрешенных сомнений заставляет Ивана внимательно относиться только к своему внутреннему миру; на участие во внешней жизни у него не хватает сил»¹⁷¹. Закономерным итогом его внутренней борьбы с самим собой становится знаменитая легенда «Великий Инквизитор». В 5 книге романа, которую Достоевский назовет «Pro и contra», что не случайно, т. к. речь идет о схоластическом методе ведения дискуссии, содержатся 2 наиболее значимые главы последнего романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», а именно «Бунт» и легенда «Великий Инквизитор».

---

¹⁷⁰ Тихомиров Б.Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005, 472 с.

¹⁷¹ Булгаков С.Н. Иван Карамазов в романе Достоевского «Братья Карамазовы» как философский тип // О великом инквизиторе. Достоевский и последующие: Леонтьев, Соловьев, Розанов, Булгаков, Бердяев, Франк. Москва: «Молодая гвардия», 1991. С. 194-218.

Читатель становится свидетелем встречи и разговора двух братьев: Алеши и Ивана Карамазовых, в котором Иван пытается ответить Алеше на вопрос: почему он мира не принимает? А также поговорить как настоящие русские, ведь «настоящим русским вопросы о том: есть ли Бог и есть ли бессмертие, или, вопросы с другого конца, конечно, первые вопросы и прежде всего»¹⁷². Именно в этом разговоре рождаются наиболее метафизически глубокие проблемы, которые являются специфически человеческими и не имеют срока давности, а именно проблема слезы ребенка, как платы за грядущее счастье всего человечества, проблема оправдания существования зла в мире, сотворенном Богом, или вопросы теодицеи, проблема радикального прощения того, что, как кажется, является непростительным и т.д. Именно они толкают Ивана - одного из самых сложных героев Достоевского, которого Лосский назвал «титаническим богоборцем»¹⁷³, – придумать легенду о Великом Инквизиторе. Библейская Книга Иова, поразившая Достоевского, помогла ему глубже, тоньше, острее поставить посредством образа Ивана те самые «первые» вопросы. Иов – библейский персонаж, который, будучи праведником, был подвергнут Богом большим испытаниям. «А Иов все время говорит неправильные вещи: он ропщет, он протестует, он проклинает день своего рождения, он не согласен с тем, что заслужил выпавшие на его долю испытания»¹⁷⁴. И, так же как Иван Карамазов, он пытается искать у Бога ответов.

На примере анализа легенды Германом Гессе в его эссе «Братья Карамазовы, или закат Европы» мы увидим, что человек Достоевского испугал европейских интеллектуалов. Гессе пишет о том, что, обладая прозорливостью пророка, Достоевский в своем романе небывало

---

¹⁷² Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. 832 с.

¹⁷³ Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. М.: Книга по Требованию, 2021. 412 с.

¹⁷⁴ Митрополит Иларион (Алфеев). Евангелие Достоевского / Митрополит И. Алфеев. М.: Издательский дом «Познание», 2021. 232 с.

отчетливо предсказывает закат Европы. «Идеал Карамазовых, древний, азиатский оккультный идеал, начинает становиться европейским, начинает поглощать европейский дух. И это я называю закатом Европы»¹⁷⁵. «В двух словах, это отказ от любой твердо установленной этики и морали в пользу всепонимания, всеприятия, новой, опасной, страшной святости – той, что предрекает старец Зосима, что наполняет жизни Алеши»¹⁷⁶. «Следовательно, новый идеал, угрожающий подсечь корни европейского духа, - это, по-видимому, полная аморальность мыслей и чувств, способность даже в самом дурном, самом безобразном прозревать божественное, необходимое, судьбоносное»¹⁷⁷. Вскрывая смысл этих цитат, мы видим, какой человек угрожает Европе? Человек с нестертыми дихотомиями, в котором уживается и дурное и хорошее, и прекрасное и безобразное, противоречивый, сложный, мягкий и жестокий одновременно. Тот человек, которого не смогла подчинить себе рациональная европейская философия, который не поддается контролю со стороны разума, а продолжает проявлять специфически человеческие стороны собственной личности. Человек, который как герой «Записок из подполья» «слишком сознает», хочет послать все алгоритмы к черту и разрушить хрустальное здание только ради того, чтобы свою волю заявить. Тот человек, который допускает всеприятие, потому что видит в другом частицу бесконечного. Достоевский в письмах писал, что после убийства старухи-процентщицы Раскольников сталкивается с тем, что он оторван от людей, он больше не часть чего-то, что составляет саму его суть. Он «принужден, чтобы хотя погибнуть в каторге, но примкнуть опять к людям; чувство разомкнутости и разъединенности с человечеством, которое он ощутил тотчас же по совершении

---

¹⁷⁵ Гессе, Г. «Братья Карамазовы», или закат Европы. Раздумья, вызванные чтением Достоевского / Магия книги: эссе о литературе. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2022. С. 311-334.

¹⁷⁶ Там же. С. 313.

¹⁷⁷ Там же. С. 314.

преступления, замучило его»¹⁷⁸. И дело здесь в том, что все люди объединены как те, кто несет в себе частицу бога. Поправ не человеком установленные порядки, Раскольников отрезает себя от возможности быть частью «собираания человеческих личностей в богочеловечестве»¹⁷⁹. И русское всепрятие, которое так напугало Гессе, не про позволение любого произвола, а про возможность человека вернуться к Богу, даже если он совершил недопустимое. Про преобразование человека даже в ситуации, когда оно, казалось бы, уже невозможно. Как глубоко замечает В. С. Соловьев в «Речах в память Достоевского», «...он верил в бесконечную силу человеческой души, торжествующую над всяким внешним насилием и над всяким внутренним падением»¹⁸⁰. Но европейской мысли, которую транслирует Гессе, не нужен всякий человек, потому что она не знает, кто он такой. Ей нужен конкретный. Какой человек нужен европейской философии? Тот Иван Карамазов, с которым мы знакомимся в самом начале романа. Потому что дальше, согласно Гессе, «показано превращение Ивана из цивилизованного человека в Карамазова, из европейца – в русского, из типа, сформированного историей, - в бесформенный материал будущего! С потрясающей убедительностью, свойственной снам, описано это постепенное скатывание Ивана прочь из светлого, подобного нимбу круга выдержки, разума, холодности и учености в истерию, в русское, в карамазовщину»¹⁸¹. Далее Гессе признает слабость европейского разума понять русского человека и заявляет: «...подходя с европейской позиции, твердой, моральной, этической, догматической позиции, нам его не раскрыть. В

---

¹⁷⁸ Достоевский Ф. М. Письма 1861-1871. М.: T8RUGRAM, 2018. 460 с.

¹⁷⁹ Бердяев, Н. А. Из книги «Новое религиозное сознание и общественность» / О великом инквизиторе: Достоевский и последующие. М.: Мол. гвардия, 1992. С. 219-241.

¹⁸⁰ Соловьев, В. С. Из речей в память Достоевского / О великом инквизиторе: Достоевский и последующие. М.: Мол. гвардия, 1992. С. 57-71.

¹⁸¹ Гессе, Г. «Братья Карамазовы», или закат Европы. Раздумья, вызванные чтением Достоевского / Магия книги: эссе о литературе. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2022. С. 311-334.

этом человеке уживается внешнее и внутреннее, добро и зло, Бог и сатана»¹⁸². Что не может раскрыть европейская философия, которая, как справедливо утверждает профессор Ф. И. Гиренок в своей монографии «Введение в сингулярную философию», так и не сумела поставить вопрос о человеке? Идею двойственности человеческой природы, которая вмещает в себя и внешнее и внутреннее, антиномии и дихотомии. Идею такого человека, который учреждает в мир все, что может быть двойным, как и он сам: любовь/ненависть, добро/зло, уродство/красоту и т.д.

В какой-то момент Иван начинает производить на всех впечатление безумца. И пиком его болезни, точнее преобладания сознания надо всем остальным внутри героя и вовне его, становится галлюцинация о черте: «в вашем состоянии галлюцинации очень возможны»¹⁸³. О каком именно состоянии речь? О помешательстве, о захвате сознанием всего внутреннего, что есть в герое, и всего внешнего для него, что есть вовне. Ведь что обеспечивает нам сознание? Навигацию в мире образов. Описание черта занимает в романе полторы страницы: Достоевский концентрирует внимание на его внешности, одежде и даже личности. Он пишет, что у черта коричневый пиджак, длинный галстук в виде шарфа, грязноватое белье и потертый широкий шарф, а еще слишком светлые клетчатые панталоны и мягкая белая пуховая шляпа. В общем, «вид порядочности при весьма слабых карманных средствах»¹⁸⁴. При этом описания внешности самого Ивана в романе нет. Мы не знаем, как он выглядит и во что одет. Мы не можем представить себе портретных деталей одного из главных героев, но можем разглядеть черта, который явился тому в виде галлюцинации. Мы знаем, что у черта были «слабые карманные средства, на нем не было часов, но был черепаховый лорнет на

---

¹⁸² Там же. С. 316.

¹⁸³ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. 832 с.

¹⁸⁴ Там же. С. 665.

черной ленте»¹⁸⁵. Достоевский как будто делает галлюцинацию реальнее реально существующего Ивана, то есть она как будто становится более важной частью реальности, чем сама реальность. В этой точке мы видим, что сознание будто вытесняет действительность, замещает ее для Ивана. И он бросает чёрту: ты моя галлюцинация, надо какое-то время пострадать, и пройдет. Ухмыляясь, черт отвечает: «...да, это слабость природы. Я не знаю, спал ли я в прошлый раз или ходил»¹⁸⁶. Та самая слабость природы в человеке – это точка, в которой человек не может ответить, спал он или ходил, реальный черт перед ним или галлюцинация. Точка, в которой понятно, что ничего природного в человеке нет.

Черт рассказывает Ивану, что и сам он, как Иван, «страдает от фантастического, а потому и любит земной реализм. Тут все очерчено, тут формула, тут геометрия, а у нас все какие-то неопределенные уравнения»¹⁸⁷. «Моя мечта, - продолжает черт, - воплотиться, но чтоб уж окончательно, безвозвратно, в какую-нибудь толстую семипудовую купчиху и всему поверить, во что она верит. Мой идеал – войти в церковь и поставить свечку от чистого сердца, ей-богу так. Тогда предел моим страданиям»¹⁸⁸. Толстую семипудовую купчиху не мучит сознание, нет в ней проклятых вопросов, как в Иване, «натуре в высокой степени этической, принужденной отрицать этику»¹⁸⁹.

Достоевский много раз замечал, что его зря обвиняют в фантастичности его героев, он пишет, что его герои – это «реализм в высшем смысле этого слова». Что такое человек в том самом «реализме в высшем смысле этого слова», по Достоевскому, — это тот самый человек, который обладает странной «слабостью природы», проявляющейся в том,

---

¹⁸⁵ Там же. С. 665.

¹⁸⁶ Там же. С. 667.

¹⁸⁷ Там же. С. 668.

¹⁸⁸ Там же. С. 668.

¹⁸⁹ Булгаков С.Н. Иван Карамазов в романе Достоевского «Братья Карамазовы» как философский тип // О великом инквизиторе. Достоевский и последующие: Леонтьев, Соловьев, Розанов, Булгаков, Бердяев, Франк. Москва: «Молодая гвардия», 1991. С. 194-218.

что он не знает, спит сейчас или ходит, как выглядит реальность, не галлюцинация ли она. В своем «Дневнике» Ф.М. Достоевский писал: «“Надо изображать действительность как она есть”, – говорили они, тогда как такой действительности совсем нет, да и никогда не бывало, потому что сущность вещей человеку недоступна, а воспринимает он природу так, как отражается она в его идее, пройдя через его чувства; стало быть, надо дать поболее хода идее и не бояться идеального»¹⁹⁰. Что таким образом постулирует Достоевский? Невозможность постижение реальности человеком, если ее не предваряет чувство реальности.

1.2.8. Вывод

Таким образом, получается, что Достоевский, концептуализируя «двойственного человека», показывает нам, насколько границы между сном и реальностью, бредом и галлюцинацией оказываются пластичными, тонкими и в какой-то момент даже полностью исчезают. Внимание Достоевского к детальным описаниям снов и галлюцинаций помогает нам сделать вывод, что они становятся для него более значимыми, чем сама реальность. Почему так получается? Потому, что «двойственный человек» не только воображает собственное «я», но и делает то же самое по отношению к реальности: он живет не в мире, а в картине мира. Его реальность – это то, что производно от чувства реальности. В таком случае вопрос о том, как выглядит реальность сама по себе, нивелируется, потому что мы приходим к выводу, что человеку вообще не дано это узнать. Ведь он живет не в тождестве бытия и мысли о бытии, он пытается привести бытие в соответствие со своими мыслями о нем. Кроме того, мы можем говорить о том, что сны и галлюцинации – это способы расширить собственный нетелесный опыт. В них мы видим то, чего не было, нет сейчас или не будет, но могло бы быть.

---

¹⁹⁰ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 1056 с.

ГЛАВА 2. «ПОДПОЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК» КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП В ПРОСТРАНСТВЕ ФИЛОСОФИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО¹⁹¹

В предыдущей главе мы прояснили основания двойственности человеческой природы в творчестве Ф.М. Достоевского. Была проанализирована повесть «Двойник» и впервые проявившаяся в ней идея двойственности природы человека в пространстве творчества Достоевского. Далее нами будет продемонстрировано, что идея раздвоенности человека нашла свое отражение в типе «подпольного человека». А он «есть главный человек в русском мире»¹⁹², – именно так отзывался Ф.М. Достоевский о «главнейшем» в своем творчестве. Как справедливо замечают многие исследователи и мыслители, например В.В. Розанов, именно «подпольный человек» Ф.М. Достоевского не получил должного внимания и не был отрефлексирован настолько, насколько он того заслуживает. При этом оценки этого типа предельно разнятся: от восхищения (Розанов В.В.¹⁹³, Мочульский К.В.¹⁹⁴, Гиренок Ф.И.¹⁹⁵) до сдержанного неприятия и даже отторжения (С.А. Никольский¹⁹⁶). Кроме того, нам кажется важным, что «подпольный человек» крайне редко подвергался рефлексии именно как антропологический тип, созданный в пространстве творчества Ф.М. Достоевского. Обычно попытки анализировать внутренний мир «подпольного» человека уводят авторов в сторону идеологии и даже политики, т.е. исследования оборачиваются критикой почвеннических убеждений Ф.М. Достоевского. Мы же хотим

---

¹⁹¹ Выводы данной главы частично апробированы в статье: Холоднова К.Н. «Подпольный человек» как антропологический тип в творчестве Ф.М. Достоевского // Социум и власть. 2024. Т. 1. С. 32-45. DOI: 10.22394/1996-0522-2024-1-32-45.

¹⁹² Достоевский Ф.М. Дневник писателя. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 1056 с.

¹⁹³ Розанов В.В. Одна из замечательных идей Достоевского // Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. редакцией А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 487-494.

¹⁹⁴ Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послесл. В.М. Толмачева. М.: Республика 1995. 607 с.

¹⁹⁵ Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М.: Академический Проект, 2008. 235 с..

¹⁹⁶ Никольский С.А. «Подпольность» как мессианский национализм: трагическая ошибка Достоевского // Вопросы философии. 2013. № 7. С. 109-120.

сосредоточиться именно на философско-антропологическом анализе типа и показать, что через него Ф.М. Достоевский открыл двойственность человека как фундаментальный антропологический принцип. Из значимых исследований в области философского осмысления типа можно выделить трактовку К.В. Мочульского, данную им в работе «Гоголь. Соловьев. Достоевский», где он очень точно, на наш взгляд, заметил: «...парадоксы подпольного человека – не причуды какого-то полусумасшедшего чудака, а *новое откровение* человека о человеке (курсив автора)»¹⁹⁷. Мы видим задачу данной главы в том, чтобы проследить развитие типа в произведении «Записки из подполья» (§2.1.), а также обосновать принадлежность главного героя романа «Подросток» к типу «подпольного человека» (§2.3.). Кроме того, необходимо ознакомиться с трактовками «подпольного человека», существующими в пространстве философии на сегодняшний день (§2.2.).

2.1. «Записки из подполья» - радикализация типа

Образ Голядкина не оставлял Ф.М. Достоевского на протяжении последующих почти 20 лет после издания повести, о чем свидетельствуют записные книжки и тетради писателя. В записях 1860–1862 годов мы находим наброски Ф.М. Достоевского, необходимые писателю для запланированного им переиздания повести. «Мой главнейший подпольный тип, – писал Ф.М. Достоевский о Голядкине, (надеюсь, что мне простят это хвастовство в виду собственного сознания в художественной неудаче типа)». И дальше по тексту: «Подпольный человек есть главный человек в русском мире. Всех более писателей говорил о нем я...»¹⁹⁸. Здесь мы видим, как сам писатель точно обозначает глубокое родство между Голядкиным, о котором мы говорили выше, и

¹⁹⁷ Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послесл. В.М. Толмачева. М.: Республика 1995. 607 с.

¹⁹⁸ Достоевский Ф.М. Неизданный Достоевский: записные книжки и тетради 1860-1881 гг., М.: Наука, 1971.

человеком из подполья, героем повести «Записки из подполья», в которой Ф.М. Достоевский продолжит развивать идеи, лежащие в основании «Двойника».

Повесть «Записки из подполья» (1864) является, пожалуй, самой радикальной попыткой Ф.М. Достоевского изобразить «подпольного человека». К.В. Мочульский справедливо заметил: «парадоксы подпольного человека – не причуды какого-то полусумасшедшего чудака, а новое откровение человека о *человеке* (курсив автора). Сознание озлобленной мыши, заземленной в подполье, оказывается *человеческим сознанием* вообще (курсив автора)»¹⁹⁹.

В отличие от Голядкина, который все же сохранил хоть какие-то связи с обществом, герой «Записок...», получив наследство, уходит в подполье на сорок лет, радикально разрывая свои связи с людьми, т.е., освобождает себя от любого внешнего причинения: «моя квартира была мой особняк, моя скорлупа, мой футляр, в который я прятался от всего человечества»²⁰⁰. Дистанция от мира помогает герою перейти в режим молчания, который, согласно тезису профессора Ф.И. Гиренка, позволяет открыть в себе свою самость, ведь «когда человек говорит, он, наоборот, дистанцируется по отношению к самому себе и посредством языка открывает себя внешнему»²⁰¹. Итак, «злой, непривлекательный» герой «Записок...» много рассуждает о сознании и приходит к выводу, что «слишком сознавать – это болезнь, настоящая, полная болезнь. Для человеческого обихода слишком было бы достаточно обыкновенного человеческого сознания, то есть в половину, в четверть меньше той

---

¹⁹⁹ Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послесл. В.М. Толмачева. М.: Республика 1995. 607 с.

²⁰⁰ Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Полное собрание повестей и рассказов в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. С. 596-674.

²⁰¹ Гиренок Ф.И. Море грез Море грез // газета «Завтра». [Электронный ресурс]. URL: <https://fb2.top/gazeta-zavtra-963-17-2012-274330/read/part-15> (дата обращения: 29.01.2024).

порции, которая достается на долю развитого человека»²⁰². Сознание же является продуктом страдания, а еще обеспечивает жизнь человека во времени, а не в пространстве. И значит, тот, кто не страдал, не сознает, т.е. не созидает, не создает. Чтобы создавать, надо страдать. Кроме того, «подпольный человек» постоянно воздействует сам на себя: «...я стыдился; до того доходил, что ощущал какое-то тайное, ненормальное, подленькое наслаждение возвращаться, бывало, в иную гадчайшую петербургскую ночь к себе в угол и усиленно сознавать...и внутренне, тайно грызть, грызть себя за это зубами, пилить и сосать себя до того, что горечь обращалась наконец в какую-то позорную, проклятую сладость и наконец – в решительное, серьезное наслаждение!»²⁰³. Когда мы говорим о самовоздействии, необходимо развести такие понятия, как эмоция и аффект. Здесь мы будем опираться на различие, введенное Ф.И. Гиренком²⁰⁴, который в своей статье «Аффект и эмоция: проблема расширения реальности посредством мнимости» писал, что при помощи аффекта можно характеризовать отношение, а при помощи эмоции отношение к образам. Таким образом, получается, что аффективное отношение возможно у животных и человека, а эмоциональное только у человека. Самовоздействие у Достоевского, определенно, возможно благодаря наличию сознания. Потому что последнее связано с самоограничением, в результате которого появляется чувство вины, стыд, муки совести, которые предшествуют любому акту. Все это приводит к эмоциональному взрыву, который направлен внутрь, на себя самого. О нем говорят многие герои Достоевского, например, именно об этом ведет

---

²⁰² Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Полное собрание повестей и рассказов в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. С. 596-674.

²⁰³ Там же. С. 599.

²⁰⁴ Гиренок Ф.И. Аффект и эмоция: проблема расширения реальности посредством мнимости // Человек. 2023. Т. 34. № 2. С. 7-20.

речь Раскольников, когда внутри себя говорит: «я сам измучил и истерзал себя»²⁰⁵.

Что происходит с отрезавшим себя от мира «подпольным человеком»? Оставаясь один на один с собой, он сталкивается с «непредметным страхом собственной метафизической неуместности»²⁰⁶ и оказывается в «избыточном пространстве, которое не описывается законами природы»²⁰⁷. Что делать человеку там, где перестали действовать законы природы? Учреждать собственный порядок, «двигаться в мире на ощупь, глядя на него нутряным взором субъективности»²⁰⁸. В попытках сделать это «подпольный человек» при помощи эмоции воздействует сам на себя. А еще он провозглашает собственное хотение главным из того, что нужно человеку, ведь если тот перестанет хотеть, то «тотчас же обратится он из человека в органный штифтик или вроде того, потому что что такое человек без желаний, без воли и без хотений, как не штифтик в органным вале?»²⁰⁹. Кроме того, «подпольный» человек хочет жить в хрустальном здании, которого «по законам природы не полагается»²¹⁰. «Но какое мне дело, - восстает он, - что его не полагается. Не все ли равно, если он существует в моих желаниях, или, лучше сказать, существует, пока существуют мои желания?»²¹¹. Сознание становится для «подпольного человека» тем, что удваивает реальность, создавая в ней второй план. А значит и делает человека чем-то, что «всегда больше, чем он есть»²¹², потому что, расширяя реальность посредством мнимостей, рождающихся внутри его сознания, человек существует в ускользании от

²⁰⁵ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: роман. М.: Эксмо, 2019.

²⁰⁶ Ростова Н.Н. «Хоррор» в современной философии: между антропологизацией и деантропологизацией дискурса // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2020. №1. С. 44-60.

²⁰⁷ Там же. С. 59.

²⁰⁸ Там же. С. 59.

²⁰⁹ Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Полное собрание повестей и рассказов в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. С. 596-674.

²¹⁰ Там же. С. 616.

²¹¹ Там же. С. 611.

²¹² Гиренок Ф.И. Homo hallucinatus: идея двойной инверсии в исследовании человека // Философские науки. 2023. Т. 66. №2. С. 7-25. DOI: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2022-66-2-7-25>.

что. Воображая дворец там, где в реальности курятник, «подпольный человек» прodelывает работу по преодолению бессмысленности мира. Где «подпольный человек» берет смыслы? Они рождаются в горизонте сознания и становятся специфическим следом существования человека, как того, кто способен воображать. Что значит воображать? Это значит благодаря сознанию удваивать мир до картины мира. Что происходит с человеком, который отказывается от своих грез? Он успокаивается «на компромиссе, на непрерывном периодическом нуле, потому только, что он существует по законам природы и существует *действительно* (курсив автора)»²¹³. А не соглашающийся на компромиссы «подпольный человек» вопрошает: «Какое мне дело до того, что так невозможно устроить ...? Зачем же я устроен с такими желаниями? Неужели ж я для того только и устроен, чтобы дойти до заключения, что все мое устройство одно надувание?»²¹⁴. Таким образом, «подпольный человек» утверждает, что картина мира для него гораздо важнее мира, который в действительности является для человека просто нулем. А еще характеризует человека как того, кто в первую очередь желает, но он не просто желает, а желает, как говорил Кант, невозможного.

Кроме того, «подпольный человек» выводит на свет «людей думающих, а следственно ничего не делающих»²¹⁵. Та же формула выражена в идее: «но теперь не до думанья; теперь наступает действительность»²¹⁶, и «прямой, законный, непосредственный плод сознания – это инерция, то есть сознательное сложа-руки-сиденье»²¹⁷. Почему человек не может быть думающим и делающим одновременно? Потому что тот, кто делает, тот не грезит. А тот, кто грезит, не делает. Но

---

²¹³ Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Полное собрание повестей и рассказов в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. С. 596-674.

²¹⁴ Там же. С. 617.

²¹⁵ Там же. С. 600.

²¹⁶ Там же. С. 636.

²¹⁷ Там же. С. 604.

человеческое учреждается через грезы. Делает тот, кто живет в тождестве бытия и мысли, а «подпольный человек» пытается вывернуть это тождество, сделать не мысль тождественной бытию, а бытие – мысли. И здесь у «двойственного человека» возникает категория невозможности, перед которой смиряются все эти делающие люди, но не он. Что такое невозможность? Это «каменная стена, ... разумеется, законы природы, выводы естественных наук, математика»²¹⁸. Где торжествуют законы природы, а значит имеет место невозможность? В реальности. И нераздвоенный человек имеет дело только с ней, смиряясь с дважды два - четыре. А что происходит с раздвоенным человеком, который сталкивается с ним? Для него дважды два четыре – это то, чего «человек всегда как-то боялся»²¹⁹, это «вещь пренесносная»²²⁰, «только нахальство-с»²²¹, «дважды два четыре стоит поперек вашей дороги руки в боки и плюется»²²². Ведь двойственный человек – это тот, кто распят между действительностью и грезой. И их совпадение означает для него трагедию. Что противопоставляет «подпольный человек» этому дважды два четыре? Сумасшествие. Он сознательно сумасшедшим сделается, только чтобы доказать себе, что он не «фортепьянная клавиша», а человек. Пусть в человеке и играют «законы природы собственноручно»²²³, но, несмотря на это, есть в нем то, что им не подчиняется, ими не определяется, – это сознание, в котором рождаются грезы, и в нем заключена вся человеческая натура.

«Подпольный человек» выбирает мечтать: «мечтал я ужасно, мечтал по три месяца сряду, забившись в угол»²²⁴. Что получает человек, забившийся в угол? Дистанцию от мира, которая позволит ему

---

²¹⁸ Там же. С. 602.

²¹⁹ Там же. С. 615.

²²⁰ Там же. С. 615.

²²¹ Там же. С. 615.

²²² Там же. С. 615.

²²³ Там же. С. 613.

²²⁴ Там же. С. 628.

развернуться к себе, открыть свою самость. А что значит открыть свою самость? Это значит быть готовым становиться причиной реальности своих грез, расширять мир посредством мнимости, удваивать мир до картины мира. Это и становится единственным специфически человеческим следом существования, о котором говорит нам «подпольный человек». И такой человек, грезящий, усиленно сознающий, вышел, «конечно, не из лона природы, а из реторты (это уже почти *мистицизм*)»²²⁵ (курсив мой – К.Х.). Что постулирует нам Достоевский этой формулой? Человек – это мистицизм. Не сущее среди другого сущего, такого же, как он. А мистицизм. В 19 лет он выразил это в письме к брату: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что зря потратил время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»²²⁶.

2.1.1. Антропологическая трактовка времени²²⁷

Обращаясь к «подпольному человеку», мы остановимся на еще одной, на наш взгляд, крайне важной вещи, а именно: проанализируем связь человека и времени у Достоевского. На наш взгляд, время у него появляется только вместе с человеком, становится свойством его сознательной жизни и есть не онтологическая, но антропологическая категория. Человек становится тем, кто живет во времени, потому что он «прикован к самому себе, смотрит внутрь своей самости»²²⁸. Но при этом человек не живет в пространстве, ведь он не обращается к тому, что вне его. Закрытость человека в самом себе делает его временным, а не пространственным существом, что, на наш взгляд, и было продемонстрировано Ф.М. Достоевским. Для обоснования этого тезиса сначала мы обратимся к существующим в пространстве русской

²²⁵ Там же. С. 600.

²²⁶ Достоевский Ф.М. Письма 1834-1860. М.: Т8RUGRAM, 2018. 344 с.

²²⁷ Выводы данной главы частично апробированы в статье: Холоднова К.Н. Время в произведениях Ф.М. Достоевского: онтологическая и антропологическая интерпретации // Человек. 2024. Т. 35. № 7. С. 65-76.

²²⁸ Гиренок Ф.И. Что значит сегодня мыслить по-новому? // Философия хозяйства. 2017. № 3. С. 141-146.

философской мысли трактовкам времени у Достоевского, а затем предложим свою, антропологическую трактовку времени.

М.М. Бахтин в своей работе «Проблемы поэтики Достоевского» вводит термин полифонический роман, который, на его взгляд, наиболее точно описывает форму романа, изобретенную Ф.М. Достоевским. В отличие от монологического романа, который господствовал в литературе ранее, романы Ф.М. Достоевского наполнены большим количеством равноправных миров и сознаний, которые даны не в одном, а в нескольких абсолютно равноценных и полных кругозорах. Основное свойство романного мира у Ф.М. Достоевского – его глубокая, все пронизывающая плюралистичность. М.М. Бахтин находит образ, к которому тяготеет такое мировоззрение Ф.М. Достоевского: им становится церковь «как общение неслиянных душ, где сойдутся и грешники, и праведники; или, может быть, образ дантовского мира, где многоплановость переносится в вечность, где есть нераскаянные и раскаявшиеся, осужденные и спасенные»²²⁹. Таким образом, по мнению Бахтина, Ф.М. Достоевский тяготел к тому, чтобы воспринимать мир, в том числе объективный социальный, как всегда и неизбежно многоплановый и противоречивый. При этом возникновению полифонического романа способствовали как дух эпохи, так и являющаяся его отражением личность Достоевского: он постоянно менял свои взгляды на мир, политические убеждения и мировоззренческие установки. Одна из главных, согласно М.М. Бахтину, особенностей творческого метода Ф.М. Достоевского состоит в том, что он мыслил мир преимущественно в пространстве, а не во времени. Главной категорией художественного видения писателя было сосуществование и взаимодействие, а не становление. А значит, он стремился весь материал организовать в одном времени и в драматической форме. «Разобраться в мире значило для него – помыслить все его

---

²²⁹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва: Издательство «Э», 2017. 640 с.

содержания как одновременные и угадать их взаимоотношения в разрезе одного момента»²³⁰, поэтому Ф.М. Достоевский стремился сосредоточить в одном моменте большое качественное многообразие. Также Бахтин объясняет и высокую скорость действия в произведениях Ф.М. Достоевского: «динамика и быстрота здесь не торжество времени, а преодоление его, ибо быстрота – единственный способ преодолеть время во времени»²³¹. Ввиду значимости одновременности действий прошлое и будущее оказываются незначимыми для Ф.М. Достоевского, поэтому биографий у его героев просто нет. Отсюда же, по Бахтину, вытекает отсутствие попыток со стороны писателя объяснить созданные им образы, ссылаясь на их прошлое, влияние среды и воспитание.

Н.А. Бердяев в своей работе «Самопознание» писал: «Я всегда философствовал так, как будто наступает конец мира и нет перспективы времени. В этом я очень русский и дитя Достоевского»²³². Философ, считая себя последователем Ф.М. Достоевского, воспринимал время в пространстве его философии как эсхатологическое. Как признавался сам Бердяев, эсхатологизм был связан для него с тем, что ему все казалось хрупким, люди, теми, кому ежечасно угрожает смерть, а все в истории висящим над бездной и преходящим. Он ясно видел, что в мире происходит не только дехристианизация, но и дегуманизация, и находил это понятным только в перспективе эсхатологического христианства. Все в мире ему представлялось не развивающимся и переходным, но всегда конечным, а история виделась только в эсхатологической перспективе. Призывая к преображению мира, Н.А. Бердяев называл свой эсхатологизм активно-творческим и даже пришел к особому рода гносеологии. Эсхатология у него «обозначает символическую объективацию трагедии

---

²³⁰ Там же. С. 43.

²³¹ Там же. С. 43.

²³² Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Мир книги, Литература, 2006.

сознания»²³³, а «конец есть конец объективации»²³⁴ и последующий «переход в субъективность царства свободы»²³⁵. Глубоко личные переживания и чувства Н.А. Бердяева, по его же признанию, никогда не позволяли ему примириться с чем-то преходящим и тленным. Ценной же ему представлялась только вечность, поэтому главным религиозным вопросом для Бердяева всегда оставался вопрос о бессмертии и вечной жизни. При этом утешение, которое связано с прогрессом человечества и его будущим достижением мировой гармонии всегда казалось ему жалким. В этом Н.А. Бердяев, по его же словам, готов был встать на сторону как Ивана Карамазова, так и «подпольного человека», ведь ничто общее не может служить достаточным утешением для «индивидуального существа». Сам прогресс приемлем для человека лишь в том случае, когда он совершается не только для грядущих поколений, но и для него самого. Смысл, по Бердяеву, должен быть соразмерен с моей судьбой. Потому что, если я представляю себе вечную жизнь, где для меня и моего любимого человека нет места, то какое она будет иметь для меня значение? Никакого, потому что смысл может быть лишь в субъективности, ведь эта проблема стоит перед каждым человеком, и любая попытка ее объективировать есть ложь.

В.А. Подорога обращается к интересующей нас проблеме в главе «План конца времени, апокалиптический» своей книги «Рождение двойника. План и время в литературе Ф. Достоевского». Там он называет Ф.М. Достоевского одним из самых апокалиптически вдохновленных русских писателей XIX века. Для начала Подорога, опираясь на рассуждения С.Н. Булгакова²³⁶, разводит позиции эсхатологической

---

²³³ Там же. С. 350.

²³⁴ Там же. С. 350.

²³⁵ Там же. С. 350.

²³⁶ Булгаков С.Н. прот. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1997.

метафизики, представителями которой являются Н.А. Бердяев²³⁷ и Н.Ф. Федоров, и апокалиптической мистики, которой придерживались А. Белый и о. П. Флоренский. Первая опирается на формальную онтологию эсхатона, а вторая рассматривает время приближающегося конца как постоянное присутствие Откровения. Подорога добавляет, что данное различие кажется ему несколько грубым, ведь апокалиптическое время примыкает к эсхатологическому. Оно есть отмеренный фрагмент истории, которая завершается. Конец истории невозможно помыслить, но время ожидания конца - можно, оно становится действительным временем, которое через мыслящее ожидание наполняется смыслом. Эта двуплановость приводит к промежуточному состоянию: с одной стороны, острому ощущению Конца, а с другой - эсхатологическому отказу от времени. Достоевский же здесь, как считает Подорога, выказывает большую чистоту жанра, потому что апокалиптичность пронизывает общее чувство времени в его произведениях. Таким образом, у него апокалиптическое время будет примыкать к эсхатологическому. Апокалиптичность у Достоевского наиболее интересно проявляется в эпизодах перед самоубийством героя и дискуссий вокруг него. Как известно, одним из героев-самоубийц Достоевского оказывается инженер Алексей Нилыч Кириллов из романа «Бесы». Кириллов – логический самоубийца, который выстроил целую теорию собственного обожения. Перед казнью или самоубийством, как считал В.А. Подорога, человек в попытках представить предсмертное время в открытости экзистенциального переживания, подвергается полному перерождению. Здесь появляется парадокс перехвата времени, и возникает два временных пласта, которые необходимо различать между собой: первый – это тот, в котором сейчас пребывает герой (профанное, имманентное время), и

---

²³⁷ Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики / Творчество и объективация. М. : Т8RUGRAM, 2018. 300 с.

второй - тот, который связан с переживанием такого качественного момента, что создает эффект полноты самого времени. Здесь происходит переход в иное время, и оно сопровождается галлюцинациями и видениями (время трансцендентное). В этот момент приговоренный к смерти собой или другими предпринимает попытки овладеть образами времени конца, а также управлять ими так же, как он управляет собственным экзистенциальным временем.

Резюмируя все вышесказанное, подведем итог. Согласно видению М.М. Бахтина, время в произведениях Ф.М. Достоевского возникает только как одновременность событий. Н.А. Бердяев считает, что рассуждения о времени имеют смысл только в его соотнесенности с вечностью. А В.А. Подорога приходит к выводу о том, что герои Ф.М. Достоевского оказываются в таком времени, в котором соединение «тогда и теперь в мгновении вдруг дает картину апокалиптического переживания»²³⁸. Таким образом получается, что у представленных выше мыслителей трактовка времени в произведениях Ф.М. Достоевского является онтологической. Мы же, в свою очередь, хотим представить антропологическую интерпретацию этого понятия.

Т.А. Касаткина в своей работе «Мы будем лица...»²³⁹ также обращается к теме времени в «Записках из подполья» Достоевского. Время, согласно ее рассуждениям, создает такую структуру, которая трансформирует героя и потенциально может трансформировать и читателя. Она возникает за счет того, что совмещаются события прошлого и настоящего, и только благодаря этому события, произошедшие в прошлом, могут быть осмыслены в своей глубине. Кроме того, это

---

²³⁸ Подорога В.А. Рождение двойника. План и время в литературе Ф. Достоевского. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. 418 с.

²³⁹ Касаткина Т.А. «Мы будем – лица...» Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 432 с.

позволяет герою увидеть себя и другого в настоящем, а также освоить в полной мере собственный опыт, приведший к трансформации.

Главный герой «Записок из подполья», как мы уже сказали ранее, по его же собственному признанию, человек больной, злой, непривлекательный, и печень его болит. Раньше он служил, а теперь живет в подполье. Сколько он служил, мы не знаем, но время подполья он отсчитывает точно – сорок лет. Почему так? Потому, что, «чтобы быть во времени, человеку нужно изобрести сознание»²⁴⁰, а именно в подполье герой стал «усиленно сознавать». Чем еще занимается герой в подполье? Он от стыда месяцами страдает бессонницей, вырабатывает свои сорокалетние убеждения и живет придавленный сознанием. Главной единицей измерения времени в повести становится минута: «в те самые, да, в те же самые минуты, в которые я наиболее способен был сознавать»²⁴¹, «человек поминутно доказывал себе, что он человек, а не штифтик»²⁴², «минутами мне казалось, что я брежу»²⁴³, «думал я минутами»²⁴⁴ и т.д. Для того чтобы понять такую заикленность «подпольного человека» на столь маленькой единице измерения времени, нам нужно объяснить, откуда берется время. Его изобретает человек, когда грезит. Ведь, если греза дана только сейчас, то, извлекая ее из небытия, человек заставляет ее быть еще и в следующий момент. Так непрерывно длящееся настоящее возникает вместе с человеком, оно становится его сознательным усилием длить грезу. Такое время, будучи свойством сознательной жизни человека, не обладает всеми тремя модусами, т.е. прошлым, настоящим и будущим, а имеет только непрерывно длящееся настоящее. Поэтому «подпольный человек» всю

---

²⁴⁰ Гиренок Ф.И. Homo hallucinatus: идея двойной инверсии в исследовании человека // Философские науки. 2023. Т. 66. № 2. С. 7-25. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-2-7-25.

²⁴¹ Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Полное собрание повестей и рассказов в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. С. 596-674.

²⁴² Там же. С. 613.

²⁴³ Там же. С. 643.

²⁴⁴ Там же. С. 643.

жизнь не мог ничего ни начать, ни кончить, ведь чтобы начать и кончить, нужно иметь все три модуса времени в распоряжении, а у него их нет. Он разорвал связь с внешним миром, закрылся в подполье, подвергнув сущее радикальной редукции, и начал размышлять, мечтать и грезить. Продлевая свои грезы, он учреждает настоящее. И именно минута становится наиболее адекватной единицей времени, если мы будем оценивать последнее как антропологический феномен. Месяцы будут казаться невыносимо огромными промежутками. И «подпольный человек» сетует, что больше трех месяцев подряд он никак не может мечтать. У него появлялась непреодолимая потребность вернуться в общество. Зачем возвращаться в общество? Там люди говорят, пытаюсь избавиться себя разговорами от грез, а там, где нет грез, нет настоящего. Где настоящее? В минутах мечтаний человек вглядывается в самого себя, тогда в нем, как говорит «подпольный человек», все беспрерывно внутри накапливает. Тогда и внешнее застывает, длится, не меняется, например, «подпольный человек» отмечает, что по три дня идет снег, почти мокрый, желтый и мутный. Что нужно человеку, чтобы грезить? Сознание, единственной причиной которого является страдание. Почему сознание? Потому что именно в нем и есть весь человек. Оттуда выхолощено все внешнее, для него незначима дихотомия истины/лжи и нет невозможного. Там есть только грезы, желания. Именно благодаря сознанию человек существует в модусе ускользания от что. Там рождается то, что не существует, но что дано и дано во времени. Там, как говорит «подпольный человек», появляется дворец, который в реальности курятник. Что делать человеку с таким дворцом? Пренебрегать тем, что он в реальности курятник, т.е. «отождествлять бытие и мысль о бытии в своих галлюцинациях»²⁴⁵. Ведь

---

²⁴⁵ Гиренок Ф.И. Homo hallucinatus: идея двойной инверсии в исследовании человека // Философские науки. 2023. Т. 66. № 2. С. 7-25. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-2-7-25.

«он существует, пока существуют мои желания?»²⁴⁶. Вот это «пока существуют мои желания» и есть антропологическое время, учреждаемое «подпольным человеком». Пока существует его желание дворца там, где курятник, существует непрерывно длящееся настоящее. Ведь для человека жить - значит грезить, желать, и нет ему, как отмечает «подпольный человек» в своих записках, совсем никакого дела до того, что так невозможно устроить, как он желает, и надо довольствоваться тем, что есть. Потому что, если человек будет согласен жить только среди того, что есть, он обязательно задастся вопросом: «...неужели ж я для того только и устроен, чтоб дойти до заключения, что все мое устройство одно надувание?»²⁴⁷. Но он не согласен с этим, он вглядывается в самого себя, преодолевает бессмысленность мира, учреждая в нем смыслы, рожденные в горизонте сознания, удерживает их в непрерывно длящемся для него настоящем и отсекает так прошлое и будущее. А что есть в прошлом и будущем? Дважды два четыре, которого, как мы уже сказали выше, человек боится. Перефразируя главного героя «Двойника» Голядкина, мы скажем: либо дважды два четыре, либо человек, а вместе им невозможно.

2.1.2. Вывод

Вслед за И. Кантом мы продолжаем утверждать, что философия – это антропология, а значит, осмыслять базовые категории вне человека становится невозможным. Привычка воспринимать время как онтологическую категорию так закрепилась в философии на протяжении всей истории ее существования, что и сегодня она сохраняет свою силу. Однако наиболее правомерным нам кажется антропологическое понимание времени. Именно такое отношение ко времени мы находим в произведениях великого русского писателя и мыслителя Ф.М. Достоевского. Время у него возникает вместе с человеком, становясь

²⁴⁶ Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Полное собрание повестей и рассказов в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. С. 596-674.

²⁴⁷ Там же. С. 617.

характерным свойством его сознательной жизни и созерцания самого себя. Ведь человек – это тот, у кого сломан инстинкт, и тот, за кем проступает субъективность, которой он принадлежит. Человек не есть причина того, что существует, а есть причина того, что дано. Дано ему в его грезах и длится во времени. Удерживая грезу, «человек живет, как Нанук с севера, в тихой повседневности быта, или, что то же самое, в непрерывно длящемся настоящем, у которого нет ни прошлого, ни будущего»²⁴⁸. «Подпольный человек» превратил всю свою жизнь в подполье в непрерывно длящееся настоящее ежеминутным усиленным сознаванием

2.2. Осмысление типа «подпольного человека» в русской мысли

Русский философ экзистенциального толка Л.И. Шестов (1866-1938) обращался к творчеству Ф.М. Достоевского не раз, например, в работах «Киркегард и Достоевский» (1935), «Достоевский и Ницше. Философия трагедии» (1903), «Преодоление самоочевидностей. (К столетию рождения Ф.М. Достоевского)» (1929), «Пророческий дар (К 25-летию смерти Ф.М. Достоевского)» и др. Наиболее интересной для нас в рамках данного исследования становится работа «Достоевский и Ницше. Философия трагедии», поскольку именно в ней, анализируя перерождение убеждений Ф.М. Достоевского, Л.И. Шестов наиболее часто обращается к типу «подпольного человека». На ее анализе мы и сосредоточим свое внимание.

Стоит сначала ответить на вопрос, почему вообще Л.И. Шестов называет философию Ф.М. Достоевского философией трагедии? Потому что, согласно его взглядам, сочинения Достоевского не содержат ответы, а пытаются поставить один, самый главный вопрос: «имеют ли надежды те люди, которые отвергнуты наукой и моралью?»²⁴⁹. Как и было сказано выше, в своей работе Л.И. Шестов обращается к попытке проследить перерождение убеждений Ф.М. Достоевского, о котором последний сам

²⁴⁸ Гиренок Ф.И. Что значит сегодня мыслить по-новому? // Философия хозяйства. 2017. № 3. С. 141-146.

²⁴⁹ Шестов Л.И. Достоевский и Ницше. Философия трагедии. / Л.И. Шестов. М.: Академический проект; Культура, 2020. 462 с.

заявлял. Однако писатель при этом считал, что это не любопытно и останавливаться на этом не следует. Для Л.И. Шестова это кажется очень любопытным, и в своих попытках разгадать это он обращается именно к «Запискам из подполья». Объявляя Достоевского большой психологической загадкой для исследователя, Л.И. Шестов обращается к его героям как к попытке понять самого Ф.М. Достоевского. Главная мысль при этом заключается в том, что все «подпольные» герои Ф.М. Достоевского – это сам Достоевский. Как полагал Шестов, Достоевский обманывался, считая, что это не желания и суждения его собственного «я», а голоса выдуманных им героев. «Ему самому страшно было думать, что подполье, которое он так ярко обрисовывал, было не нечто ему совсем чуждое, а свое собственное, родное»²⁵⁰. Мало того, согласно идеям Л.И. Шестова, Ф.М. Достоевский создал своих «положительно – прекрасных» героев только как попытку самому спрятаться от себя, ведь ему стало страшно от тех ужасов, которые открылись внутри него, и, чтобы их не видеть, он пытался закрыться от них придуманными идеалами. Далее Шестов пишет о том, что почти все прочие герои Достоевского, а именно Раскольников, Кириллов, Иван Карамазов и др., по сути своей есть тоже тип «подпольного человека». Следует заметить при этом, что оснований, которые позволили бы отнести данных героев к этому типу, Шестов не разъясняет. Он только продолжает утверждать, что «Записки из подполья» – это попытка Ф.М. Достоевского отречься от собственного прошлого и хотя бы в фантазиях бросить в грязь идеалы добра и служения человеку, которыми он беззаветно упивался всю свою прежнюю жизнь. «“Записки из подполья” – это раздирающий душу вопль ужаса, вырвавшийся у человека, внезапно убедившегося, что он всю свою жизнь лгал, притворялся, когда уверял себя и других, что высшая цель существования

---

²⁵⁰ Там же. С. 40.

– это идеал служения последнему человеку»²⁵¹. Ведь в этот момент, по Шестову, в душе Достоевского проснулось что-то настолько стихийное и страшное, что он стал еще «истеричнее выкрикивать» свои прежние идеалы, чтобы скрыть правду. И именно этой *двойственностью* (курсив мой, – К.Х.) проникнуты все его дальнейшие произведения.

Стоит заметить, что единственным основанием всех своих идей Л.И. Шестов объявляет тот факт, что Ф.М. Достоевский писал в предисловии, будто «Записки...» вымышлены, а значит они как раз не такие. Кроме того, как уже было сказано выше, Шестовым недостаточно глубоко анализируется «подпольный человек» как таковой. Он объявляется носителем чего-то страшного и стихийного, т.е., имеет исключительно негативную коннотацию. Откуда берется страшное и стихийное? Мог ли Ф.М. Достоевский так однобоко относиться к человеку, что всю свою жизнь рисовал просто страшного человека, застывшего в своей хаотичности? Не анализируется природа страха Ф.М. Достоевского перед самим собой, о которой пишет Л.И. Шестов. Не становится понятно, на каком основании другие герои Ф.М. Достоевского объявляются «подпольными людьми». Идея объединяющего их внутреннего страшного и стихийного, а также эгоизма, который есть следствие муки от встречи с собой, не кажется нам убедительной так же, как и мысль о том, что все творчество Ф.М. Достоевского после «Записок...» можно в конечном счете свести к попытке реабилитировать права «подпольного человека», т.е., следуя логике Л.И. Шестова, свои собственные. И наконец, сам факт именно такого перерождения убеждений Достоевского, каким его представлял себе Шестов, многими мыслителями ставится под сомнение. Например, В.В. Зеньковский, оппонировав Шестову, писал: «Наоборот, его (Достоевского. – примеч. мое – К.Х.) мысль до конца дней движется в линиях антиномизма, — в частности христианский натурализм, с одной

---

²⁵¹ Там же. С. 62.

стороны, и неверие в «естество», с другой, продолжают все время жить в нем, так и не найдя завершающего, целостного синтеза»²⁵².

На наш взгляд, в похожем на Л.И. Шестова ключе осмысляет «подпольного человека» Ф.М. Достоевского С.А. Никольский. В данном исследовании мы сосредоточимся на анализе двух его статей, а именно «“Подпольность” как мессианский национализм: трагическая ошибка Достоевского» (2013) и «Достоевский и явление “подпольного” человека» (2011). Идейно, как нам кажется, эти статьи выражают одни и те же мысли и дополняют друг друга. Это подтверждается примечанием самого С.А. Никольского, согласно которому обе эти статьи посвящены одной и той же проблеме. Статья «“Подпольность” как мессианский национализм: трагическая ошибка Достоевского» начинается с утверждения о том, что вся жизнь «подпольных» людей складывается исключительно из того, что они «постоянно что-то со своим грязным нутром делают, все время в его грязи копошатся»²⁵³, ведь «копаться в грязи – их главное занятие»²⁵⁴. Почему это так? Потому что такой человек весь заполнен грязью. Вообще, согласно взглядам С.А. Никольского, «человек занимает Достоевского в координатах «от земли – в ее глубины», в устремлении к аду, во тьму»²⁵⁵. «Подпольность» при этом бывает двух видов: бытовая, или повседневная, и философическая, или идейная. Первая не требует от личности никакой идейной основы и рефлексии. Представителями такой «подпольности», согласно С.А. Никольскому, становятся Мармеладов, Смердяков и Митя Карамазов. Вторая «подпольность» вырастает на идеях, которые герои долго и мучительно изобретают, обсуждают и проживают. Ее лицами становятся Иван Карамазов и Аркадий Свидригайлов, а кульминации она достигает в образах Николая Ставрогина и Петра Верховенского. Во

²⁵² Зеньковский, В.В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.

²⁵³ Никольский С.А. «Подпольность» как мессианский национализм: трагическая ошибка Достоевского // Вопросы философии. 2013. № 7. С. 109-120.

²⁵⁴ Там же. С. 109.

²⁵⁵ Там же. С. 109.

втором случае речь будет идти о «подпольности» высшего разряда, т.к. в отличие от первой, она не ограничивается просто «мечтаниями», а в ней присутствует логический анализ. Последний аргумент нам кажется значимым ввиду того, как автор трактует значение слова «высшее». Не метафизически содержательное, а именно аналитическое, с присутствием строгой логики. Настораживает С.А. Никольского даже не «грязный» «подпольный человек» как таковой, а тот факт, что, согласно идеям самого Ф.М. Достоевского, это человек русский и среди нас таких большинство. Это дает возможность С.А. Никольскому продолжать развивать свои идеи и прийти к мысли о том, что Достоевский нашел не что иное, как «болезнь» своего народа. При этом С.А. Никольский убежден, что источник подпольности для Достоевского лежал исключительно в либерализме. Именно это и есть первая и главная ошибка мыслителя в глазах автора данных статей. Ф.М. Достоевский, как известно, был почвенником и именно в этом видел возможность избавления личности от разлагающих, по его мнению, либеральных идей, шедших в Россию извне. Но ведь даже герои самого Достоевского, такие как Мармеладов или Митя Карамазов, были глубоко больны «подпольностью», а идеи либерального толка им взять было просто неоткуда, в отличие, например, от Ивана Карамазова, получившего образование на Западе, – рассуждает Никольский, ища прорехи у Достоевского. Таким образом, по его мнению, получается, что сам источник разложения человека был найден Достоевским неверно, и в либерализме он лежать не может. А коренится он, по его мнению, именно в том самом почвенничестве, за которое так ратовал Достоевский. В конечном счете С.А. Никольский делает вывод о том, что почвенничество – это форма патриотического ослепления, пронизанная идеями мессианского национализма. Кроме того, С.А. Никольский замечает, что и сам Ф.М. Достоевский, и русская религиозная философия в целом отказываются замечать нереализуемость в реальности

идеи согласования хлеба насущного и свободы. Лекарство от этого С.А. Никольский видит в преодолении центризма, которое, во-первых, пойдет на пользу нам самим, а во-вторых, поможет переменить о нас мнение других народов. Продолжая оппонировать Достоевскому, он пишет, что последний предлагает целебные «травяные настойки» своей стране вместо «необходимого хирургического вмешательства». В защиту Достоевского мы хотим отметить, что речь здесь идет об искони присущем русской философии антропологизме, попытке оправдать человека и сохранить его как достойный внимания объект познания, т.е. именно то, что, на наш взгляд, формирует русскую самобытность, и то, что можно назвать попытками мыслить по-русски.

Статья под названием «Достоевский и явление “подпольного” человека», как уже было сказано ранее, идейно дополняет проанализированную выше. Мы берем статьи не в том порядке, в котором они выходили, что не кажется нам важным ввиду их внутренней идейной и смысловой связи. К тому, что уже было сказано, она добавляет не так много, а именно: С.А. Никольский считает, что Ф.М. Достоевский исследовал в человеке только духовно-ущербное, потому что думал, что поможет ему от него избавиться, выставив на свет. О каком духовно-ущербном тут речь? Герои Ф.М. Достоевского, согласно взглядам С.А. Никольского, в отличие от героев других писателей даже не подозревают о связях человека, например, с природой, а еще «никогда не поднимают голову и потому не подозревают о существовании неба»²⁵⁶. Более того часто они люди совсем безродные, потому что никоим образом не согласовывают свою жизнь с заветами предков. В этой работе также утверждается идея, что «подпольный человек» – это сам Ф.М. Достоевский, ведь именно в этой повести он «утверждает собственное

---

²⁵⁶ Никольский С.А. Достоевский и явление «подпольного» человека // Вопросы философии, 2011. № 12. С. 77-87.

самоназвание, фиксирует свое отношение к миру и положение в нем»²⁵⁷. «Подпольному человеку» также вменяется автором в вину, что он не принимает ничего позитивного, если оно идет с Запада и пытается изменить логику реальности не постепенными делами, а рывком, «показав судьбе язык». В противовес реальным «подпольным людям» Ф.М. Достоевский рисует идеального, но вымышленного человека, князя Мышкина, который создан как некая конструкция, состоящая из близких писателю философских идей, и, безусловно, все позитивное, что есть в герое, согласно Никольскому, это лишь некоторые черты Западного человека.

Таким образом, аргументы против «подпольного человека» становятся скорее аргументами против почвеннических взглядов Ф.М. Достоевского, и, на наш взгляд, данную статью можно отнести скорее к идеологическим высказываниям. Кроме того, суть той самой западной позитивности также остается от читателя скрытой.

В.В. Розанов писал: «“Записки из подполья” Ф.М. Достоевского есть “unicum” в русской литературе, ни на какое другое произведение в ней не похожее, чрезвычайно ценное и многозначительное, не “войдя” в которое совершенно нельзя понять Достоевского, не “преодолев” которое чрезвычайно трудно двигаться или продолжать двигаться “вперед” по стезе человеческого прогресса, немного розовой, немного даже “румянощечкой” и, во всяком случае, очень счастливой стезе...»²⁵⁸. Анализируя повесть Достоевского, Розанов глубокомысленно замечает, что там поднимается ужас античного мира перед всеми теми, кто рассчитывал осчастливить человека и считал минуты до наступления мировой гармонии. Счастье человека, по Достоевскому, в несчастье, в хотении, в безумии, в неразумении, в неблагородном, бесполезном, в

---

²⁵⁷ Там же. С. 79.

²⁵⁸ Розанов В.В. Одна из замечательных идей Достоевского // Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. редакцией А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 487-494.

разных «почесываниях», которые выражают «суть личного я» и являются всемогущими. И вот для того, чтобы «по-своему почесаться», человек разрушит любой идеальный миропорядок, для его счастья умниками устроенный. Ведь выше человеческого тела и человеческой души «мир ничего не видал, и Бог ничего не создавал»²⁵⁹. Вот об этот, как пишет Розанов, физиологический, психологический и универсально-метафизический факт «человеческого душеустройства» разбивались и будут разбиваться все теории, как выдуманные до, так и те, которые еще предстоит выдумать. Уделяя много внимания антиномиям человека, Розанов констатирует: «подпольный человек» Достоевского заявляет, что, если ему захочется, он сотворит святое, а если к нему руки протянешь и схватить попытаешься, он весь мир кровью залить может. Он живет почти враждебным правом на свою свободу от мира, на безграничность «я хочу». И «всеправность» принципа хотения разбивает все остальные принципы когда бы то ни было выдуманные и во имя человека, и против него. Кроме того, Розанов замечает, что Достоевский сознательно оставляет «подпольного человека» безымянным, чтобы показать, что такой человек вообще - все люди. Эту повесть Достоевского, по Розанову, с необходимостью нужно причислить к столпам творчества великого русского писателя, ведь в нем «подпольный человек» бросает миру вызов, продиктованный глубинным пониманием человека, его противоречивости и сложности. Вызов этот звучит так: «вы построите искусственное счастье для сочиненного человека, для искусственного человека, для вами выдуманного человека»²⁶⁰. Розанов называет «Записки...» психологически самой старой, самой древней книгой Достоевского, ведь в ней, несмотря на то что Достоевский был довольно молод, когда писал ее, выразилась такая истина о человеке, которой мир не знал до него.

---

²⁵⁹ Там же. С. 488.

²⁶⁰ Там же. С. 490.

К.В. Мочульский в книге «Гоголь. Соловьев. Достоевский» пишет о том, что «подполье» есть закономерный итог мечтательства. Достоевский «подпольному человеку», так же, как и мечтателю, вменяет измену живой жизни. При этом «подпольного человека» Мочульский, как и Розанов, считает человеком вообще, просто человеком. Анализируя повесть, Мочульский концентрируется в первую очередь на проблеме сознания у Достоевского. Его человек начинается как человек только в том случае, если обладает сознанием, которое возникает только в момент конфликта с действительностью. Поэтому сознание есть боль, оно должно пройти через отъединение и одиночество, с одной стороны, а с другой, по сути своей является соборным. И именно это мучительное противоречие приносит человеку такую боль: «подпольный» то отталкивается от мира, отстаивая свою самозаконность, то притягивается к нему, понимая свою зависимость от людей. Именно в этом, по Мочульскому, и проявляется двойственность человека у Достоевского. Он живет в разрыве между равнодушием к враждебному миру, с одной стороны, и постыдной зависимостью от него, с другой. Таким образом, сознание противопоставляет себя миру, а усиленно сознающий человек не живет, а «сочиняет жизнь», делая свое подпольное существование фантастическим. Солидаризируясь с Розановым, Мочульский заявляет, что через подпольного героя, Достоевский постулирует человека как того, кто иррационален и преследует только одну цель – отстоять свою свободу: «Достоевский защищает человека от бесчеловечной философии необходимости».²⁶¹

Ф.И. Гиренок в своей работе «Удовольствие мыслить иначе» также обращается к «подпольному человеку». Согласно его точке зрения, герой «Записок...» - аутист, который постулирует принцип «чтоб свету провалиться». Именно с этого принципа, по Гиренку, начинается человек

---

²⁶¹ Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послесл. В.М. Толмачева. М.: Республика 1995. 607 с.

вообще, ведь у аутиста воздействие на самого себя доминирует над внешним воздействием. Гиренок также обращает внимание на любопытный факт, который до него не был замечен и проанализирован другими исследователями, а именно речь идет о том, что в первом абзаце местоимение «Я» употребляется 18 раз. Что таким образом, согласно Гиренку, делает «подпольный человек»? Он «отбивается от настигающего его миропорядка, завоеывая позиции для сознания»²⁶². Таким образом получается, что герой не может наблюдать за миром извне, ведь в нем внутреннее доминирует над внешним. Быть в подполье - значит вредить только самому себе и больше никому. И аутист становится тем, кто обладает единственной привилегией – быть сознающим человеком. Что тогда мы можем назвать сознанием? То, что не из структуры бытия, не из мира предельных оснований, то, что не существует по законам природы и рождается в подполье. В природе, как говорит Гиренок, законы, а в подполье – абсурд. Поэтому «подпольный человек» не то же самое, что человек нормальный. У последнего есть основания, а у первого их нет. А раз нет оснований, значит нет и бытия. Нормальный человек становится тем, кто обуздал свой аутизм, избавился, как сказал бы Достоевский, от «роковой бурды». Он через основания проложил себе дорогу к миру нормы.

Анализируя «подпольного человека», Гиренок также вводит понятие *Другого*. Кто такой *Другой* для аутиста? Это объективированная греза, возможность терзать самого себя через полагание в себе иного, это тот, кто заставляет тебя смотреть на себя с отвратительной точки зрения. Так герой «Записок...» превращает в *Другого* Лизу.

Таким образом, подполье, по Гиренку, это капризы и желания. Часть из своих желаний «подпольный человек» удовлетворяет галлюцинаторно, а часть остается неудовлетворенной. Последнее, в свою очередь, вызывает

---

²⁶² Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М.: Академический Проект, 2008. 235 с.

в человеке зло, поэтому «подпольному» естественно быть злым. При этом важным становится здесь то, что зло есть, а предмета для него нет. А значит, человек терзает себя сам.

Также стоит обратиться к трактовке «подпольного человека», предложенной В.А. Подорогой. Тема усиленного сознавания для Подороги связана напрямую с понятием *ressentiment*. Справедливо критикуя М.М. Бахтина, Подорога замечает, что сознание и самосознание имеет отрицательные определения у Достоевского, а диалогическая трактовка Бахтина не выдерживает никакой критики ввиду того, что последний игнорирует одно из самых значимых и очевидных для Достоевского убеждений, согласно которому «слияние всех со всеми» противоречит либеральному обособлению личности, осуждаемому Достоевским. Сознание у последнего, по Подороге, распадается на акты самосознания, что в свою очередь и приводит к появлению двойников. Само по себе самосознание – это условие, при котором человек у Достоевского осознает свою зависимость от другого, что свидетельствует о его изначальной ущербности, неискупимом грехе и вине. Двойники при этом появляются именно как результат обособления современного человека в угоду либеральным ценностям. И вот в «Записках из подполья» рождается психомиметический двойник. Все строится на том, что увеличивается контроль «я» над сознанием. Усиление сознательности «я» в свою очередь ведет к утрачиванию отношения к себе как к целостному единству. Сознание у Достоевского, по Подороге, есть «желание желать»²⁶³, а содержание сознания – это «желание, желание без объекта желания»²⁶⁴. Далее наряду с Ф. Ницше²⁶⁵ объявляется Подорогой одним из изобретателей «ресентиментного человека», т.е. «человека, готового к

---

²⁶³ Подорога В.А. Рождение двойника. План и время в литературе Ф. Достоевского. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. 418 с.

²⁶⁴ Там же. С. 257.

²⁶⁵ Ницше Ф. Генеалогия морали / Падение кумиров / пер. с нем. В. Вейнштока, Т. Гейликмана, Е. Герцыг и др. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. С. 285-416.

мести и мстящего»²⁶⁶. Сами «Записки из подполья», по Подороге, были важны для Достоевского, потому что он с интересом следил за развитием «потрясающего по силе будущего действия невроза»²⁶⁷. «Подпольный человек» при этом является «рабом-слугой», который был когда-то не в силах ответить своему господину, вступить с ним в борьбу и в конечном итоге занять его место. Причем остается крайне непонятным, о каком именно господине рассуждает Подорога. Кажется, он сам это понимает, поэтому перекладывает вину за это на Достоевского, говоря о том, что последнему неважно, насколько убедительными становятся причины возникновения ресентиментных чувств. «Ведь злопамятность и есть сознание, чем более я сознаю, тем больше чувствую себя оскорбленным, виновным, униженным и прочее»²⁶⁸, - пишет Подорога, не отделяя самовоздействие от воздействия извне или, проще говоря, эмоцию от аффекта. Почему «подпольный человек» чувствует себя униженным? Потому что он безуспешно пытается преодолеть запрет со стороны *Другого* на собственное существование.

Не обходит Подорога стороной и отличие «ресентиментного человека» Достоевского от ницшеанского. Первый, будучи усиленно сознающим, наслаждается собственным состоянием униженности и подавленности. Он постоянно себя анализирует и никогда ничего не делает, чтобы изменить ситуацию, в которой пребывает. По Подороге, это «вывороченная наизнанку стратегия удовольствия»²⁶⁹, которая близка мазохистскому вызову. Кроме того, изливание негативных эмоций не снижает градус эмоционального состояния «подпольного человека», а оставляет его без изменений.

---

²⁶⁶ Подорога В.А. Рождение двойника. План и время в литературе Ф. Достоевского. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. 418 с.

²⁶⁷ Там же. С. 258.

²⁶⁸ Там же. С. 259.

²⁶⁹ Там же. С. 262.

Современный исследователь творчества Ф.М. Достоевского Т.А. Касаткина обращается к образу «подпольного человека» в своей книге «Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания»²⁷⁰. Рассуждая о том, что такое подполье, Касаткина констатирует, что Достоевским подполье воспринимается «как муки, как подсознание, как грех, как стыд»²⁷¹. Именно в подполье происходит, как процесс человеческого восхождения, так и его падения. Это такое состояние, в котором я пребывает, когда оно отсечено мечом Христа от своего рода, состояние, в котором человек снова получает возможность либо ответить, либо не ответить на призыв Бога, либо совершить первородный грех, либо не совершить его. Подполье становится для человека таким замерзшим временем, когда тот получает возможность жить, «ни на что не решаясь»²⁷².

Кроме того, Т.А. Касаткина обращает свое внимание еще и на введенное Достоевским противоречие между человеком естественным и сознающим. Она обращает свое внимание на то, что человек естественный со слов «подпольного», есть «человек природы и истины». Откуда Достоевский берет это определение? Это фраза, которая написана на могиле Руссо: Достоевский видит ее во время своей поездки в Европу. Отсюда Касаткина делает вывод, что человек естественный – это «человек, который заключен в гроб»²⁷³. И для этого естественного человека каменная стена есть непреодолимый предел. А значит именно у него есть каменная стена – гробница и в начале, и в конце его бытия, и ему, в отличие от «подпольного» есть, на что опереться и есть, от чего оттолкнуться. Поэтому естественный человек наиболее приспособлен к

---

²⁷⁰ Касаткина Т.А. Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. М.: Водолей, 2019. 336 с.

²⁷¹ Там же. С. 162.

²⁷² Там же. С. 167.

²⁷³ Там же. С. 167.

жизни на земле, к законам природы. Он с удовольствием опирается в любую причину и действует исходя из нее.

А вот сознающий человек, согласно Касаткиной, уверен, что за этой самой каменной стеной что-то да есть. Он не собирается смиряться с тем, что не может ее пробить, будет колотиться в нее, пытаться прошибить ее лбом, но никогда с ней не смирится. Но т.к. все конечные цели сознающего человека находятся за пределами этой стены, пробить которую невозможно, целей он своих никогда не достигнет. А значит и подобрать оснований и причин для своих поступков у него нет никакой возможности: «то есть – для него недоступны ни концы, ни начала, и эту наличность, но недоступность он сознает»²⁷⁴. Таким образом, подпольный человек есть тот, кто обнаруживает в себе особенный закон. Такой, который противоречит всем существующим и не дает ему возможности обрести ни своего начала, ни своего конца, пока он не встретит Христа, который есть начало и конец.

И наконец, стоит обратиться к трактовке, предложенной современным автором Н.Н. Ростовской²⁷⁵. Согласно ее точке зрения, «подпольный человек» есть чудак, т.е. тот, «кто живет в мире, но не от мира»²⁷⁶. Он оказывается непроницаемым для других, т.к. не помещен в логику наличного порядка, но смотрит на мир из трансцендентной перспективы. «Подпольный человек», по мнению Ростовской, есть герой «до Бога», т.е. тот, кто взял на себя бремя одиночества и свободы, через которые он получит возможность обрести высшее основание, а именно Бога. Таким образом, Достоевский застаёт «подпольного человека» в момент рождения человеческого в нем, когда он оказывается «в первичном хаосе субъективности, когда внешние законы оказываются

---

²⁷⁴ Там же. С. 168.

²⁷⁵ Ростова Н.Н. Ф.М. Достоевский: о разрыве между жизнью и сознанием // Человек. 2024. Т. 35. № 1. С. 26-43. DOI: 10.31857/S0236200724010029.

²⁷⁶ Там же. С. 29.

вторичными, а внутренний закон еще не обретен»²⁷⁷. Именно это состояние и называет Достоевский «роковой бурдой». Таким образом, Бога у «подпольного человека» еще нет, но он дан ему как возможность обретения оснований в самом себе, а не снаружи.

Проанализировав бегло некоторые из существующих в пространстве русской мысли трактовок «подпольного человека», мы переходим к анализу критериев подпольности. Ведь именно они помогут нам определить, кто из героев Достоевского относится к данному антропологическому типу, а кто – нет.

2.3. Критерии отнесения героев Ф.М. Достоевского к типу «подпольного человека»

Ввиду того, что исследователи всегда по-разному определяли «подпольного человека» Достоевского, отсутствует понимание того, каких героев мы можем таковыми считать. Идеи предлагались самые разные. Например, Л.И. Шестов, утверждал, что почти все герои Достоевского – представители типа «подпольного человека», и все творчество Достоевского с момента выхода «Записок...» — это не более чем его попытка реабилитировать права «подпольного человека». С.А. Никольский, высказываясь с плохо скрываемой глубокой антипатией по отношению к образу «подпольного человека», к «подпольным» относит чрезвычайно много героев Ф.М. Достоевского, а именно Раскольникова, Свидригайлова, Рогожина, Ганю Иволгина, Ипполита Терентьева, Лебедева, Ламберта, Мармеладова, Ставрогина, Смердякова, Верховенского, Федора Павловича, Дмитрия и Ивана Карамазовых и даже частично Разумихина. Последний, по Никольскому, иногда проявляет свою «подпольность», но, будучи «нормальным» человеком, сразу после этого проявления раскаивается и вообще всегда старается «подполье» в себе удержать.

---

²⁷⁷ Там же. С. 30.

Г.С. Померанц²⁷⁸ к героям с «двойными мыслями» относит в первую очередь князя Мышкина и Ивана Карамазова. Главным образом они характеризуются постоянным сосредоточением на мыслях внутренних, т.е. первичных.

С.И. Фудель²⁷⁹ основным качеством «подпольного» героя называет постоянную в них внутреннюю борьбу добра и зла. В первую очередь при таком критерии он выделяет Митю Карамазова.

И.И. Евлампиев²⁸⁰, для которого «двойственный человек» есть тот, кто весь пронизан антиномичностью, Петр Александрович, герой «Неточки Незвановой»²⁸¹, становится «подпольным».

Для А.А. Ухтомского²⁸² двойник становится отражением того, что заслужено, поэтому в первую очередь он обращает свое внимание на Версилова с его «двойником», Ивана Карамазова и его «черта», Ставрогина и его «беса». Здесь кажется важным обратить внимание на одного из героев романа «Подросток», Андрея Петровича Версилова. Основываясь на его рассуждениях о двойнике, многие исследователи, как было замечено нами ранее, причисляли Версилова к «двойственным» героям Достоевского. Поводом для рассуждений на эту тему послужил следующий монолог Версилова: «Знаете, мне кажется, что я весь точно раздваиваюсь, - оглядел он нас всех с ужасно серьезным лицом и с самою искреннею общительностью. – Право, мысленно раздваиваюсь и ужасно этого боюсь. Точно подле вас стоит ваш двойник; вы сами умны и разумны, а тот непременно хочет сделать подле вас какую-нибудь

---

²⁷⁸ Померанц Г.С. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. 3-е изд., доп. М. СПб.: Центра гуманитарных инициатив, 2017. 416 с.

²⁷⁹ Фудель С.И. Наследство Достоевского. 3-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст. и коммент. Л.И. Сараскиной. М.: Русский путь, 2016. 340 с.

²⁸⁰ Евлампиев И.И. Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012. 585 с.

²⁸¹ Достоевский Ф.М. Неточка Незванова // Полное собрание повестей и рассказов в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. С. 213-335.

²⁸² Ухтомский А.А. в дневниках и письмах. СПб.: Изд. СПб. ун-та, 1992. 226 с.

бессмыслицу, и иногда превеселую вещь, и вдруг вы замечаете, что это вы сами хотите сделать эту веселую вещь, и бог знает зачем, то есть как-то нехотя хотите, сопротивляясь из всех сил хотите...Знаешь, Соня, вот я взял опять образ (он взял его и вертел в руках), и знаешь, мне ужасно хочется теперь, вот сию секунду, ударить его об печку, об этот самый угол. Я уверен, что он разом расколется на две половины – ни больше ни меньше»²⁸³. Когда Версилов говорил это, он «действительно ужасно чего-то боялся»²⁸⁴, а руки его дрожали. Здесь мы возвращаемся к переживанию героем ужаса собственной двойственности, которую мы уже видели, когда речь шла о Голядкине. Однако сам герой классифицируется как «подпольный» именно при таком подходе, который предложил А.А. Ухтомский.

Ф.И. Гиренок²⁸⁵, называя подпольного человека аутистом, замечает, что Достоевский делит людей на тех, кто с сознанием и нормальных. Вторые в этом случае будут теми, кто ограничен возможным в составе наличного, а первые будут отвоевывать у реальности позиции для сознания. Исходя из этой классификации, мы делаем вывод о том, что «сознающие» герои Достоевского, по Гиренку, все будут «подпольными».

Ввиду того, что основная задача данной диссертации состоит в том, чтобы концептуализировать «двойственного человека» в пространстве философии Достоевского, мы также выделим героя, который в случае нашего подхода будет являться «двойственным». Ранее этот герой не был никем из исследователей отнесен к «подпольному» типу.

2.4. Главный герой романа «Подросток» как «подпольный человек»

В одном из самых недооценённых, на наш взгляд, романов «Великого пятикнижия» Достоевского мы встречаемся с только что

²⁸³ Достоевский Ф.М. Подросток: [роман]. Москва: Издательство АСТ, 2020. 576 с.

²⁸⁴ Там же. С. 515.

²⁸⁵ Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М.: Академический Проект, 2008. 235 с.

окончившим курс гимназистом по фамилии Долгорукий, который пишет автобиографию, удивительно напоминающую записки «подпольного человека». Схожесть эта сразу бросается в глаза. Во-первых, Долгорукий так же, как и герой «Записок из подполья», воображает себе своего читателя, его возражения, мысли и упреки, и в попытках предвосхитить их силится на все дать ответ. Предполагая своего читателя «расхохотавшимся», он сразу говорит «этому господину», что тот сам ничего не смыслит. Во-вторых, будучи, как и герой «Записок...», в уединении «мечтательной и многолетней жизни»²⁸⁶, тот возвращает идею сделаться Ротшильдом, которая наконец «поглотила всю его жизнь»²⁸⁷ и «помешала гимназии, помешала и университету»²⁸⁸. Долгорукий оказывается тем же самым человеком с приоритетом внутреннего над внешним, что был и Голядкин, и герой «Записок...». Он «бестрепетно стал за идею, ибо был математически убежден»²⁸⁹, как когда-то позже будет убежден Иван Карамазов. Долгорукий решил «бросить все и уйти в свою скорлупу», «спрятаться в нее как черепаха»²⁹⁰, «сделать себе угол и жить в углу»²⁹¹ и наконец быть со своей идеей, которой он ни за что не изменит, даже предложи ему в реальности счастье, с которым можно прожить хоть десять лет. Вот эта «двойственность планов» (курсив мой – К.Х.)²⁹² и наполняла всю его дальнейшую жизнь. О какой двойственности речь? О той же, о которой мы говорили, когда речь шла о Голядкине и «подпольном человеке», о раздвоенном мире человека, причиной которого является сознание: с одной стороны, идея, с другой – реальная жизнь. С одной стороны, образ «я», который есть у других, с другой, образ самого себя у себя. Действительности в жизни героя очень мало, ему не до нее,

---

²⁸⁶ Достоевский Ф.М. Подросток: [роман]. Москва: Издательство АСТ, 2020. 576 с.

²⁸⁷ Там же. С. 17.

²⁸⁸ Там же. С. 17.

²⁸⁹ Там же. С. 17.

²⁹⁰ Там же. С. 18.

²⁹¹ Там же. С. 50.

²⁹² Там же. С. 18.

ведь он «мечтал изо всех сил и до того, что ему некогда было разговаривать»²⁹³. Особенно хотелось бы отметить нарочито подчеркнутое самим подростком несовпадение фантазии о жизни и реальной жизни. Идея сделаться Ротшильдом путем накоплений, которая завладела всем существом героя, никак не была проверена на практике, что понимает и сам Долгорукий, однако, предупреждая возражения, он заявляет: «...я не знал практики; но я три года сряду обдумывал и сомнений иметь не мог. Я воображал тысячу раз»²⁹⁴. Воображенное тысячу раз подчинит себе реальность – уверен герой. Кроме того, Ротшильдом Долгорукий мечтает сделаться вовсе не для того, чтобы хорошо жить или позволить себе что-то, чего раньше он позволить не мог. Ему хочется жить бедняком, но осознавать, что он богач. Он хочет богатства как идеи, без переноса в жизнь. Будучи богатым, он не собирается даже позволять себе съесть хороший обед, он съест кусок хлеба и ветчины, а в остальном «будет сыт своим сознанием»²⁹⁵. «Тайное сознание могущества нестерпимо приятнее явного господства»²⁹⁶, – восклицает подросток Долгорукий, в очередной раз подчеркивая приоритет внутреннего над внешним. А затем подобно «подпольному человеку» говорит нам: «...нет, мне нельзя жить с людьми; я и теперь это думаю; на *сорок* (курсив мой – К.Х.) лет вперед говорю. Моя идея – угол»²⁹⁷. Сразу вспоминается сорокалетний срок подполья, о котором шла речь ранее. Почему именно угол? Потому что в углу мир подчиняется воображению, а в реальности – нет: «до сих пор, во всю мою жизнь, во всех мечтах моих о том, как я буду обращаться с людьми, - у меня всегда выходило очень умно; чуть же на деле – всегда очень глупо»²⁹⁸. Кроме того, Долгорукий обращает наше внимание не только на

---

²⁹³ Там же. С. 89.

²⁹⁴ Там же. С. 83.

²⁹⁵ Там же. С. 91.

²⁹⁶ Там же. С. 44.

²⁹⁷ Там же. С. 56.

²⁹⁸ Там же. С. 83.

то, что у человека есть образ самого себя, созданный в сознании, т.е. двойник, но и на то, что другие люди для него также только созданы им в его же воображении. Например, рассуждая о Версилове, которого бесконечно любил, он замечает: «...но ведь оказывается, что этот человек-лишь мечта моя, мечта с детских лет. Это я сам его таким выдумал»²⁹⁹. Таким образом подтверждая, что и других людей он создает в своем сознании так же, как и себя самого. Поэтому окружающих себя людей подросток называет своими «фантастическими куклами».

Как же выглядит «я» самого Долгорукого, которое он воображает, давая существование своему двойнику? С самого детства он иначе не мог себя вообразить, чем на первом месте во всем, во всех сторонах своей жизни. Умный, правда с лицом, которое вредит ему своей ординарностью. Остроумный и не боящийся денег, которые точно его не придавят. «Я» подростка не из реальности, оно мнимость. И постоянно он сталкивается с тем, что другие люди думают о нем совсем не то же самое, что и он сам.

Сидя в своем подполье, герой «Записок...» требовал одного собственного хотения, права свою волю заявить. Вторя ему, Долгорукий, настаивает на своей свободе: «...личная свобода, то есть моя собственная-с на первом плане, а дальше знать ничего не хочу»³⁰⁰, и следом вопрошает: «...куда вы денете протест моей личности в вашей казарме?»³⁰¹. Он восстает против разумности, декларируя: «и за все это, за ту маленькую часть срединной выгоды, которую мне обеспечит ваша разумность, за кусок и тепло, вы берете взамен всю мою личность?»³⁰². Но Долгорукий не готов отдавать свою личность и жить по законам мира, он отстаивает свое право на сознание и свободу, как человек, который больше «мечтает под одеялом», чем живет, Долгорукий, фантазируя о своих отношениях с

---

²⁹⁹ Там же. С. 75.

³⁰⁰ Там же. С. 57.

³⁰¹ Там же. С. 59.

³⁰² Там же. С. 59.

женщиной, замечает, что она будет смеяться над ним, как «над мышью»³⁰³. Эта метафора, на наш взгляд, есть прямое продолжение образа человека как «усиленно сознающей мыши», о котором не единожды говорил герой «Записок из подполья». Ну и наконец, в 4 главе первой части подросток прямо называет то, что он пишет, «записками».

Таким образом, мы можем утверждать, что главный герой романа «Подросток» является очередной попыткой Ф.М. Достоевского концептуализировать «подпольного человека». Он также живет с приоритетом внутреннего над внешним, т.е. является человеком обратной перспективы. Он постулирует ценность свободы и личности, отрицает разумность и живет, «придавленный идеей». Откуда берется идея? Она становится тем, что возникает у человека в горизонте сознания, как у того, кто принадлежит субъективности и затем своей волей пытается удержать рожденные внутри него смыслы в реальности. Он создает в воображении своего двойника и признается, что все окружающие его люди не более чем его собственные выдумки, ведь они тоже не существуют, а даны ему.

2.4. Вывод

Ввиду большого количества существующих трактовок двойственности человека в творчестве Достоевского, мы сталкиваемся с необходимостью выделять его двойственных героев каждый раз заново. Ведь от того, как трактуется двойственность человеческой природы, будет зависеть и то, какие герои окажутся двойственными. Концептуализируя «двойственного человека», как того, кому свойственно раздвоение внутри его сознания, мы, кроме тех героев, о которых писал сам Достоевский, относивший к таковым Голядкина и героя «Записок из подполья», выделяем также и главного героя романа «Подросток», Аркадия Макаровича Долгорукого. Обращаясь к нему, мы видим в его рассуждениях прямое продолжение идей, высказанных героем «Записок из

---

³⁰³ Там же. С. 76.

подполья». Порой они напоминают друг друга очень сильно, и мы забываем, что читаем уже не записки «подпольного человека», а другое произведение. Кроме того, Долгорукий часто использует даже ту лексику, которая была свойственна «подпольному», например, постоянно в его рассуждениях мелькают такие слова, как «угол», «мышь», «идея». Опираясь именно на это произведение, мы также можем говорить о том, что тут Достоевский впервые очень точно формулирует, что не только «я» человека и мир являются тем, что создается им в его сознании, но и то, что другие люди, являясь «фантастическими куклами», также становятся тем, что человек сам себе «рисует».

ГЛАВА 3. АНТРОПОЛОГИЯ ЮРОДСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Несмотря на всеобщий и неиссякающий интерес к героям – юродивым в творчестве Ф. М. Достоевского, многие из них до сих пор остаются неисследованными, а те, которые кажутся исследованными, практически не получили философского осмысления. В первую очередь, на наш взгляд, это связано с самим образом юродивого, который видел и создавал Ф. М. Достоевский в своих произведениях. В обыденном сознании за юродивыми закрепилась слава сумасшедших. Этому же способствовала европейская интеллектуальная и культурная традиция, которая устами Мишеля Фуко говорила исключительно о шизофрениках³⁰⁴. До сих пор в ряде европейских языков, а именно в английском, французском, немецком и итальянском, нет отдельного слова для передачи смысла феномена юродства. Юродивый в этих языках обозначается тем словом, которое в первую очередь имеет коннотацию «глупый, сумасшедший». В английском языке – это fool, в итальянском – matto, во французском – faible d'esprit, в немецком – närrisch. Кроме того, начиная с Платона, европейская философская мысль стала воспринимать двойственную природу человека как разделение на душу и тело³⁰⁵. А если человек раздваивается на душу и тело, а не внутри одного сознания, то он всегда живет в тождестве бытия и мышления, как завещал Парменид. Такой человек не принадлежит субъективности, не грезит, не живет, приоритизируя внутренний опыт, а значит, он может быть либо здоровым, либо больным. Все это способствовало тому, что осмыслить юродство как отдельный феномен стало возможным полноценно именно в русской интеллектуальной традиции. Одной из первых масштабный философско-антропологический анализ юродства предложила профессор Ростова Н.

³⁰⁴ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010.

³⁰⁵ Платон. Федон // Диалоги. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 167-250.

Н.³⁰⁶ в своей диссертации «Человек обратной перспективы: философско-антропологическое исследование феномена юродства Христа ради». Однако образы героев-юродивых Ф.М. Достоевского там затронуты не были.

Самой ранней попыткой со стороны Ф.М. Достоевского создать героя-юродивого нам представляется образ Макара Девушкина из романа «Бедные люди»³⁰⁷. Далее Достоевским будет создана целая панорама образов носителей юродства. Юродивые у Ф.М. Достоевского будут при этом очень разные, например, Алеша Карамазов «непременно из таких юношей вроде как бы юродивых, которому попади вдруг даже целый капитал, то он не затруднится отдать его по первому даже спросу»³⁰⁸. Для него Бог – это «тот горизонт, внутри которого ты актуально можешь выстроить то, что дано потенциально»³⁰⁹. А сестра старухи-процентщицы Лизавета остается образом таинственным и нераскрытым. Князь Лев Николаевич Мышкин из романа «Идиот», которого Рогожин называет юродивым, был для Ф.М. Достоевского попыткой создать образ положительно прекрасного человека.

В данной главе будет рассмотрен юродивый как антропологический тип в творчестве Ф.М. Достоевского, будет осмыслено понятие юродства в русской философии, которое, на взгляд автора, коренится в понимании двойственности человеческой природы как раздвоении самости в противовес безумию, концептуализированному в пространстве европейской философии (§3.1.), а далее будет предложен анализ образов юродивых в творчестве Достоевского (§3.2.). Речь будет идти сначала о

---

³⁰⁶ Ростова Н.Н. Человек обратной перспективы: философско-антропологическое исследование феномена юродства Христа ради: дис. канд. филос. наук 09.00.13. М.: 2008.

³⁰⁷ Достоевский Ф.М. Бедные люди // Униженные и оскорбленные: романы, повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С. 5-120.

³⁰⁸ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. 832 с.

³⁰⁹ Ростова Н.Н. Изгнание Бога. Проблема сакрального в философии человека: монография. М.: Проспект, 2021.

романе «Бесы», затем о «Преступлении и наказании» и наконец о положительно-прекрасном человеке, князе Мышкине из романа «Идиот».

3.1. Русский юродивый и западный безумец

В своей книге «История безумия в классическую эпоху» М. Фуко настаивал на том, что безумие предполагает некую основополагающую свободу: «...в сущности безумие было возможно лишь в той мере, в какой непосредственно вокруг него существовало пространство свободы, зазор, позволявший субъекту самому говорить на языке собственного безумия и конституировать себя как безумца»³¹⁰. Отсюда следует, что безумец – это тот, кто достаточно свободен для того, чтобы говорить на собственном языке, а разумный – недостаточно и поэтому вынужден говорить на языке других. Безумец позволяет говорить себе то, что не согласовано с реальностью, а сообразуется с его внутренними чувствами. «Истина безумия состоит в автоматизме, чуждом всякой последовательности; и чем более беспричинен поступок, тем больше вероятности, что он порожден самим безумием»³¹¹, – пишет Фуко, понимая под беспричинностью поступка отсутствие внешней детерминации. Что отсюда следует? Безумец подчиняется внутренней детерминации, игнорируя внешнюю. Что появляется вместе с безумцем? «Трехчленная – человек, его безумие и его истина – антропологическая структура»³¹², которая вытеснила такие бинарные структуры неразумия, как истина и заблуждение, день и ночь, мир и фантазм. О чем говорит нам безумие? «Об истине человека, об истине, которая предшествует ему, служит ему основанием, но способна его уничтожить, – поскольку истина эта открывается человеку лишь в катастрофе безумия и ускользает от него при первых же признаках примирения»³¹³. Т.е. человек становится истиной для самого себя лишь

---

³¹⁰ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010.

³¹¹ Там же. С. 607.

³¹² Там же. С. 610.

³¹³ Там же. С. 617.

тогда, когда он безумен, и перестает быть истиной, если примиряется с миром. Потому что примириться с миром — значит существовать по законам этого мира, а не по своим собственным. Значит отказаться от своего «я», которое создано как мнимость, в пользу того «я», которым тебя наделяет мир. Значит начать согласовывать свою мысль с бытием, а не бытие со своей мыслью. Значит быть разумным, а не быть грезящим. Ведь «грезы – самая раскрывшаяся сущность человека, самый частный, самый личный процесс его жизни»³¹⁴. За то, чтобы быть нормальным, человек платит отказом от своего двойника, своего языка и картины мира. В каком мире появляется безумец? В мире европейской философии, где речь идет о субстанциальном дуализме человека. Если раздвоенность предполагает разделение на душу и тело, то мысль о бытии всегда должна быть согласована с бытием, как нам завещал Парменид, в противном случае ты становишься безумным. В русской же философии «безумие – это мания, бред, на языке которого говорит не тело, а бог»³¹⁵. Западный человек узнавал себя, глядя на безумца.

В русской интеллектуальной традиции на месте безумца появляется юродивый как фигура предельного покаяния, как тот, кто не говорит на одном языке с миром, а говорит от имени Бога, но не является при этом сумасшедшим. Через него русский народ себя понимал. Смысл юродства заложен в послании апостола Павла: «Никто не обольщай самого себя: если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будет безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость, мира сего есть безумие пред Богом, как написано: “Мы безумны ради Христа”» (Кор. 1: 4-10). Если обратиться к трактовкам юродивых именно в пространстве творчества Достоевского, то мы увидим, что внутри самой традиции существуют различные

---

³¹⁴ Blicke T. in *Wesen des Menschen*, цит. no: Beguin. *L'ame romantique el le reve*. Paris, 1939.

³¹⁵ Гиринок Ф. «Фигуры и складки. 2-е изд. М.: Академический проект 2014. 244 с.

трактовки юродивых у Достоевского. Например, для М.М. Бахтина³¹⁶ юродство – это форма эстетизма с обратным знаком. Напрямую полемизирует с ним Г.С. Померанц, который считает, что между эстетизмом и юродством нет ничего общего, а «подлинное юродство так же серьезно, как распятие»³¹⁷. Отметив несколько существующих трактовок, мы собираемся анализировать юродство у Достоевского как антропологический феномен.

Отсутствие элемента сумасшествия в юродстве нарочито подчеркивается Достоевским в образе Алеши Карамазова, который был, как мы уже говорили выше, «непременно из таких юношей вроде как бы юродивых»³¹⁸, вовсе не фанатик или мистик, но «человек странный и даже чудак»³¹⁹, далее Достоевский объясняется, что именно чудак «носит в себе иной раз сердцевину целого, а остальные люди его эпохи – все, каким-нибудь наплывным ветром, на время почему-то от него оторвались»³²⁰. О каком целом идет речь? О соборе. Кроме того, Достоевский упорно и не единожды подчеркивает, что Алеша вовсе не был ни глупцом, ни человеком необразованным, за коего его можно было бы счесть. Он даже был реалистом больше, чем все остальные. Он был просто как-то по-особенному задумчив, как будто его мучил какой-то внутренний вопрос, к которому другие люди даже никогда не обращаются внутри себя. Он лишь мечтал о том, чтобы на земле стали жить по законам неба, а тайну этого носил в себе старец Зосима: «...в его сердце тайна обновления для всех, та мощь, которая установит наконец правду на земле, и будут все святые, и будут любить друг друга, и не будет ни богатых, ни бедных, ни возвышающихся, ни униженных, а будут все как дети божии, и наступит

---

³¹⁶ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва: Издательство «Э», 2017. 640 с. (Библиотека всемирной литературы).

³¹⁷ Померанц Г.С. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. 3-е изд., доп. М. СПб.: Центра гуманитарных инициатив, 2017. 416 с.

³¹⁸ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. 832 с.

³¹⁹ Там же. С. 7.

³²⁰ Там же. С. 7.

наконец настоящее царство Христово»³²¹. Алеша чуждается говорить с обществом на его языке. Ведь оно говорит о деньгах или о женщинах. В первом случае Алеша просто молчит, а во втором – закрывает уши и хочет убежать. Зато Алеша говорит Ивану, который терзает себя идеей, что это он толкнул Смердякова отца убить, а значит сам и убил, что его Бог послал с ним говорить, чтобы сказать брату, что тот не виновен, не он убийца отца.

Таким образом, мы утверждаем, что юродство как феномен кроется в двойственности человеческой природы, которая в русской интеллектуальной традиции, в частности у Ф.М. Достоевского, понимается как разделение человека внутри одного его сознания: юродивый – это тот, кто одновременно выше себя и ниже себя. И самое главное – это тот, кто положил себя в основание самого себя, отказавшись согласовывать себя с обществом. Кроме того, фигура юродивого не имеет ничего общего с фигурой безумца, который детерминирован внешним причинением и не может говорить на своем языке. Безумец подчинен реальности, юродивый получает свободу от реальности и получает ее через Бога.

3.2. Юродивые Ф.М. Достоевского

Исследуются образы Марьи Тимофеевны Лебядкиной (см. 3.2.1) и Сони Мармеладовой (см. 3.2.2), которые традиционно трактуются исследователями как юродивые. Далее осмысляется образ положительно-прекрасного человека Достоевского князя Льва Николаевича Мышкина, главного героя романа «Идиот» (см. 3.2.3).

3.2.1. Хромоножка: антропология юродства в романе «Бесы»

Марья Тимофеевна Лебядкина, или Хромоножка, – один из самых притягательных образов юродства в творчестве Ф.М. Достоевского. Именно она и Лизавета Смердящая из «Братьев Карамазовых» наиболее

---

³²¹ Там же. С. 35.

похожи на классических юродивых. Поэтому было очень мало исследований феномена юродства в творчестве Ф.М. Достоевского, не затрагивающих образ Хромоножки. Глава четвертая первой части романа «Бесы» так и называется «Хромоножка», именно в ней мы и знакомимся с Лебядкиной, о существовании которой до этого говорили только намеками. Первый раз мы застаем героиню сидящей при свете тоненькой свечи, а перед ней на столе лежит маленькое деревянное зеркальце, старенькая колода карт и старая книжка. Марье Тимофеевне около тридцати лет, она болезненно худощава, одета в серое ситцевое платье, а жидкие темные волосы ее собраны в пучок. Она набелена, нарумянена, и даже губы ее чем-то намазаны, а в ее радостном взгляде читается что-то мечтательное. Шатов говорит, что она страдает какими-то нервными припадками. Они случаются с ней несколько раз в день, после чего она забывает все, что было до припадка. Живет Марья Тимофеевна с братом, капитаном Лебядкиным, который ее постоянно бьет.

Анализируя этот образ, С.Н. Булгаков в своей работе «Русская трагедия» будет говорить о царстве света и царстве тьмы в романе. Наиболее ярким представителем царства тьмы можно назвать Николая Всеволодовича Ставрогина. Опираясь на портрет главного героя романа, С.Н. Булгаков напишет: «Ставрогина нет, ибо им владеет дух небытия, и он сам знает о себе, что его нет»³²². Он замечает паралич личности Ставрогина, у которого личность будто кем-то выедена, а вместо лица у него маска, личина. Но одновременно с этим небытием главного героя все нити романа, все события и связи каким-то образом сходятся именно в нем. Именно его любят все, и только вещая Хромоножка, как называет ее С.Н. Булгаков, будучи медиумом добра, «из снов своих узнает страшную тайну о том, что он самозванец, личина, скорлупа, что его нет, и этот суд

---

³²² Булгаков С.Н. Русская трагедия // Достоевский Ф.М. «Бесы»: антология русской. М.: «Согласие», 1996. С. 489-507.

Хромоножки, или высшей силы, через нее гласящей, окончательно решает судьбу Ставрогина»³²³. Именно после этого, по мнению С.Н. Булгакова, Ставрогин соглашается на убийство Лебядкиной. Хромоножка и является представительницей царства света, она «ясновидящая, из рода сивилл, которые читают в книге судеб с закрытыми глазами»³²⁴. Несмотря на это, и она не принадлежит к положительным героям и не является олицетворением добра. Она живет под щитом своей уродливости, слабоумия и юродства, которые защищают ее от зла и делают открытой добру. «Ее охраняет от злых чар покров чистой женственности; это не дурная, бесплодная, ведовская женственность колдуньи, но исполненная воли к материнству, и в девственности своей не хотящая бесплодия, - отблеск немеркнущего света “Девы и Матери”»³²⁵. Именно этим объясняет Булгаков ее фантазии о ребенке, которого она родила, а потом утопила. Отказывая Лебядкиной в религиозном начале, С. Н. Булгаков, опираясь на теософский язык, пишет о том, что ее видения становятся астральным ясновидением, а не религиозным вдохновением. Хромоножка – сивилла, как уже было сказано выше, но не пророчица. Ее пронизывают нездешние лучи, она слышит потусторонние голоса, поэтому ее не может обмануть личина Ставрогина. Но, несмотря на это, «и ее нет, как лица, как индивидуальности, она вся как будто расщеплена своим слабоумием, юродивостью, даже своим ясновидением»³²⁶. Опираясь на Платона, который писал о людях, чей пророческий дар связан не с головой и сердцем, а с печенью³²⁷, он делает вывод о принадлежности Хромоножки к дохристианской эпохе: «она праведна и свята, но лишь естественной святостью Матери Земли, природной мистики, живет от слов - “слов,

---

³²³ Там же. С. 493.

³²⁴ Там же. С. 494.

³²⁵ Там же. С. 495.

³²⁶ Там же. С. 495.

³²⁷ Платон. Тимей // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 421-500.

написанных в сердцах язычников”, и еще не родилась к христианству»³²⁸. Она, по С.Н. Булгакову, «разумет шепот Додонского дуба, прислушивается к органическому лепету пифийской жрицы на ее треножнике и пророчеству весталки»³²⁹, но она не знает Бога, который соединил в себе божеское и человеческое, очеловечился, чтобы человек обожился, и взошел на Голгофу во имя свободы людей.

В.И. Иванов продолжает линию С.Н. Булгакова в осмыслении образа Марьи Тимофеевны Лебядкиной. По его мнению, создавая образ Хромоножки, Ф.М. Достоевский хотел показать, как «Вечная Женственность в аспекте русской Души страдает от засилия и насильничества 'бесов', искони борющихся в народе с Христом за обладание мужественным началом народного сознания»³³⁰. А поскольку бесы обижают саму Богородицу – именно этим объясняет эпизод поругания иконы В.И. Иванов. Он называет Хромоножку медиумом Матери-Земли и пишет о том, что она представляет Душу Земли Русской.

Кроме того, мы бы хотели выделить еще ряд интерпретаций этого образа среди современных исследователей. Е.Г. Кабакова³³¹, обращаясь к образу Лебядкиной, замечает, что она впитала в себя народные представления о бесах и темных чарах, о чем свидетельствуют лежащие перед ней карты, зеркало и свечи. Е.П. Гурова³³² утверждает, что образы юродивых у Достоевского есть полиобразы, которые не укладываются ни в каноны церковного, ни в каноны фольклорного понимания данного явления.

---

³²⁸ Булгаков С.Н. Русская трагедия // Достоевский Ф.М. «Бесы»: антология русской. М.: «Согласие», 1996. С. 489-507.

³²⁹ Там же. С. 495.

³³⁰ Иванов В.И. Основной миф в романе «Бесы» // Достоевский Ф.М. «Бесы»: антология русской. М.: «Согласие», 1996. С. 508-512.

³³¹ Кабакова Е.Г. Юродивые и «юродствующие» в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // Вестник Челябинского университета. Сер. 2. 1991. № 1.

³³² Гурова Е.П. Юродивые в романах Ф.М. Достоевского // Вестник Пермского университета. № 3. Т. 27. С. 136-145.

Несмотря на интересные толкования как С.Н. Булгакова и В.И. Иванова образа Хромоножки, так и современных авторов, мы будем утверждать, что этого недостаточно для понимания феномена юродства в творчестве Ф.М. Достоевского. Марья Тимофеевна Лебядкина – лишь одна из ряда героев-юродивых, которые были созданы писателем в его произведениях. Такие герои, как, например, Сонечка Мармеладова и Алеша Карамазов, тоже являются юродивыми, что прямо следует из текстов Ф.М. Достоевского, однако у них не помутнен разум, так что нельзя говорить о какой-то корреляции, например, между Соней и Богородицей. А значит, есть что-то другое, что объединяет всех героев, которых Ф.М. Достоевский делает юродивыми, и, на наш взгляд, это стремление к радикальной редукции наличного, приоритет внутреннего опыта над внешним, которые возможны у Ф.М. Достоевского только в том случае, если мы говорим о человеке с раздвоенным сознанием. Также нам кажется важным обратить внимание на то, что образ Лебядкиной не видится нам расщепленным, скорее наоборот, живя в царстве видений и грез, она принадлежит субъективности, а значит, преодолевает бессмысленность мира, являя в него свои грезы как смыслы. И именно это представляется нам единственным специфически человеческим способом существовать, единственной возможностью для человека оставлять следы в реальности.

Итак, когда Шатов с гостем приходят к Марье Тимофеевне, для рассказчика, узнавшего об избиениях, которые терпит Хромоножка от своего брата, становится странным, что он застал улыбающуюся, тихую, спокойную и радостную женщину. В этом есть какое-то противоречие, ведь человек, которого бьют, не может быть ни спокоен, ни счастлив. Но Марья Тимофеевна существует не в реальности, а в грезе, а значит, все действительное не имеет над ней практически никакой власти. Шатов заводит с ней разговор, а Марья Тимофеевна замечает, что он часто

скучает: «...странно мне на вас всех смотреть; не понимаю я, как это люди скучают. Тоска не скука. Мне весело»³³³. В этом слышится какое-то отрезание себя от других людей, как будто она к ним не принадлежит. Скучает кто? Тот, кто не грезит. Про Лебядкина, который ее бьет, она говорит, что тот ее лакей, а Шатов добавляет от себя, что хоть брат ее и избивает, а она его ничуть не боится. И вообще она мало что помнит и скорее всего уже на их месте представляет совсем других людей, ведь чуть только перестаешь с ней разговаривать, «она тотчас же перестает слушать и тотчас же бросается мечтать про себя, именно бросается»³³⁴. «Мечтательница чрезвычайная, - продолжает Шатов, - по восьми часов, по целому дню сидит на месте»³³⁵. Именно эта мечтательность и позволяет Хромоножке абстрагироваться от реальности, не скучать, не страдать от того, что ее брат избивает, а жить так, как дано жить только человеку с сознанием. Далее Марья Тимофеевна рассказывает о том, как в монастыре была и что, как ей кажется, родила ребенка. Этот эпизод проанализирован исследователями уже не один раз, как и было показано в статье ранее, однако мы хотим сосредоточиться на том, что, на наш взгляд, от них ускользнуло. Марья Тимофеевна рассказывает, как она в монастыре плакала, но не от горя: «ничего-то нет в этих слезах дурного; и хотя бы и горя у тебя какого не было, все равно слезы твои от одной радости побегут»³³⁶. Это замечание кажется нам важным потому, что из него становится очевидным, что Марья Тимофеевна внутренне воздействует сама на себя эмоцией и не допускает воздействия внешнего, т.е., аффекта. То, что она чувствует и делает, является результатом внутреннего причинения и не имеет никакого отношения к реальности.

---

³³³ Достоевский Ф.М. Бесы. Роман в трех частях // Достоевский Ф.М. Бесы. Роман в трех частях. «Бесы»: антология русской критики. М.: «Согласие», 1996. С. 5-434.

³³⁴ Там же. С. 91.

³³⁵ Там же. С. 91.

³³⁶ Там же. С. 92.

Продолжая разговор, Шатов спрашивает у нее, а что, если ребенка не было и все это один только бред ее. Марья Тимофеевна отвечает: «трудный вопрос задаешь мне, Шатушка, – раздумчиво и безо всякого удивления такому вопросу ответила она, – на этот счет я тебе ничего не скажу, может, и не было; по-моему, одно только твое любопытство; ведь я все равно о нем плакать не перестану»³³⁷. Здесь мы очень четко видим, что она не отличает мир от картины мира и не только не отличает, но не представляет возможным отличить, да и смысла нет, ведь ее реакции – это результат ее воздействия на саму себя. При помощи воображения она достраивает реальность и не отличает реальное от выдуманного.

3.2.2. Соня Мармеладова: антропология юродства в романе «Преступление и наказание»

Стоит сразу оговориться, что Соня Мармеладова не единственная юродивая в этом произведении. Посредством мыслей Раскольникова Ф. М. Достоевский дает нам понять, что и Лизавета, сестра старухи-процентщицы, убитая Родионом, тоже юродивая. Она, по словам Сони, была справедливая, они вместе Евангелие читали, говорили, и Лизавета обязательно Бога узрит. Помня об этом, мы все же предпочтем сосредоточиться на анализе образа Сонечки Мармеладовой.

Впервые с Соней Мармеладовой не заочно мы знакомимся в седьмой главе второй части романа, когда умирает ее отец Мармеладов, раздавленный лошадьми. Она появляется в доме отца в грошовом наряде, но разукрашенном по-уличному, «под вкус и правила, сложившиеся в своем особом мире, с ярко и позорно выдающеюся целью»³³⁸. Раскольников отдает последние деньги на похороны Мармеладова, и позднее Сонечка приходит от Катерины Ивановны, чтобы его благодарить, пригласить на поминки, и оставляет свой адрес. Измученный своим

---

³³⁷ Там же. С. 93.

³³⁸ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: роман. М.: Эксмо, 2019.

преступлением, Раскольников приходит к Соне и заводит с ней разговор о жизни и будущем ее братьев и сестер. Сначала Раскольников спрашивает у Сони, что будет с сиротами, если она заболеет и ее в больницу свезут? «Ах, что вы, что вы! Этого-то уж не может быть»³³⁹, - восклицает Сонечка. Раскольников с усмешкой спрашивает, не застрахована ли Соня, ведь от жизни-то, по его мнению, никто не может быть застрахован. Но Сонечка отвечает: «Бог этого не попустит!»³⁴⁰. На протяжении всего разговора складывается такое ощущение, как будто Раскольников говорит с позиции реальности, а Сонечка - с какой-то другой, только ей ведомой действительности, где уповают на Бога. Раскольников приводит вполне жизненные аргументы, усмехаясь, издеваясь и терзая Соню, а та все их отвергает в надежде на Бога. «С Полечкой, наверно, то же самое будет»³⁴¹, - продолжает Раскольников разговор. «Нет! Нет! Бог, Бог такого ужаса не допустит! Нет! Нет! Ее Бог защитит, Бог!»³⁴² - кричит Соня в ответ, как отчаянная. А Раскольников говорит, что Бога-то, может, и нет. Лицо Сони вдруг страшно меняется, она закрывает его руками и начинает горько-горько рыдать. «Юродивая! Юродивая!»³⁴³ - постоянно твердил про себя Раскольников во время встречи с Соней. Он говорит ей, что она напрасно себя предала и умертвила, что никому она этим не помогает и ни от чего не спасает, что гораздо разумнее было бы утопиться и покончить со всем этим, а еще удивляется, как в ней такой позор и такая низость рядом со святыми чувствами уживаются. Он удивляется, как она в таком положении не сошла с ума, что же ее поддерживало? Ведь «этот позор, очевидно, коснулся ее только механически; настоящий разврат еще не проник ни одною каплей в ее сердце: он это видел; она стояла перед ним наяву...»³⁴⁴.

---

³³⁹ Там же. С. 341.

³⁴⁰ Там же. С. 341.

³⁴¹ Там же. С. 342.

³⁴² Там же. С. 342.

³⁴³ Там же. С. 346.

³⁴⁴ Там же. С. 344.

В голове Раскольникова, который мыслит категориями реальности, роятся вопросы: «но кто же сказал, что она не сошла с ума? Разве она в здравом рассудке? Разве так можно говорить, как она? Разве в здравом рассудке так можно рассуждать, как она? Разве так можно сидеть над погибелью, прямо над смрадной ямой, в которую уже ее втягивает, и махать руками, и уши затыкать, когда ей говорят об опасности? Что она, уж не чуда ли ждет? И наверно так. Разве все это не признаки помешательства?»³⁴⁵. Соня волнует Раскольникова, она его поражает, ему, человеку идеи, построившему на основании логики теорию, допускающую кровь по совести, она непонятна. Она как будто отвергает жизнь, она ее игнорирует и оперирует доводами, которых нет в эмпирической реальности. На реальность она отвечает Богом, на законы земли - законами неба. Соня сохраняет внутреннюю чистоту при внешней грязи. И Раскольников не понимает, как же ей это удастся. Она приоритизирует внутренний опыт и очень мало значения придает внешнему, живет не в мире, а в картине мира. Соня отдает себе отчет в репрессивности и жестокости мира, где дети могут голодать и трястись от страха, где такая справедливая Катерина Ивановна бьется головой о стену, задыхаясь от кровавого кашля, но она также знает, что не может этого изменить. А что она может изменить? Свое внутреннее сознание, оно полностью зависит от нее. И то, что Раскольникову кажется ее безумием, есть, как писал Ф.И. Гиренок, «русское безумие юродивого. Это сумасшествие того, кто в земном мире хочет жить по законам небесного»³⁴⁶. Что для этого нужно? Сознание, которое есть сенсориум, где спрятано, по Ф.И. Гиренку, чувство бога, чувство времени, чувство реальности и чувство самого себя. Именно оно делает человека не частью природы, а ее пределом. Чувство самой себя удерживает Соню от проникновения в нее грязи, которой она касается,

---

³⁴⁵ Там же. С. 345.

³⁴⁶ Гиренок Ф.И. Безумие галлюцината, безумие поэта // Журнал «Нож». 28 февраля 2023 года. [Электронный ресурс]: URL: <https://knife.media/sylphida/> (дата обращения: 30.09.2023).

живя по желтому билету. Чувство Бога помогает ей не жить связями внешней причинности в мире наличного, а верить, что Бог зла не допустит. Чувство реальности помогает ей продолжать верить, что Бог не попустит, чтобы сестра по желтому билету жила. Чувство времени помогает ей созерцать саму себя и длить грезы, удерживая их в мире.

3.2.3. Князь Мышкин: образ вполне прекрасного человека

31 декабря 1867 года Ф. М. Достоевский писал своему другу А.Н. Майкову, что его измучила идея «изобразить вполне прекрасного человека»³⁴⁷, которая впоследствии, как известно, нашла свое воплощение в образе князя Мышкина. Мысль эту для воплощения Достоевский считал крайне сложной, ведь «прекрасное есть идеал, а идеал – ни наш, ни цивилизованной Европы – еще далеко не выработался»³⁴⁸. Позднее в планах к роману Достоевский писал, что одна из его задач состоит в том, чтобы изобразить «двойственность глубокой природы»³⁴⁹. Результатом реализации всех этих задач и явился образ князя Льва Николаевича Мышкина.

Итак, князь Мышкин возвращается в Россию из Швейцарии, где долго лечился от припадков на деньги своего благодетеля Павлицева. Возвращается он практически без денег, а из вещей у него с собой только маленький узелок. Кроме того, одет он не по погоде. На окружающих князь повсеместно производит впечатление странное: сначала к нему относятся настороженно, как к человеку, который, исходя из своего положения, заинтересован в том, чтобы что-то через других получить, затем, обнаруживая небывалую простодушность его характера и отсутствие меркантильных мыслей, все невольно проникаются к нему симпатией. Однако эта симпатия тоже не совсем обычная. Это будто

³⁴⁷ Достоевский Ф.М. Письма 1861-1871. М.: Т8RUGRAM. 2018. 460 с.

³⁴⁸ Там же. С. 222.

³⁴⁹ Достоевский Ф.М. Из архива Ф.М. Достоевского. Идиот. Неизданные материалы / Редакция П.Н. Сакулина и Н.Ф. Бельчикова. Москва/Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1931. 319 с.

симпатия к наивности и простодушию ребенка, смешанная с удивлением от того, что она вообще возможна во взрослом человеке. В конечном счете чаще всего такая наивность князя объясняется героями его болезнью. Стоит заметить, что именно тот факт, что князь – эпилептик, не позволяет причислять его к классическим христианским юродивым. Эту же позицию разделяет известный русист, профессор Университета Кальяри, Симонетта Сальвестрони. Она утверждает, что «болезнь приостановила его (князя Мышкина – примечание мое, К.Х.) развитие и сохранила его невинным, как ребенок, не ведающий тоски и противоречий взрослых»³⁵⁰. В пользу этой версии говорит и рассказ князя о том, что лучшими друзьями его в Швейцарии были дети.

Впервые в романе юродство Мышкина замечает Рогожин: «...совсем ты, князь, выходишь юродивый, и таких, как ты, Бог любит!»³⁵¹, прощаясь со Львом Николаевичем после первой встречи. Интересным становится то, что это замечание Рогожин обронил в ответ на признание князя в том, что тот никогда не знал женщин. Т.е. в данном случае «юродивый» будет иметь значение скорее «не такой, как все». И вот «не такой» князь будет задумываться над множеством странных вещей: в одном из многочисленных разговоров, которые они вели вдвоем впоследствии, он будет рассказывать Рогожину о встрече с человеком в поезде. О нем князь слышал и ранее, как о человеке ученом и убежденном атеисте. И вот он долго и обстоятельно объяснял князю, почему он в Бога не верует. Мышкин замечает, что он все будто не о том говорил, как и все прочие атеисты, с которыми он когда-то разговаривал: «...все мне казалось, что и говорят они и в книгах пишут совсем будто не про то, хотя с виду и кажется, что про то»³⁵². А про то, по Мышкину, говорят, когда замечают,

---

³⁵⁰ Сальвестрони С. Библиейские и святоотеческие источники романов Достоевского / Пер. с ит. (Серия «Религиозные мыслители»). М.: Издательство ББИ, 2015. х + 258 с.

³⁵¹ Достоевский Ф.М. Идиот: [роман]. Москва: Эксмо, 2021. 800 с.

³⁵² Там же. С. 288.

что радость Бога в отношении человека похожа на радость матери, впервые увидевшей улыбку своего ребенка.

На протяжении всего произведения князь Мышкин постоянно ведет себя неразумно. Он предлагает Настасье Филипповне выйти за него замуж, однако совсем не по той причине, по которой люди обычно вступают в брак: он собирается ее спасти и лечить. Большинство героев романа так или иначе лично заинтересованы в браке Настасьи Филипповны с Ганей Иволгиным. Ганя хочет денег, потому что они, по его убеждению, даже неоригинального человека оригинальным сделают. Тоцкий хочет избавиться от власти Настасьи Филипповны над собой, генерал Епанчин – выдать за Тоцкого свою дочь, а Рогожин – сделать Барашкову своей женой. И только князь Мышкин руководствуется в этой истории, как, впрочем, и во всех остальных, убеждениями явно не личными и совсем никому не понятными. Более того, на протяжении всего романа, будучи участником всех происходящих в нем событий, никакой разумной выгоды он не получает ни разу. Многие исследователи сближают Мышкина с Христом на основании письма, в котором Достоевский отмечал, что идеалом человека на земле выступал Христос. Однако здесь нужно понимать, что князь все же человек. Что мог вложить Достоевский в человека, взяв это от Христа? Жизнь «неотмирными» смыслами. По этому поводу Г.С. Померанц замечает: «...эпилепсия, по-видимому, одна из болезней, истончающих плоть и дающих чему-то высунуться сквозь нее. Но чему именно? У Мышкина – Богу. У Смердякова – дьяволу»³⁵³. Мышкин пренебрегает деньгами, положением, общественными устоями и выгодами. Он, как писал Г.С. Померанц, появился из тоски грешников по святости. На протяжении всего романа мы наблюдаем, что князь вроде как со всеми, но одновременно и ни с кем.

---

³⁵³ Померанц Г.С. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. 3-е изд., доп. М. СПб.: Центра гуманитарных инициатив, 2017. 416 с.

Он пренебрегает действительностью и отказывается встраиваться в общество, главным условием пребывания в котором становится необходимость говорить на языке Другого. Заметим также, что идиотом князя называют не тогда, когда он делает что-то неадекватное, он этого совсем и не делает, а тогда, когда он совершает что-то, что в обществе по молчаливому согласию непозволительно. Например, именно так реагирует Ганя на тот факт, что князь рассказал его домашним о портрете Настасьи Филипповны. Т.е. для того, чтобы в обществе прослыть идиотом, достаточно нарушать те законы, которые в нем установлены. Ведь, как писал М. Фуко, «безумие возможно лишь в соотнесении с порядком, основанным на разуме»³⁵⁴. Такой порядок не подходит князю Мышкину, который определяется его внутренним миром, и он не может стать частью чего-то.

Таким образом, получается, что условием юродства князя Мышкина становится его невозможность вписаться в существующие в мире порядки. Попадая в общество, он ведет себя часто как слон в посудной лавке: рассказывает странные истории про смертную казнь, дружит с детьми и говорит не те вещи не тем людям и не в то время. Невозможность для князя Мышкина отказаться от своего языка ради сцепления с другими делает его изгоем и часто даже идиотом в глазах общества.

3.2.4. Вывод

Один из законов юродства, согласно Ф.И. Гиренку, состоит в том «чтобы говорить правду и объявлять неправдой все, что не находит отклика в твоём чувстве»³⁵⁵. Это значит, что мир юродивого будет распадаться на реальность и грезу, тогда как в желании шизофреника они будут совпадать. Анализируя образ Алеши Карамазова, мы приходим к выводу, что Достоевский, видя внешнее сходство безумца с юродивым,

³⁵⁴ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010.

³⁵⁵ Гиренок Ф.И. Безумие галлюцината, безумие поэта // Журнал «Нож». 28 февраля 2023 года. [Электронный ресурс]: URL: <https://knife.media/sylphida/> (дата обращения: 30.09.2023).

нарочито подчеркивает разумность и образованность своего героя для того, чтобы отделить второго от первого.

Соня Мармеладова и Марья Тимофеевна Лебядкина объявляют правдой только то, что находит отклик в их внутреннем опыте, и пренебрегают тем, что такового не находит. Следовательно, внутреннее для них гораздо более значимо и очевидно, чем внешнее, хотя первое, в отличие от второго, остается неявленным. Каждая из них обладает сознанием, в котором появился второй план, именно благодаря ему в мире появляются мнимости и данное, а человек ускользает от того, чтобы быть частью сущего. Внутреннее юродивого имеет исток в нем самом, а вся жизнь становится тем, что определяется внутренним миром и не имеет никакой внешней детерминации, а также связи с наличным. А внешний мир станет тем, что учреждено в согласии с законами внутреннего. Юродивый, как князь Мышкин, будет говорить на своем особом языке и отвергать тот, который предлагают ему реальность и социум. И речь его будет согласована не с реальностью, а с внутренним чувством. Юродивый – это тот раздвоенный человек, который будет одновременно и выше, и ниже себя. Именно в этом, на наш взгляд, и будет заключаться то главное, что объединяет всех героев-юродивых, созданных Ф.М. Достоевским.

ГЛАВА 4. РЕЦЕПЦИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА ДВОЙСТВЕННОСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ЛИТЕРАТУРНОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Влияние, оказанное Достоевским на мировую философскую и литературную мысль, не подлежит сомнению. Чаще всего исследователи концентрируются на развитии его мыслей в философии экзистенциализма и психоанализе. Кроме того, существуют исследования о рецепции его идей в области эстетики. Среди персоналий, влияние на которых Достоевского неоспоримо, чаще всего упоминаются Ж.П. Сартр, Ф. Ницше, А. Камю, Ф. Кафка, Т. Драйзер, З. Фрейд, У. Фолкнер, Н.А. Бердяев.

В данной главе будет рассмотрена рецепция антропологического принципа двойственности, сформулированного Ф.М. Достоевским, в русской литературе (§4.1.), а также развитие данной идеи в японской литературе XX века (§4.2.) и у представителей европейской литературы (§4.3.). Далее, будет продемонстрировано влияние Достоевского на мировую философскую мысль (§4.4), в частности на проект сингулярной философии Ф.И. Гиренка и поздние идеи Ж. Бодрийяра.

4.1. Рецепция антропологического принципа двойственности в русской литературе.

Влияние творчества Достоевского на русскую литературу переоценить, пожалуй, просто невозможно. В нашем случае, мы сосредоточимся на рецепции антропологических идей Достоевского в творчестве Л. Андреева (см. 4.1.1.) и А.П. Платонова (см. 4.1.2.).

4.1.1. Л. Андреев: двойственность Иуды Искариота³⁵⁶

---

³⁵⁶ Выводы данной главы частично апробированы в статье: Холоднова К.Н. Рецепция антропологического принципа двойственности Ф.М. Достоевского в творчестве Л. Андреева и Ю. Фоссе / Каспийский регион. 2023. Т. 77. № 4. С. 196-205. DOI: [10.54398/1818510](https://doi.org/10.54398/1818510).

Л.Н. Андреев (1871-1919) за три года до смерти в своем письме М. Горькому выскажет буквально следующее: «Из ушедших писателей мне ближе всех Достоевский. Я считаю себя его прямым учеником и последователем. В его душе много темного, до сих пор не разгаданного, - но тем сильнее он влечет к себе»³⁵⁷. Большинство исследователей считают психологизм той нитью, которая связывала творчество Ф.М. Достоевского и Л.Н. Андреева, однако в данной работе мы хотим проследить рецепцию антропологического принципа двойственности, выведенного в типе «подпольного человека» Ф.М. Достоевским, в повести Леонида Андреева «Иуда Искарот», опубликованной в 1907 году.

«Иуда Искарот» начинается с утверждения о том, что Иуда из Кариота – человек дурной. Почему дурной? Потому что он «думает что-то свое», а думать что-то свое — значит быть странным и даже дурным человеком. Чтобы дурным человеком не быть, надо думать так, как принято в обществе. Кроме того, он весь двоился: «двоилось также и лицо Иуды: одна сторона его, с черным, остро высматривающим глазом, была живая, подвижная, охотно собиравшаяся в многочисленные кривые морщинки. На другой же не было морщин, и была она мертвенно-гладкая, плоская и застывшая; и, хотя по величине она равнялась первой, но казалась огромною от широко открытого слепого глаза»³⁵⁸. А как мы помним из «Двойника», «добрые люди по честности живут, добрые люди без фальши живут и по двое никогда не бывают...»³⁵⁹. Одной половиной своего лица Иуда был похож на осьминога, и «пока в шутовских гримасах корчилась одна сторона его лица, другая качалась серьезно и строго, и широко смотрел никогда не смыкающийся глаз»³⁶⁰. Фома часто ловил Иуду на лжи, потому что Иуда говорил несогласованно с реальностью, и

³⁵⁷ Гроссман Л.П. Борьба за стиль. Опыты по критике и поэтике. М.: Никитинские субботы, 1927. 337 с.

³⁵⁸ Андреев Л.Н. Иуда Искарот: [сборник]. Москва: Издательство АСТ, 2021. 416 с.

³⁵⁹ Достоевский Ф.М. Двойник // Униженные и оскорбленные: романы, повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С. 121-270.

³⁶⁰ Андреев Л.Н. Иуда Искарот: [сборник]. Москва: Издательство АСТ, 2021. 416 с.

речь его была наполнена «правдоподобною ложью»³⁶¹. А еще он утверждает, что за сны должен отвечать сам человек, ведь он же сам видит сны, а не кто-нибудь другой. Можно подумать, что Иуда не чувствует разницы между сном и явью. Он плотно закрывает свой глаз и отдается своим «мятежным снам, чудовищным грезам, безумным видениям»³⁶². Очнувшись от своих снов, Иуда очень серьезно спрашивает у Фомы, знает ли тот, что у многорукого кактуса, который вчера разорвал его новую одежду, только один красный цветок и только один глаз? И окончательно поражает всех уродливый, с лицом осьминога, Иуда, когда заявляет, что он красив. Фома тогда окончательно убеждается, что у «Иуды из Кариота – два лица»³⁶³. Большинство исследователей трактует двойственность Иуды Искарота как сочетание уродливого и красивого, низменного и возвышенного в его образе, мы же считаем, что двойственность Иуды есть продолжение линии, заданной «подпольным типом» Ф. М. Достоевского. Иуда принадлежит своей субъективности, он живет не в том, что существует, а в том, что дано: он уродлив в реальности, но он спорит с ней и утверждает, что он красив, он говорит то, чего не было, и до крика доказывает, что не лжет, потому что говорит лишь то, что соотносится с его внутренним чувством. Реакция Иуды на окружающую действительность понижена, он живет снами, грезами и фантазиями. Он своей субъективностью лишает смысла объективную реальность, он ее опрокидывает, не замечает, игнорирует. Потому что для того, чтобы быть субъективным надо предоставить себя действию сил воображаемого. Иуда двоится, создавая второй план, прибавляя к объективной реальности свое субъективное, как пытался прибавить «подпольный человек» Ф. М. Достоевского. Иуда – субъект, предоставленный своей субъективности. Он предает Христа, а ведет себя так, будто он получил право судить всех

---

³⁶¹ Там же. С. 262.

³⁶² Там же. С. 263.

³⁶³ Там же. С. 270.

остальных. Как будто тот, кто предал, получает право судить тех, кто не предавал. Он утверждает, что они с Иисусом, преданный и предатель, вместе придут и разрушат смерть. Иуда выворачивает логику и топчет ее, он не логичен и разумен, а субъективен. Всякий раз, когда Фома говорит Иуде, что что-то невозможно, тот неизменно отвечает, что это возможно. Для него реальность не то же самое, что для обычных людей, для которых, как говорил «подпольный человек», невозможность – это каменная стена. Почему стена? Потому что невозможность – это ограниченность объективной реальностью. Но Иуда Искариота ее не признает, для него возможно то, что воображаемо.

Таким образом, двойственность Иуды Искариота трактуется нами как углубление и усиление идеи, которая впервые появилась в творчестве Ф. М. Достоевского, а именно как восприятие двойственности в качестве фундаментального антропологического принципа. Двойственность Иуды Искариота проявляется в его противоборстве реальности, в попытках жить не смыслами объективной действительности, где все строится на причинных отношениях, а в предоставлении себя субъективности и попытках волей удержать ее смыслы.

4.1.2. Раздвоенные герои А.П. Платонова³⁶⁴

Многие исследователи творчества А.П. Платонова (1899-1951), например Заманская В.В. в главе «Истоки и контексты: Накануне “переоценки всех ценностей” и в ее безднах» работы «Экзистенциальная традиция в Русской литературе XX века.: диалоги на границах столетий» пишет о том, что генетические корни трагического сознания, присущего Платонову, отмечены в том числе в творчестве Ф.М. Достоевского, в частности в попытках последнего исследовать глубины и противоречия

---

³⁶⁴ Выводы данной главы частично апробированы в статье: Холоднова К.Н. Антропология сознания в творчестве Ф.М. Достоевского и А.П. Платонова // Каспийский регион. 2024. Т. 78. № 1.

человеческой души. Именно идеи Достоевского, по ее мнению, оказали существенное влияние на мировоззрение и мироощущение Платонова.

М.А. Дмитриовская отмечает, что А.П. Платонов продолжает в своих произведениях развивать идеи Ф.М. Достоевского о том, что будет с людьми в случае, если они объединятся, утратив идею Бога и бессмертия.

В.В. Варава в своей статье «Платонов как философ» резюмирует: «...глубочайшая философичность есть алиби его (Платонова – примечание мое, К.Х.) творчества. Он буквально воспринял заветы Веневитинова и Достоевского, развив их в своем творчестве до невыносимых масштабов и размеров»³⁶⁵.

Таким образом, мы можем говорить о том, что рецепция идей Ф.М. Достоевского в творчестве А.П. Платонова – это то, что единодушно признается исследователями творчества последнего.

Для того чтобы проследить рецепцию идеи двойственности человеческой природы Достоевского у Платонова, нам необходимо понять, что такое сознание в творчестве последнего. Ведь именно сознание будет являться причиной двойственности человека, причем как в идеях Достоевского, так и в творчестве Платонова. Итак, ответим на вопрос, что же такое сознание для Андрея Платонова. Известный исследователь творчества А.П. Платонова М.А. Дмитриовская, к идеям которой мы уже обращались ранее, уделяет в своих работах значительное внимание интерпретации сознания в творчестве Платонова. Анализируя такие его работы, как «Чевенгур» (1927), «Котлован» (1930) и «Счастливая Москва» (1933-1936), она приходит к выводу, что замкнутость человека в своем сознании, по Платонову, обусловлена его прикованностью к собственному телу, своему «я». Таким образом, необходимым компонентом человеческого сознания становится самосознание:

---

³⁶⁵ Варава В.В. Платонов как философ // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2016. Т. 17. № 1. С. 8-17.

«...фактически именно самосознание конституирует сферу человеческого в человеке. Самосознание лежит в основе человеческой памяти, обеспечивает возможность мышления и тождество человеческого «я»»³⁶⁶. Эволюция сознания человека воссоздается Платоновым в романе «Чевенгур» на примере формирования сознания Александра Дванова. Будучи ребенком, Дванов полностью отождествлял себя с окружающим миром: «Я так же, как он»³⁶⁷, - часто говорил себе Саша. Описывая ощущение слиянности Саши самого себя с окружающим миром, Платонов пишет, что тот ощущал свое единство с предметами: «Саша воображал себя паровозом»³⁶⁸, и, «засыпая, он думал, что куры в деревне давно спят, и это сознание общности с курами или паровозом давало ему удовлетворение»³⁶⁹. Рождение сознания у героя демонстрируется Платоновым в появлении у него чувства «я». Впервые это происходит на кладбище, когда Саша идет к могиле отца: «...в первый раз он подумал сейчас про себя и тронул свою грудь: вот тут я, - а всюду было чужое и непохожее на него»³⁷⁰. Таким образом, рождение сознания оказывается связанным с ощущением собственного тела и рассматривается как следствие своего положения в пространстве. Итогом появления собственного «я» становится отрыв человека от мира, который в этот момент начинает ощущаться как нечто огромное и опасное. «Рождение самосознания отделяет человека от самого себя и от мира и порождает ощущение внутренней пустоты, которая должна быть заполнена»³⁷¹. Третье рождение сознания Саши Дванова приходится на период, когда после болезни он видит сон, где, будучи машинистом паровоза, он видит

---

³⁶⁶ Дмитровская М.А. Язык и мирозерцание А. Платонова: дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва, 1999. 277 с.

³⁶⁷ Платонов А.П. Чевенгур // Чевенгур. Сокровенный человек. Котлован: роман, повести, рассказы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 5-376.

³⁶⁸ Там же. С. 47.

³⁶⁹ Там же. С. 47.

³⁷⁰ Там же. С. 25.

³⁷¹ Дмитровская М.А. Язык и мирозерцание А. Платонова: дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва, 1999. 277 с.

длинную, уходящую вдаль дорогу. Таким образом в нем формируется ощущение жизни как пути.

Показывая становление и развитие человеческого сознания, Платонов особое внимание акцентирует на двойственности человека. Она проявляется в отрыве человека от мира, в том, что он живет, смотря одновременно вовне и на себя самого. По отношению к самому себе человек становится «евнухом души», «ангелом-хранителем» и «мертвым братом человека». Так Платонов подчеркивает, что «рефлексивность сознания обеспечивает наблюдение над эмпирическим я»³⁷².

Чем же оборачивается для человека этот разрыв с миром и с самим собой, который конституирован сознанием? Он начинает испытывать мучительные переживания, связанные с ощущением одиночества и оторванности от людей и мира. В попытках избавиться от этого чувства человек стремится к другому человеку. Так в «Чевенгуре» «прочие» пытаются завести семью, чтобы отвлечься от сосредоточенности на самом себе, а Воцев в «Котловане» «уже был доволен и тем, что истина заключалась на свете в ближнем к нему теле человека, который сейчас только говорил с ним, значит достаточно лишь быть около того человека»³⁷³. Таким образом, направленность на другого принимает у Платонова форму дружбы или любви. Отсюда вытекает слиянность мысли, ощущений и переживаний. Быть с другим, для Платонова, значит чувствовать его, сопереживать ему, воображать себя на его месте, ощущать его. Изолированное существование человека становится тем, что не обладает большой ценностью. Высшее существование видится ему в другом человеке, как в том, кто является целостным и лишенным той неполноты, на которую его обрекает самосознание. Связано это с тем, что, воспринимая «ты», человек не может войти в отношении к нему в ту

---

³⁷² Там же. С. 233.

³⁷³ Платонов А.П. Котлован // Чевенгур. Сокровенный человек. Котлован: роман, повести, рассказы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 449-558.

рефлексию, которая присутствует у него в отношении к «я». Именно поэтому другой человек всегда будет обладать той полнотой существования, которая недоступна для меня самого. Другой будет достраивать «я» до целостности, исцелять его. Возможным такое исцеление становится лишь благодаря тому, что у человека есть ощущение необходимой полноты своей природы. Так герой «Чевенгура» Яков Титыч периодически выдумывал, что «пешеход, идущий с ним рядом, есть его собственный человек и в нем находится все самое главное, пока недостающее в Якове Титыче»³⁷⁴.

В повести «Котлован» Андрей Платонов рассказывает о странном, непохожем на остальных, человеке по фамилии Воцев. В свой тридцатый день рождения он был уволен с механического завода по причине «слабосильности» и задумчивости. Задумывался товарищ Воцев о плане жизни и о своей полезности в мире. На вопрос о том, кто будет действовать, если все, как Воцев, вознамерятся думать, он отвечал: «без думы люди действуют бессмысленно»³⁷⁵. Слабость в его теле была вызвана тем, что «он не мог дальше трудиться и ступать по дороге, не зная точного устройства всего мира и того, куда надо стремиться»³⁷⁶. Так и жил Воцев, «окруженный всеобщим существованием»³⁷⁷ и «как заочно живущий»³⁷⁸, а также был единственным, кто озабочен поисками смыслов. Смысл жизни он ищет потому, что владеть им «равносильно вечному счастью»³⁷⁹. Раньше Воцев был, по его словам, «бессознательным, жил ручным трудом, а уж потом не увидел значения жизни и ослаб»³⁸⁰. Быть бессознательным, таким образом, значит не иметь потребности в поиске

---

³⁷⁴ Платонов А.П. Чевенгур // Чевенгур. Сокровенный человек. Котлован: роман, повести, рассказы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 5-376.

³⁷⁵ Платонов А.П. Котлован // Чевенгур. Сокровенный человек. Котлован: роман, повести, рассказы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 449-558.

³⁷⁶ Там же. С. 452.

³⁷⁷ Там же. С. 453.

³⁷⁸ Там же. С. 455.

³⁷⁹ Там же. С. 458.

³⁸⁰ Там же. С. 459.

смысла. Представителями сознательного в повести становятся другие работники котлована, например, Сафронов, который считал, что нечего жизни зря пропадать, надо сделать какую-то вещь. Сознательность Сафронова вызвана тем, что, как ему кажется, он нашел смысл своей жизни, а именно: с энтузиазмом делать какие-то вещи во имя светлого будущего мирового пролетариата, ведь люди «не животные, они могут жить ради энтузиазма»³⁸¹. И это знание дает ему силы действовать. Для Вощева же грядущее счастье рабочего класса не является смыслом и целью жизни, его силы исчезают, а новые вопросы все появляются. Смотря на тех, кто его окружает, Вощев все время пытается понять, знают ли они смысл жизни, где его взяли и каково им живется с этим чувством. Иногда он подходит к людям и задает им вопрос: «а вы не знаете, от чего весь мир устроился?»³⁸², но ответов не получает. Вощев ищет и ищет ответы, потому что ему «без истины стыдно жить»³⁸³, а то, что ему пытаются внушить, не кажется ему хоть сколько-нибудь убедительным. В своих попытках обрести смысл и полноту жизни Вощев так же, как и герои «Чевенгура», стремится к другому - хочет быть с ним рядом и найти через него избавление от той боли, которой оборачивается его бессмысленное существование.

Резюмируя все вышесказанное, мы выделим ключевые моменты в понимании сознания А.П. Платоновым. В первую очередь, это причина разрыва человека и мира, возникновения тех самых «проклятых вопросов», о которых писал Ф.М. Достоевский. Именно в сознании лежит исток трагизма человеческого существования, ведь отдельность и оторванность «я» противоречат стремлению каждого человека к бесконечности и обретению полноты. Кроме того, сознание человека никак не связано с обретением им смысла жизни: «в земле есть истина, раз

---

³⁸¹ Там же. С. 464.

³⁸² Там же. С. 472.

³⁸³ Там же. С. 478.

она произошла и существует, но нет сознания, а в человеке есть сознание, но в нем нет смысла жизни»³⁸⁴. И наконец, человек является существом двойственным, т.е. тем, кто направлен вовне и на себя, и эта двойственность оборачивается для него трагедией.

4.1.3. Вывод

«Двойственный человек» Достоевского – это тот, кому свойственно раздвоение самости. Он появляется там, где существуют проблема слезы ребенка, вопросы теодицеи, грезы, сновидения, мнимости. Он приходит и придумывает то, чего нет, и пытается заставить мир с этим как-то даже считаться. Он отстаивает мысль о том, что у него есть душа и сознание, а их никак не удастся зафиксировать приборами. Приборы все улучшаются, а души все еще никто не увидел. Он всегда живет в разрыве между субъективным и реальным, но зато преодолевает разрыв между человеком и субъективностью. «Двойственный человек» сталкивается с тем, что у него мало что получается в реальном мире, и его реакция на этот мир становится сниженной, а он сам уходит в мир грез и мечтаний. Он какое-то, как сказал Иван Карамазов, существо, которое было создано в насмешку над самим собой. Он живет не в том, что существует, а в том, что дано, а также его мир наполнен не вещами, а мнимостями, которые существуют не потому, что они полезны, как чашка, из которой можно попить кофе, а потому, что они важны, потому что отказаться от мнимостей для человека будет равноценно тому, чтобы отказаться от самого себя. Что мы сможем назвать специфически человеческим следом существования? Ведь, как писал Ф. М. Достоевский дважды два четыре справедливо и без человека, а значит, это уже не жизнь, а начало смерти. И человек появляется там, где дважды два — это пять. Попытки воспринимать человека как двойственное существо нашли свое отражение

---

³⁸⁴ Платонов А.П. Фрагменты чернового автографа повести «Котлован» {Публ. Т.М. Вахитовой и Г.В. Филиппова} // ТАП, 1995. С. 178-182.

в творчестве русского писателя Леонида Андреева. Он расскажет нам о почти агрессивном по отношению ко всему реально существующему Иуде Искариоте, который на любое проявление реальности в его жизни начинает сопротивляться, ругаться и кричать. Он кричит, когда его справедливо обвиняют во лжи, сопротивляется, когда ему говорят о невозможности чего-то и ругается, когда его правдиво называют уродливым. Он нелогичен и иррационален, а еще походит на сумасшедшего. Ведь мы привыкли относиться к уродливому человеку, который называет себя красивым, как к тому, у которого поврежден ум. А он не сумасшедший, а раздвоенный. И живет среди мнимостей, а не среди вещей. Он редуцирует сущее и отказывается считаться с наличным, существующим благодаря причинной связи.

И «подпольный человек» Ф.М. Достоевского, и Иуда Искариот Л.Н. Андреева живут в разрыве между субъективным и реальным, распяты между действительностью и грезой, и не готовы смириться с реальностью как со стеной, которую невозможно преодолеть. Они по-разному борются за субъективные смыслы, которые пытаются оставить как след своего присутствия, но для всех них они важнее всего остального.

Кроме того, в главе была продемонстрирована важность понимания сознания у Ф.М. Достоевского и А.П. Платонова. Необходимость исследования сознания как феномена у этих мыслителей кажется нам неоспоримой, ведь именно разница в трактовке ими этого феномена создает разную антропологию у этих мыслителей. И в том, и в другом случае сознание становится тем, что делает человека двойственным существом. Говоря о произведениях Ф.М. Достоевского, мы отмечаем, что сознание – это горизонт, внутри которого учреждаются смыслы. Благодаря этому происходит врывание метафизического в реальность, и происходит оно через человека. Кроме того, преодоление человеком его раздвоенности, т.е. итоговое совпадение с самим собой, всегда

оборачивается для него трагедией, что было выражено в послании господина Голядкина своему двойнику: «Либо вы, либо я, а вместе нам невозможно!»³⁸⁵. Ведь в этом случае человек становится «органическим шифтиком», которому нечего дать этому миру. Изживая собственную двойственность, человек встраивает себя в горизонт сущего. В случае же с А.П. Платоновым мы говорим о том, что сознание – это, в первую очередь, самосознание, в результате появления которого человек чувствует себя оторванным от людей и мира, заброшенным. Присущее ему изначально стремление к полноте и невозможность ее достичь приводят к тому, что человек воспринимает мир обесмысленным, а свое существование ощущает как трагедию. Таким образом, порожденная сознанием двойственность человека не становится продуктивным горизонтом для учреждения смыслов, как у Ф.М. Достоевского, а становится тем, что толкает человека искать истину в другом. Человек Ф.М. Достоевского является создателем смыслов, а герой А.П. Платонова – его искателем вовне. Человек Ф.М. Достоевского не хочет иметь дело с миром, он взбрыкивает каждый раз против него, пытается его редуцировать. Его мучает и предметность как таковая, и люди, что выражено через ощущения Голядкина на балу: «все, что ни было в зале, так и устремилось на него»³⁸⁶. А герой Платонова стремится к другому в попытках обрести недостающее и преодолеть собственную неполноту. Несмотря на то, что в подполье герой «Записок...» постоянно порождает «проклятую бурду» из вопросов и «вонючую грязь», сознание создает возможность для учреждения смыслов и «подпольный человек» начинает видеть дворец на месте курятника. Именно поэтому герой «Записок из подполья» Ф.М. Достоевского уходит от мира, а Воцев А.П. Платонова стремится к нему, просит другого не спать и не оставлять его наедине с собой, ведь именно

---

³⁸⁵ Достоевский Ф.М. Двойник // Униженные и оскорбленные: романы, повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С. 121-270.

³⁸⁶ Там же. С. 156.

связь с «ты» ощущается им как возможность найти смысл. Преподобный Иустин Попович, глубоко прочувствовав важность понимания сознания человека, писал: «...сознание – самая издевательская привилегия, которую имеет человек»³⁸⁷. Несмотря на разницу в трактовках, и Ф.М. Достоевский, и А.П. Платонов приложили значительные интеллектуальные усилия, чтобы понять, что такое сознание человека. Оригинальность и самобытность их идей приятно удивляют нас и сегодня.

4.2. «Двойственный человек» европейской литературы³⁸⁸

Рассматривается рецепция антропологического принципа двойственности Ф.М. Достоевского в произведениях таких представителей европейской литературы как К. Гамсун (см. 4.2.1) и Ю. Фоссе (см. 4.2.2). И в первом, и во втором случае речь идет о радикальном вытеснении реальности за счет воображения.

4.2.1. К. Гамсун: между реальностью и галлюцинациями

Туре Гамсун, сын норвежского писателя Кнута Гамсуна, писал: «Отец читал „Преступление и наказание“ Достоевского и до „Мистерий“, и во время работы над книгой. Он признавал, что Достоевский – писатель, у которого он научился многому, гораздо большему, нежели у других литераторов. Достоевский для него – великан, колосс, обладающий поэтическим гением, способный раскрыть красоту души человека, его отзывчивость и способность к самопожертвованию»³⁸⁹. Кроме того, в одном из своих писем Гамсун сказал буквально следующее: «Я не намерен более говорить о влиянии Достоевского на меня; за последние несколько лет я прочел, пожалуй, практически все его переведенные на норвежский произведения. Он чувствует так же, как я – мне это совершенно очевидно,

³⁸⁷ Попович Иустин, преп. Философия и религия Ф.М. Достоевского: пер. с сербского И.А. Чароты. Минск: «Издательство Дмитрия Харченко», 2014. 439 с.

³⁸⁸ Выводы данной главы были частично апробированы в статье: Холоднова К.Н. Рецепция антропологического принципа двойственности Ф.М. Достоевского в творчестве Л. Андреева и Ю. Фоссе / Каспийский регион. 2023. Т. 77. № 4. С. 196-205. DOI: 10.54398/1818510.

³⁸⁹ Туре Гамсун. Кнут Гамсун. [Электронный ресурс]. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/budur-gamsun-misteriya-zhizni/revolyuciya-na-parnase.htm> (дата обращения: 28.11.2023).

и пишет так же, как я, только намного тоньше, выпуклее и богаче, ибо он – гений»³⁹⁰. В 1889 году у Гамсуна вышла новелла «Азарт», настолько напоминающая «Игрока» Достоевского, что три года спустя К. Гамсуна обвинили в плагиате. Оправдываться публично писатель не стал, однако, в личной переписке, которая позднее была опубликована, он отрицал, что был знаком с творчеством Достоевского до 1889 года. Однако в 1890 году, когда вышел его первый роман под названием «Голод», он уже точно был знаком с Достоевским.

Безымянный герой «Голода» подрабатывает тем, что пишет статьи для журналов. Темы у них всегда разные: «и чего только не было в этих статьях, сколько удивительных выдумок, причуд, капризов моей *беспокойной фантазии*» (курсив мой – К.Х.)³⁹¹. Сначала может показаться, что ничего удивительного в бурной фантазии сочинителя быть не может, однако по мере знакомства с главным героем мы начинаем понимать, что его фантазия имеет свойство вытеснять реальность. Будучи крайне бедным, герой Гамсуна то и дело голодает и ночует где попало. От постоянного голода у него перестала усваиваться еда, лезут волосы и постоянно кружится голова, однако он «чувствовал себя непреодолимым, как исполин»³⁹², счастье переполняло его, и душу не омрачало ничто. Таким образом, мы сталкиваемся как минимум с недоумением по поводу несовпадения реальных обстоятельств жизни героя с его эмоциональными реакциями на нее. Как может голодающий по несколько дней кряду и ночующий в лесу человек чувствовать себя переполненным счастьем? Странный герой идет по улице и вдруг встречает нищего, который просит подать ему на молоко. Недолго думая, наш герой бросается к перекупщику и закладывает там жилет, а вырученные деньги почти полностью отдает

---

³⁹⁰ Гамсун К. Собрание сочинений в 6 томах. [Электронный ресурс]. URL: <http://imwerden.de/publ-6197> (дата обращения: 28.01.2024).

³⁹¹ Гамсун К. Голод // Голод. Пан. Виктория: [романы: перевод с норвежского]. Москва: Издательство АСТ, 2019. С. 5-212.

³⁹² Там же. С. 10.

нищему. Нелогичность этого шага внутри себя рассказчик объясняет тем, что он уже почти написал статью, за которую получит десять крон, и вот тогда будет спасен. Однако статьи у него нет, ровно так же, как и хоть какой-то уверенности получить за нее 10 крон. Все это придумал он сам. На статье герой с «беспокойной фантазией» не останавливается, и, чувствуя себя способным преодолевать любые трудности, он «решил написать сочинение в трех частях о философском познании»³⁹³, где он должен непременно «разнести в пух и прах некоторые из кантовых софизмов»³⁹⁴, ведь «от этого сочинения о философском познании зависело так много – как знать, быть может, счастье всего человеческого рода»³⁹⁵. Осознав, что он забыл в заложенном жилете карандаш, герой возвращается в лавку к перекупщику и требует назад свой карандаш, ведь он дорог ему как память, потому что именно им написано трехтомное сочинение о философском познании. То сочинение, которого нет. По дороге от перекупщика рассказчик натывается на совершенно случайного человека, который сидит на одной из скамеек. В руках у старика была старая газета, в которую, судя по всему, было что-то завернуто. После недолгих размышлений герой приходит к выводу о том, что это не просто газета, а опасные бумаги, которые были украдены и содержат в себе подробности о масштабном заговоре высочайшего уровня. Стоит заметить, что абсолютно никаких реальных оснований так думать не было. Заговорив со стариком, герой рассказывает, что живет у хозяина по фамилии Хапполати. В реальности такого человека не существовало. Но его новому собеседнику показалось, что эту фамилию он слышал раньше, и тот спросил: не моряк ли он? В ответ рассказчик подтверждает это и уже начинает говорить о его брате, отличном дельце, агенте Ю.А. Хапполати, который продает бруснику из Китая, а перо и пух - из России. Разговор о

---

³⁹³ Там же. С. 15.

³⁹⁴ Там же. С. 15.

³⁹⁵ Там же. С. 16.

несуществующем человеке и его брате растягивается на три страницы, а герой был абсолютно поглощен своими рассказами и придавлен изумительными образами, проносящимися в его фантазии. Вместе с тем он начинает злиться и задаваться вопросом: «...как мог этот слепой, отвратительный старик распоряжаться чужой фамилией, которую я выдумал?»³⁹⁶. В какой-то момент герой начинает задаваться вопросом: а не сходит ли он с ума? Но что значит сойти с ума? Это значит выйти из тождества бытия и мысли о бытии, завещанном нам Парменидом. А герой Гамсуна засыпает уверенный, что, когда настанет ночь, темные чудища поглотят его и унесут в чужие страны, где находится замок принцессы Илаяли. Там ему будет уготовано великолепие, какого еще свет не видывал. Сидящая на троне из золотистых роз принцесса протянет руки к вошедшему герою и скажет, что только его одного она любила и ждала последние двадцать лет. В какой-то момент сам герой начинает гадать, что из всего описанного реально произошло, а что привиделось ему. Грань между реальностью и фантазией становится все тоньше и тоньше.

4.2.2. Ю. Фоссе: две версии одной и той же жизни

В своем интервью 6 апреля 2018 года, посвященном фестивалю в его честь, проходящему в Москве и Санкт-Петербурге, современный норвежский писатель Юн Фоссе на напоминание интервьюера о том, что тот называл Ф. М. Достоевского своим героем, отвечает: «...у каждого читателя есть писатели его молодости, для меня один из таких – Достоевский»³⁹⁷. А 8 февраля 2022 года выходит его роман под названием «Септология. Другое имя I-II». Аннотация к роману выглядит следующим образом: есть художник Асле, который живет в Дюльгью и общается только со своим соседом, рыбаком Ослейком. В Бьергвине живет другой Асле. Он почему-то тоже Асле, а также он почему-то тоже художник. Оба

³⁹⁶ Там же. С. 31.

³⁹⁷ Интервью с норвежским прозаиком и драматургом Юном Фоссе. URL: <https://gorky.media/context/vdnf-menya-pisat-eto-sposob-zhit/> (дата обращения 10.06.2023).

Асле дружат, они представляют собой две версии одной жизни. Роман написан от первого лица, в нем 349 страниц и нет точек. Текст производит впечатление непрерывного потока мыслей и воспоминаний главного героя, художника Асле, которые часто касаются его друга, художника Асле: «...думаю я, и по-прежнему еду в потемках на север, и вижу Асле, он сидит на диване, смотрит на что-то и не смотрит, дрожит, трясется все время, дрожит, и одет в точности так, как одет я, в черные брюки и свитер, а на спинке стула у журнального столика висит черная бархатная куртка, точь-в-точь такая, как на мне, та, что обычно висит на стуле возле круглого стола, и волосы у него седые, и, как у меня, стянуты на затылке черной резинкой, и щетина на подбородке седая, как у меня...»³⁹⁸. Асле раньше пил, но бросил, потому что жена настояла, иначе бы спился и был бы как другой Асле, потому что второй Асле не бросил пить и спился. У Асле умерла жена Алес, а он ложится спать, кутается в одеяло, и потом чувствует, как рядом ложится Алес и крепко его обнимает. Но Алес умерла. «Ведь хотя несколько лет уже минуло с тех пор, как она умерла, она лежит рядом со мной в постели, и я говорю, что не хочу, что нет у меня сил говорить с тобой, Алес»³⁹⁹, - размышляет Асле, пытаюсь с помощью воображаемого привести реальность в соответствие со своими желаниями. А еще Асле - художник, который уверен, что покупатели его картин не знают, что на самых лучших его картинах виден свет. И он видит этот свет, когда погружается в себя, а еще знает, что этот свет больше жизни, но словами это выразить нельзя. А потому из картин безмолвно говорит свет, незримый свет, и говорит он всегда только правду. Рассуждая о человеке, Асле наткнется на мысль, что в человеке существует незримое, оно невещественно и существует лишь пока живет человек, живет во времени и выходит из времени. Это незримое, провалы

---

³⁹⁸ Фоссе Ю. Другое имя. Септология I-II; [перевод с норвежского Н. Федоровой]. Москва: Эксмо, 2022. 352 с.

³⁹⁹ Там же. С. 343.

в которое дают ему возможность писать картины, на которых появляется свет, - самое важное, что есть в человеке. Вся жизнь Асле состоит из видений: другого Асле, мертвой жены Алес, живой жены Алес в прошлом и картин. Асле едет на машине, останавливается около детской площадки и долго наблюдает за парой, которая, пользуясь тем, что никого нет, наслаждается друг другом. А потом оказывается, что вроде как Асле не видел их, а это ведь он, он и Алес, много лет назад, и он не видел, а вспоминал. Но он не уверен. А еще Асле преследуют картины, и художником он стал потому, что единственный способ избавиться от картин, которые рождаются где-то внутри него, — это написать их. Он так от картин освобождается, иначе они его измучают. Все то, что нам до определенного момента видится событиями, в итоге начинает казаться грезами и воспоминаниями. Словно в его жизни нет ничего внешнего, наружного. А его внутреннее имеет исток в нем самом, а не вне его, не в мире, а значит, появляется запрет на то, чтобы другой определял «я», чтобы другой определял хоть что-то. Его внутреннее, незримое доминирует над внешним и зримым, реальность наполняется субъективными смыслами. Вся его жизнь определена грезами, снами, мечтами, фантазиями, то есть тем, что не имеет внешней детерминации и не держится причинными отношениями. Он сопротивляется миру наличного с такой интенсивностью, что не представляется возможным на протяжении всего романа отличить видения от реальности, сказать, кто из людей, о которых он думает или говорит, реально существует или существовал когда-то. Он живет в одиночестве, радикально редуцируя для себя мир сущего и оставляя пространство только грезам, фантазиям, воображению. В его жизни все существует не силой сцепления причиной, а силой воли, которая помогает ему учреждать субъективное. Он заселяет свой мир призраками, которых нет, но которые существуют, потому что он относится к ним так, как будто они действительно существуют. И этот

глубокий приоритет внутреннего над внешним – есть проявление двойственности, той самой, которая не субстанциальна, а проходит через самую сердцевину самости. Именно той, о которой писал Ф. М. Достоевский. Той, из-за которой действительность всегда будет разрываться на субъективное и реальное, без возможности для человека когда-то окончательно преодолеть разрыв и остаться человеком.

4.2.3. Вывод

Обращаясь к произведениям норвежских писателей К. Гамсуна и Ю. Фоссе, мы можем увидеть рецепцию антропологического принципа двойственности Достоевского. В первом случае речь будет идти о странном художнике Асле, который проживает две версии одной своей жизни, но при этом одну из них он сделал как бы чужой и стал видеть другого человека, тоже Асле, тоже художника, точно так же выглядящего, как он, точно так же одетого, но почему-то другого Асле. А еще он перестал жить и стал грезить. Единственное, что осталось у него из реальной жизни, это бекон и яичница с луком, которые он так любит, а в остальное время он мечтает о том, как обнимется и поговорит перед сном с давно умершей женой. Во втором случае речь будет идти о безымянном главном герое, фантазии которого полностью вытесняют реальную жизнь, делают его реакции на окружающую действительность не просто нелогичными, но часто даже абсурдными. И в том, и в другом случае, герои практически перестают действовать и только грезят. Почему? Потому что действие – это нечеловеческое, человеческое – это греза.

4.3. Развитие антропологических идей Ф.М. Достоевского в японской литературе⁴⁰⁰

Влияние Ф.М. Достоевского на творчество японских писателей XX века – факт среди исследователей давно известный. Применительно к тем

---

⁴⁰⁰ Выводы данной главы были апробированы в статье: 1. Холоднова К.Н. Рецепция антропологических идей Ф.М. Достоевского в творчестве Ю. Мисимы и К. Абэ // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2024. Т. 49. № 1.

авторам, речь о которых пойдет в данной работе, мы тем не менее отдельно это подтвердим.

Ю. Мисима (1925-1970) был так глубоко впечатлен и поражен последним романом Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», что в качестве эпиграфа к одному из своих произведений, а именно «Исповедь маски», выбрал большую цитату Достоевского о красоте. Во многом поэтому наиболее исследуемой линией преемственности между этими авторами на сегодняшний день остается именно отношение к красоте, т.е. по сути речь будет идти об эстетической проблематике.

К. Абэ (1924-1993) всегда восторженно реагировал на публикацию своих произведений в России, он писал: «...быть напечатанным в России – большая честь для любого писателя. Я давний поклонник русской литературы. Еще в школьные годы я был покорен творчеством двух ее гигантов Гоголя и Достоевского. Я прочел почти все написанное ими, и не один раз и причисляю себя к их ученикам»⁴⁰¹. Здесь исследователи сосредотачивали ранее свое внимание на проблеме отчуждения, которая на их взгляд, объединяла Достоевского и Абэ.

Мы же сосредоточимся на философско-антропологической проблематике и докажем, что «подпольный человек» Ф.М. Достоевского, в котором раскрылась идея двойственности человеческой природы, не остался незамеченным Ю. Мисимой и К. Абэ и был ими переосмыслен в произведениях «Золотой храм» (см. 4.3.1) и «Чужое лицо» (см. 4.3.2).

4.3.1. Ю. Мисима: человек, воображающий красоту

В своем романе «Золотой храм», который основан на реальных событиях, Юкио Мисима рассказывает о главном герое произведения,

---

⁴⁰¹ Кобо Абэ – имя в мировой литературе. [Электронный ресурс]. URL: <https://pgpb.ru/news/detail/713/#:~:text=%D0%A1%D0%B0%D0%BC%20%D0%9A%D0%BE%D0%B1%D0%BE%20%D0%90%D0%B1%D1%8D%20%D1%81%20%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%BC.%D0%B5%D0%B5%20%D0%B3%D0%B8%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%B2%20%2D%20%D0%93%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D1%8F%20%D0%B8%20%D0%94%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE> (дата обращения 24.11.23 г.).

мальчишке по имени Мидзогути, который, будучи сыном священника, с малых лет слушал рассказы своего отца о красоте Кинкаку Дзи, Золотого храма из Киото. Мидзогути с детства страдал заиканием и терпел насмешки сверстников, что сделало его нелюдимым и замкнутым. Реальность он называет подгнившей и говорит о том, что именно такой она и должна быть вокруг заики. Компенсировал он неприятие со стороны общества внутренней уверенностью в том, что его в будущем ждет великая миссия. Никто из людей, как ему казалось, не в состоянии был его понять, что подогревало в Мидзогути ощущение собственной исключительности и подпитывало одиночество. И именно тогда мы сможем впервые говорить о зарождении двойственности героя, именно как об антропологической характеристике. Здесь Мисима продолжает ту же линию, которую Достоевский начал в «Двойнике». Главный герой сталкивается с несовпадением: мир видит его одним, а он себя другим. И так же, как и господин Голядкин, приехавший ко врачу с целью склеить свой образ себя с тем, каким его видят другие, Мидзогути задается вопросом о том, возможно ли это? «Неужели даже впечатление, производимое мною на других, никак не зависит от моей воли?»⁴⁰². «Сама мысль, что обо мне можно было говорить их словами, была невыносимой. Для этого подходили только мои слова»⁴⁰³, - продолжает Мидзогути, пытаясь навязать миру своего двойника, т.е. того, кого он создает в своем воображении, когда пытается определить себя. Глубоко чувствуя этот разрыв, он вопрошает: «но кто долговечнее – я, каким меня видят люди, или тот я, каким я сам представляюсь себе?»⁴⁰⁴. В этих словах мы прослеживаем абсолютно очевидное продолжение линии Ф.М. Достоевского. Мир Мидзогути оказывается так же, как и мир Голядкина,

---

⁴⁰² Мисима Ю. Золотой храм // Золотой Храм: романы, драмы, новелла, эссе. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. С. 307-510.

⁴⁰³ Там же. С. 453.

⁴⁰⁴ Там же. С. 499.

разорван на реальное и воображаемое. Человек в нем двоится. Он один для самого себя и другой для других. Человек воображает одно, действительность совсем другая. Есть мир, а есть картина мира, которая создается человеком в его сознании. И принципиально важно, что это никогда не склеится. Человек живет в этом разрыве, преодолеть который невозможно, пока у тебя есть сознание.

Именно в этом состоянии раздвоенности он впервые видит храм Кинкаку Дзи. И с того момента он провозглашает, что «ставка сделана не на действительную красоту храма, а на способность его души вообразить прекрасное»⁴⁰⁵. Следовательно, мы видим, как способность воображать помогает герою создать новый мир, удвоить реальность до воображенного им, он больше не ищет смысл в объективной реальности, а добавляет их к ней, постоянно грезя. Воображение становится для Мидзогути той онтологической заплаткой, которая латает дыру между миром и человеческой субъективностью. Отныне они не разорваны, а напрямую связаны, ведь мир такой, каким его воображает человек. По мере развития событий Мидзогути начинает сближаться с храмом: «иногда мне даже казалось, что я смог бы убежать отсюда, унося храм в себе, спрятав его в собственном теле»⁴⁰⁶. Что таким образом ему удастся преодолеть? «Мир, который незыблем, словно могильная плита»⁴⁰⁷. В реальности у человека над храмом нет никакой власти, а в грезах есть. На наш взгляд, такая метафора для описания мира – это прямая отсылка к словам героя «Записок из подполья», который провозгласил, что «невозможность – значит каменная стена»⁴⁰⁸. Как решает «подпольный человек» проблему невозможности мира? Он уходит в подполье, редуцируя для себя мир наличного, который детерминирован внешним причинением. А герой

---

⁴⁰⁵ Там же. С. 322.

⁴⁰⁶ Там же. С. 343.

⁴⁰⁷ Там же. С. 385.

⁴⁰⁸ Достоевский Ф.М. Записки из подполья. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. С. 596-674.

Мисимы, осознавая разрыв между собой и миром, заявляет: «если мир изменится, то я существовать не смогу, а если изменюсь я, то не сможет существовать мир»⁴⁰⁹. Ведь человек всегда стремится только «пробить стену реальности», «разбить ее вдребезги», т.е. он пытается создать «иллюзию объективности»⁴¹⁰, долго ему кажется, что он может все же совладать с невозможной реальностью, но в итоге он понимает, что от реальности можно только уйти. Уйти, как завещал Достоевский, в сознание, спрятаться в грезах. Вторя «двойственному человеку» Достоевского, Мидзогути заявляет: «мир может быть изменен только в сознании, ничему другому эта задача не под силу. Лишь сознание преобразует мир, сохраняя его неизменным»⁴¹¹. Почему сознание преобразует мир, оставляя его неизменным? Потому, что благодаря нему создается второй план, где мир заменяется картиной мира, а она, в свою очередь, наполнена смыслами, лежащими в пространстве человеческой субъективности и не явленными в пространстве наличного. Человек так существует в модусе ускользания от что. Он живет в мире, наполненном мнимостями, и они существуют потому, что человек относится к ним как к тому, что существует. Красота – это не стол, а мнимость. В чем состоит искушение субъекта? «В том, чтобы свое содержание попытаться удержать посредством тел и сил, встроенных в цепь причин и следствий»⁴¹². Мисима это называет иллюзией, которая «пытается связать реальность с химерой»⁴¹³. «Ведь красота – это химера, мираж, создаваемый той избыточной частью души, которая отведена сознанию. Можно даже

---

⁴⁰⁹ Мисима Ю. Золотой храм // Золотой Храм: романы, драмы, новелла, эссе. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. С. 307-510.

⁴¹⁰ Гиренок Ф.И. Кризис субъекта // Литературная газета. 2015. 2 сентября (№34 (6522)). С. 1.

⁴¹¹ Мисима Ю. Золотой храм // Золотой Храм: романы, драмы, новелла, эссе. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. С. 307-510.

⁴¹² Гиренок Ф.И. Кризис субъекта // Литературная газета. 2015. 2 сентября (№34 (6522)). С. 1.

⁴¹³ Мисима Ю. Золотой храм // Золотой Храм: романы, драмы, новелла, эссе. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. С. 307-510.

сказать, что никакой красоты не существует, ведь только наше собственное сознание придает этой химере силу и реальность»⁴¹⁴.

Невозможность чувствовать себя солидарным «ни с кем и ни с чем, даже с небытием»⁴¹⁵ приводит к тому, что мир, созданный воображением Мидзогути, полностью вытесняет для него реальный. «Как мог я тянуться руками к жизни, когда весь мой мир наполняло прекрасное? Оно имело право требовать, чтобы я отрекся ото всего остального»⁴¹⁶. И в этом воображаемом мире он и Золотой храм, уродливое и прекрасное, неразлучно соединены, потому что должны будут погибнуть в огне. Разрыв между миром и субъектом человек пытается компенсировать через двойственность, созданную воображением, фантазиями, иллюзией. Только так он перестает ощущать мир как реальность, в которой он ничего не может, которая бесконечно отторгает его. В итоге он находит единственный способ с ней бороться – вытеснить ее воображаемым. И в этих иллюзиях «храм оберегает его, не подпускает к жизни, может быть, он хочет спасти его от ада»⁴¹⁷. «Мне не терпелось вкусить того иллюзорного наслаждения, когда собственными руками заляпываешь грязью дорогие сердцу воспоминания»⁴¹⁸, - рассуждает Мидзогути, напоминая нам «подпольного человека», который сам себя «грыз» и испытывал от этого странное наслаждение.

Вдруг самого Мидзогути внезапно осеняет идея: «...мысль, никогда прежде не возникавшая у меня, набирала силу и разрасталась до неохватных размеров. Уже не она принадлежала мне, а я ей. Мысль была такова: я должен сжечь Золотой храм»⁴¹⁹. «Я раздвоился, и вторая моя

---

⁴¹⁴ Там же. С. 477.

⁴¹⁵ Там же. С. 409.

⁴¹⁶ Там же. С. 405.

⁴¹⁷ Там же. С. 428.

⁴¹⁸ Там же. С. 423.

⁴¹⁹ Там же. С. 458.

половина, имитируя предстоящее деяние, показывала, как все будет»⁴²⁰. О какой второй половине идет речь? Которая воображает. Мисима использует именно глагол «раздвоился», давая нам прямую отсылку к «Двойнику» Достоевского. «Между мной и жизнью неизменно вставал Золотой храм»⁴²¹, - говорит Мидзогути, четко проводя границу между миром и картиной мира. Храм – это предел. Место встречи реального и воображаемого, соединение мысли о бытии и бытия в грезе. Мидзогути собирался не только сжечь Золотой храм, но и покончить с собой в третьем ярусе, который назывался вершиной прекрасного. Однако во время пожара, когда он попытался туда проникнуть, дверь оказалась запертой, что герой трактовал как нежелание прекрасного принять его. Он сжег храм и чувствовал себя абсолютно спокойным, отказался от намерения покончить с собой и ощущал себя удовлетворенным, как после хорошо выполненной работы.

Таким образом, мы делаем вывод, что главный герой через осознание реальности вытеснил саму реальность, сделал собственную картину мира для себя важнее самого мира, а данное - наличного. Сознание становится важной антропологической категорией, которая позволяет человеку удваивать мир до воображаемого и даже вытеснять его. Проводя границу между реальным и воображаемым, Ю. Мисима подразумевает, что воображаемое наполнено иллюзиями и химерами, которые в действительности являются единственным, что имеет значение для человека. Химеры – это то, что человек добавляет к реальности, при помощи чего он удваивает ее, добавляя субъективное к объективному. Именно это и является специфически человеческим следом существования.

4.3.2. К. Абэ: человек, создавший маску

---

⁴²⁰ Там же. С. 467.

⁴²¹ Там же. С. 430.

В своем романе «Чужое лицо» Кобо Абэ рассказывает нам о герое, который, будучи руководителем химической лаборатории, пострадал от взрыва жидкостного кислорода. Его лицо было изуродовано в результате этого происшествия, и вскоре после выписки из больницы он уезжает якобы в командировку в Осаку. Там он снимает квартиру и создает маску, которая получается настолько похожей на настоящее лицо, что он пробует выходить в ней на улицу и как будто начинает новую жизнь. Внутренне возможность начать так жизнь заново дает герою уверенность в том, что весь мир пропитан ложью, в своем дневнике он напишет: «...как было бы хорошо, если бы с людей легко можно было содрать налет лжи»⁴²². Через какое-то время герой начинает раздваиваться, быть и маской, и собой одновременно. «Маска служит не просто заместителем, но выразителем метафизического желания заменить свой облик каким-то другим, превосходящим собственный»⁴²³. Будучи уверенным, что лицо играет ключевую роль в формировании связи между человеком и миром главный герой, надевая маску, получает, как ему кажется, возможность строить параллельную жизнь. Ведь «человек узнает, что он из себя представляет, только посмотрев на себя глазами другого»⁴²⁴. Что дает герою маска? Возможность установить дистанцию с окружающим миром. Маска становится границей, которая не подпускает мир к нему: «перемены, которые произойдут в моей душе, когда я закончу маску, будут очень похожи на все случаи, когда надевают личину, чтобы скрыться от людей»⁴²⁵. В этой связи мы обратимся к более поздней попытке Ф.М. Достоевского концептуализировать «подпольного человека», а именно к главному герою «Записок из подполья». В отличие от Голядкина, который вынужден служить, для того чтобы иметь возможность материально

---

⁴²² Абэ К. Чужое лицо // Женщина в песках. Лучшее: романы, повесть. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. С. 403-605.

⁴²³ Там же. С. 418.

⁴²⁴ Там же. С. 425.

⁴²⁵ Там же. С. 470.

обеспечивать собственную жизнь, герой «Записок...» получает небольшой капитал, который позволяет ему разорвать всякие социальные связи, спрятаться в подполье и «зубами на себя скрежетать»⁴²⁶. Ежечасно и ежеминутно «подпольный человек» занимается тем, что ищет собственные основания, пытается воздействовать на самого себя и рассуждает о боли как главной причине появления сознания. Он выбирает дистанцию от мира с целью не позволить другим доопределять себя и свое место в мире. Он через элиминацию мира из собственной жизни, рушит все внешние основания, пытаясь расчистить место для внутренних. Он пытается перейти из горизонта разума, которого требует от человека общество, в горизонт сознания, где «свое собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный хотя бы самый дикий каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хоть бы даже до сумасшествия, - вот это-то все и есть та самая, пропущенная, выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к черту»⁴²⁷. Главный человек, от которого не может спрятаться герой «Записок из подполья», — это он сам. Эту мысль он выражает, отвечая на придуманные возражения ему со стороны читателя, говоря: «...а вот посадил бы я вас на сорок лет безо всякого занятия, да и пришел бы к вам через сорок лет, в подполье наведаться, до чего вы дошли?»⁴²⁸. Абэ также выразит эту мысль устами своего героя: «...тебе никуда не убежать от самого себя – вот в чем ужас заточения. Мне тоже никуда не деться от самого себя, - как ни бейся, не вырвешься из этой тюрьмы»⁴²⁹. Однако если для героя «Записок из подполья» дистанция от мира может быть рассмотрена как пространство для учреждения собственных внутренних опор, то для героя Абэ она становится мучением,

---

⁴²⁶ Достоевский Ф.М. Записки из подполья. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. С. 596-674.

⁴²⁷ Там же. С. 610.

⁴²⁸ Там же. С. 617.

⁴²⁹ Абэ К. Чужое лицо // Женщина в песках. Лучшее: романы, повесть. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. С. 403-605.

и он пишет в своей тетради, что завидует даже больному раком, потому что тот не так основательно отрезан от людей, как он сам. Маска становится символом раздвоения человека: она помогает ему являть миру одно лицо, сохраняя другое только для себя. Маска в данном случае видится нам метафорой, которая выражает двойственность человеческой природы. Именно такую, о которой впервые заговорил Достоевский устами своих «подпольных» героев.

4.3.3. Вывод

Таким образом, мы можем говорить о том, что двойственность как фундаментальный антропологический принцип, концептуализированный Достоевским, развивается в японской художественной литературе. «Двойственный человек» Ф.М. Достоевского живет в разрыве между реальным и субъективным, что обеспечивается раздвоением внутри его сознания. У Мисимы двойственность также укореняется в сознании, точнее в той его избыточной части, которая способна к воображению. Герой романа постепенно движется к радикальной редукции мира наличного, которая становится возможным именно благодаря наличию у него сознания. Он подчиняется только внутреннему причинению и игнорирует все наружное. Кроме того, важным видится отметить, что автор прямо указывает на то, что человек – это тот, кто производит на свет «химеры». Одной из них становится красота. Ведь красоты как вещи не существует, она не встроена в мир сущего, а существует только потому, что человек относится к ней как к существующему. У Абэ человек начинает раздваиваться, получив в распоряжение маску, с момента появления которой он являет миру одно лицо, а сам видит другое. Таким образом, маска рождает своего рода двойника. Двойственность становится попыткой человека преодолеть всюду ощущающуюся нехватку субъекта, о которой писал Ф. И. Гиренок, разрыв между субъектом и субъективностью. Мир становится чем-то, что разрывается на реальное и

субъективное, и связи между этим нет. Человек, будучи сознающим, грезящим, а значит раздвоенным существом, получает возможность творить собственный мир из грез и удерживать их силой собственной воли. Ведь только человек создает мнимости, которые для него важнее реальности. Они не фактологичны, не опредмечены и не описывают законы природы, но именно они представляют из себя то, что мы привыкли называть смыслом жизни, например добро, любовь, красоту и т. д. Именно это, на наш взгляд, пытался сказать нам о человеке Ф. М. Достоевский, и его идеи нашли свое осмысление в японской художественной литературе.

4.4. Рецепция антропологических идей Ф.М. Достоевского в мировой философской мысли

Суггестивная мощь и сила влияния идей Достоевского давно не подвергаются никакому сомнению даже со стороны его критиков. Существует большое количество исследований, посвященных развитию его идей философами со всего мира. Наиболее изученным кажется влияние писателя на русскую религиозную философию конца XIX – начала XX вв. Среди тех, кто был вдохновлен идеями Достоевского, часто упоминаются Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, В.В. Розанов, Л.И. Шестов, В.С. Соловьев и др. В данной работе мы сосредоточимся на рецепции антропологического принципа двойственности Достоевского в мировой философской мысли и рассмотрим сингулярную философию Ф.И. Гиренка (см. 4.4.1) и антропологические идеи позднего Ж. Бодрийяра (см 4.4.2).

4.4.1. Проект сингулярной философии Ф.И. Гиренка

Подобно Ф.М. Достоевскому, Ф.И. Гиренок фиксирует раздвоенность человека как фундаментальный антропологический принцип. В своей монографии «Введение в сингулярную философию» он посвящает главу анализу раздвоенности человека у Достоевского и отмечает, что писатель не говорил о раздвоенности человека как о

раздвоении на душу и тело, о чем на протяжении всей истории говорила европейская философия, а подразумевал, что «раздвоенность проходит через самость человека, через его “я”»⁴³⁰. А «раздваиваться – значит идти к себе или убегать от себя»⁴³¹. Таким образом, встреча с собой не является тем, что обязательно предзадано человеку, с собой можно так и не встретиться. Важным признаком двойственности является потребность самоотчета, о которой говорит Достоевский в своих письмах. Для чего человеку эта рефлексия? Она предполагает ответственность, в результате возложения на себя которой человек не отпустит себя далеко от себя.

Ф.И. Гиренок в рамках построения концепта сингулярной антропологии пытается вернуть в поле философии вопрос о том, что такое человек, который сейчас становится исключительно актуальным как минимум в контексте различения человека и постчеловеческих сущностей и отличия естественного интеллекта от искусственного. Для этого он фиксирует специфически человеческий способ существования как «заглядывание в бездонность небытия», ведь иллюзия становится сущим, которое показывает себя не тем, что оно есть. Относиться к себе – значит заглядывать в свое небытие. И именно в иллюзии человек дан самому себе, вне ее он начинает фрагментироваться, распадаться. Где даны нам наши иллюзии? В горизонте сознания, а значит, жить и сознавать – это не одно и то же. Когда мы живем, мы не сознаем и наоборот. Фиксируя несовпадение человека с самим собой, Ф.И. Гиренок ставит двойственность в основание человеческого, заявляя: изживая свою двойственность, мы исчезаем. Будучи раздвоенным, человек принужден всегда делать выбор: жить ему или сознавать. Сталкиваясь с человеком, мы видим не того, кто живет в мире, но того, кто живет в мифе, иллюзии. В картине мира невозможно иметь дело с такими категориями, как

---

⁴³⁰ Гиренок Ф.И. Введение в сингулярную философию: монография. Москва: Проспект, 2022. 304 с.

⁴³¹ Там же. С. 188.

реальность или истина, однако возможным становится ухватить специфически человеческий след, а именно смысл, которому всегда будет предшествовать работа по преодолению бессмысленности мира. Где человек берет смыслы? Они становятся возможными в горизонте сознания и невозможными для разума. Разум ищет истину, которая сцеплена с реальностью, но ничего из этого не имеет никакого отношения к человеку. «В человеке мир свернулся. В нас появилось внутреннее»⁴³². Именно это внутреннее, которое является и причиной, и результатом раздвоенности, есть специфически человеческое. «Я – это разрыв в прочной ткани реальности»⁴³³. Результатом отказа от своего «я» и выхода в реальность становится общество, которое Ф.И. Гиренок понимает как сборище «бесчисленных индивидов, которые сцепились в социум»⁴³⁴. Чем человек платит за возможность быть частью социума? Изживанием собственной двойственности, результатом чего становится появление призрака там, где раньше был человек. И общество начинает управлять нашим небытием посредством языка.

Ф.И. Гиренок определяет человека как существо грезящее, иллюзивное, галлюцинирующее, принужденное по природе своей раздваиваться, и таким образом возводит двойственность в ранг фундаментального антропологического принципа. Однако под двойственностью Ф.И. Гиренок понимает не раздвоение на душу и тело, как, например, у Р. Декарта, а несовпадение человека с самим собой. Оно проходит через самую сердцевину самости человека, результатом проявления этого становится возникновение наскальной живописи. Возможность человека начать утверждать в реальности объекты своих галлюцинаций обозначена им как точка сингулярности, или взрыв галлюцинаций, после которого и из-за которого человек раздвоился. Ведь

---

⁴³² Там же. С. 52.

⁴³³ Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М.: Академический Проект, 2008. 235 с.

⁴³⁴ Гиренок Ф.И. Введение в сингулярную философию: монография. Москва: Проспект, 2022. 304 с.

наскальная живопись связана с появлением «человека воображающего», т.е. такого человека, который смог создать второй план, удвоить реальность, перенеся рисунки из воображения на скалы. С этого момента человек начинает существовать по двойной логике, а именно по логике внутренней жизни (по законам сознания) и по логике внешней жизни (по законам разума). Важным кажется отметить, что Гиренок вводит понятие субъективности, как того, чему принадлежит человек. Одинаковость галлюцинаций людей доказывает, что субъективность – это то, чему принадлежим мы, а не то, что принадлежит нам. Сознание при этом есть, с одной стороны, «переживание со-бытия среди грез и галлюцинаций, в которых всегда есть что-то, что ведают все и каждый»⁴³⁵, а с другой - оно связано с самоограничением, с пониманием, что не все можно. Ведь в мире, где все можно, в действительности ничего нельзя.

Принципиальная антипроектность, антидогматичность и антидоктринальность философии Ф.И. Гиренка позволяют отказаться от попыток объективировать человека и оправдать его. Сингулярная философия становится таким проектом, в рамках которого мы не рискуем потерять человека, конструируя его, заменяя постчеловеком или сверхчеловеком. Также в пространстве концепции появляется возможность схватывания человека как целого и избегания его фрагментарности и распада на части. В сингулярной философии человек освобождается от конкуренции с постчеловеческими сущностями, в пространство которой его насильно затягивает современная, в том числе дигитальная, философия. Специфически человеческим способом бытия становится возможность задавать смыслы, исходящие из горизонта сознания, в то время как искусственный интеллект, будучи редуцированным только до разума, не может этого. Ведь человек

---

⁴³⁵ Гиренок Ф.И. Аутография языка и сознания. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.klex.ru/t1n> (дата обращения: 22.01.2023).

действует «ради мысли, а робот – по логике мысли»⁴³⁶. «Человек – это не алгоритм, а неожиданное вдруг», – как заявляет Ф.И. Гиренок в манифесте Московской антропологической школы. Человеку сингулярной философии, воспринятому в концепте Ф.И. Гиренка целостно, а не фрагментарно, не нужно сравнивать свою скорость обработки информации с компьютерной, потому что он не редуцируется только до биологического, и не нужно пытаться оправдать себя, сохранить свои права, которые в эпоху господства постгуманизма являются легко отчуждаемыми в пользу кого угодно, будь то ИИ или домашний питомец. Человек, по Ф.И. Гиренку, это сингулярное событие, и оно не может оставить после себя никаких следов существования. Что будет с миром, если убрать из него человека? «Вместе с ним исчезнут все странные мнимости, что проросли в нем. Мир обеднеет на одну грезу»⁴³⁷.

4.4.2. Золотое правило двойственности Ж. Бодрийера

Факт влияния Достоевского на Ж. Бодрийера подтверждается хотя бы тем, что одно из самых известных произведений французского философа⁴³⁸ получило в качестве эпиграфа отрывок из «Записок из подполья». В своей поздней работе, эссе под названием «Почему все еще не исчезло?», Бодрийер обращается к теме двойственности, которую называет корнем человеческого бытия. Понимает он эту двойственность следующим образом: «нормальное человеческое бытие всегда существует в зависимости или сопротивлении своей модели... Человек мотивирован и демотивирован одновременно»⁴³⁹. Такую двойственность Бодрийер называет первичной и добавляет, что в ней человек черпает противодействующую энергию. «Ненормален сегодня тот, кто живет не иначе, как в одностороннем и позитивном согласии с тем, что он делает и

⁴³⁶ Гиренок Ф.И. Введение в сингулярную философию: монография. Москва: Проспект, 2022. 304 с.

⁴³⁷ Там же. С. 23.

⁴³⁸ Бодрийер Ж. Общество потребления / [перевод с французского Е.А. Самарской]. Москва: Издательство АСТ, 2021. 320 с.

⁴³⁹ Jean B. Why hasn't everything already disappeared? Calcutta: Seagull books, 2009. 77 p.

кем является»⁴⁴⁰. А что тогда делают «нормальные»? Они сплотились в реальности для изживания собственной двойственности. Ведь общество складывается по принципу: «хороший человек норовит жить по честности, а не как-нибудь и вдвойне никогда не бывает»⁴⁴¹. Нам кажется очевидным, что свое «золотое правило двойственности» Бодрийяр вывел, опираясь на работы Достоевского, точнее на его роман «Подросток». Ранее в этой работе мы уже обращались к нему, подробно анализируя его героя, подростка Долгорукого и доказывая, что тот является продолжением типа «подпольного человека», в которой у Достоевского раскрылась идея двойственности человека. Кроме того, мы касались и монолога Версилова, благодаря которому его обычно причисляют к двойственным героям Достоевского. Итак, на наш взгляд, Бодрийяр обращается именно к образу Версилова, когда постулирует свою двойственность. В черновиках к роману Достоевский писал, что будет выводить «хитрый тип» человека: «знаю, что зло, и раскаиваюсь, но делаю рядом с великими порывами. Можно так: две деятельности в одно и то же время; в одной деятельности он великий праведник, от всего сердца, возвышается духом и радуется своей деятельности в бесконечном умилении. В другой деятельности – страшный преступник, лгун и развратник»⁴⁴². Именно эти идеи впоследствии будут выражены в монологе Версилова о двойнике. Но речь здесь идёт об антиномичности, а не о двойственности как фундаментальном антропологическом принципе, выведенном Достоевским. Кроме того, остается непонятным, чем эта двойственность обеспечивается. У Достоевского – сознанием, о котором у Бодрийяра нет ни слова.

4.4.3. Вывод

---

⁴⁴⁰ Там же. С. 68.

⁴⁴¹ Достоевский Ф.М. Двойник // Униженные и оскорбленные: романы, повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С. 121-270.

⁴⁴² Достоевский Ф.М. В работе над романом «Подросток». Творческие рукописи. Москва: Издательство «НАУКА», 1965. 518 с.

Антропологический принцип двойственности был по-разному переосмыслен в философских системах современных авторов Ф.И. Гиренка и Ж. Бодрийяра. Ф.И. Гиренок строит антропологию, в которой утверждается мысль о том, что человека нельзя повторить. Ведь хоть человеческое и возникает в мире, оно является принципиально неотмирным. Человек будет в этой системе тем, кто воздействует сам на себя и начинается с поворота к самому себе. А сознание будет определяться как присутствие себя по отношению к самому себе. Человек будет частью мистерии, ведь связь всех живых существ – это галлюценоз, т.е. связь галлюцинирующих существ. А значит, в рамках философского проекта Гиренка мы сможем говорить о новом виде соборности. Оперировав философской категорией данности, Гиренок заявит, что она закреплена в чувстве. А человек явится тем, кто должен в первичном хаосе собственной субъективности упорядочить мир. Сам он будет существом мыслящим, а не разумным, тем, у кого сломан инстинкт. А сознание будет тем нефизическим клеем, который соединяет существование и объекты собственных грез.

Ж. Бодрийяр вводит «золотое правило двойственности», суть которого заключается в том, что изначально присущая человеку антиномичность является тем, что дает человеку энергию. Двойственность становится у него тем, что невозможно изжить. Однако при том, во что она укореняется, Бодрийяр нам не говорит. Итак, двойственность человека остается у него ничем не обеспеченной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе был рассмотрен антропологический принцип двойственности, который является фундаментальным для творчества Ф.М. Достоевского. Речь будет идти о раздвоенности человека внутри одного своего сознания, в результате чего «я» будет мыслиться как мнимость, а сам человек будет жить не в мире, а в картине мира. И любое совпадение для «двойственного человека», принужденного выбирать: идти к себе или убежать от себя, - будет оборачиваться трагедией.

В ходе работы было выявлено, что истоки антропологического принципа двойственности Достоевского можно найти в идеях русского писателя Н.В. Гоголя, французского философа Б. Паскаля и И. Канта. В первом случае речь будет идти о развитии гоголевской идеи, согласно которой «я» есть мнимость, во втором – об обращении Достоевского к идее Паскаля о воображении, создающем вторую природу человека, а в третьем – об осмыслении Достоевским трансцендентальной способности воображения И. Канта.

При анализе ужаса как фундаментальной философской категории в пространстве творчества Ф.М. Достоевского было доказано, что мыслитель идет по пути антропологизации данного понятия. Ужас становится тем, что переживает человек, который после разворота к самому себе обнаруживает, что он есть ничто мира, не описывается его законами, не может найти себе в нем свое место, а также для самого себя является одним, а для всех остальных другим. В итоге человек Достоевского распадается на себя и своего двойника, после чего в работе появляется необходимость исследовать границу между сном и явью, реальностью и галлюцинацией. В результате анализа этих понятий был сделан вывод о пластичности границы между ними. Таким образом, мы приходим к выводу, что человеку не дано увидеть, как выглядит реальность сама по себе, а это значит, что сам он принужден жить не в

мире, а в картине мира, т.е. его представления о реальности будут предваряться чувством реальности.

В результате анализа «подпольного человека» как того, в ком раскрылась идея двойственности человеческой, было выявлено и доказано, что «подпольный человек» есть человек с разорванным сознанием, который редуцирует сущее, приоритизируя внутренний опыт. Благодаря последующему обращению к истории выделения критериев «подпольного» типа, были проанализированы те герои Достоевского, которые самим писателем были не обозначены как «подпольные». В результате в пространстве творчества Достоевского был выявлен еще один герой, которого с уверенностью можно назвать продолжением концептуализации Достоевским типа «подпольного» человека, а именно главный герой романа «Подросток» Аркадий Макарович Долгорукий.

При обращении к образам юродивых, созданных Достоевским, среди которых были герои романов «великого пятикнижия», было выявлено, что исток феномена русского юродства лежит в раздвоении самости, в то время как в западной философии, где двойственность человека со времен Платона мыслилась как разделение на душу и тело, появляется фигура безумца. Юродивый мыслится как тот, кто одновременно выше и ниже себя. Безумец же есть тот, кто не живет в тождестве бытия и мысли о бытии.

Была прослежена рецепция антропологического принципа двойственности Ф.М. Достоевского в мировой литературной и философской мысли. В русской литературе идеи Достоевского развивали Л. Андреев и А. Платонов. В первом случае речь будет идти о двойственности Иуды Искарота, который принадлежит субъективности, а во втором о героях А.П. Платонова, двойственность которых также обеспечивается сознанием и предполагает отрыв человека от мира и его направленность вовне и внутрь себя одновременно. В европейской

литературе принцип двойственности Достоевского получил осмысление в творчестве норвежских писателей К. Гамсуна и Ю. Фоссе. Герой «Голода» Гамсуна живет, упиваясь фантазиями, и его реакции на реальность становятся почти неадекватными, если отталкиваться от реальности. Художник Асле, которого изобразил Ю. Фоссе, проживает две версии одной и той же жизни, из которой исчезло все, кроме того, о чем он думает и что воображает. Обращение к японской литературе XX века, помогло выявить преемственность между антропологическими идеями Достоевского и Ю. Мисимой, а также К. Абэ. Мисима создает героя-заика Мидзогути, который называет красоту – химерой, создающейся избыточной частью сознания, воображением. А Абэ осмысляет человека, создавшего маску, позволяющую герою с ее помощью создать своего двойника.

Итак, двойственность человеческой природы, по Достоевскому, есть раздвоение, проходящее через самую сердцевину самости человека и обеспеченное сознанием. Раздвоенный человек имеет дело не с миром, а с картиной мира, и его «я» не из реальности, это мнимость, которая появилась благодаря воображению. Разрыву сознания героя предшествует проживание ужаса, вызванного ощущением собственной небытийности, отсутствием своего места в мире и пониманием того, что я не существую для другого таким, каким существую для самого себя. Для раздвоенного человека граница между сном и явью, галлюцинацией и реальностью оказывается пластичной, а сама реальность становится стороной воображаемого. Ведь ввиду невозможности узнать, как выглядит реальность сама по себе, человек становится неспособным отличить одного от другого. Сознание есть условие того, что человек живет во времени, а еще является способом навигации в мире образов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абэ К. Чужое лицо // Женщина в песках. Лучшее: романы, повесть. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. С. 403-605. (Иностранная литература. Большие книги).
2. Августин. О бессмертии души // Блаженный Августин. Творения. Т. I: Об истинной религии / сост., подг. текста С. И. Еремева. СПб.; Киев: Алетейя - УЦИММ-Пресс, 1998.
3. Аквинский Ф. Сумма теологии / Перевод Еремеева, А.А. Юдина. Киев: Эльга, Ника-Центр, Элькор-МК, Экслибрис. 2002.
4. Андреев Л.Н. Иуда Искарот: [сборник]. Москва: Издательство АСТ, 2021. 416 с.
5. Барт Р. Смерть автора / Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384-391.
6. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва: Издательство «Э», 2017. 640 с.
7. Белинский В.Г. Заметка о выходе в свет «Петербургского сборника». [Электронный ресурс]. URL: https://fedordostoevsky.ru/pdf/double_1846_1.pdf (дата обращения: 21.01.2024).
8. Бердяев, Н. А. Из книги «Новое религиозное сознание и общественность» / О великом инквизиторе: Достоевский и последующие. М.: Мол. гвардия, 1992. С. 219-241.
9. Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского. М.: Академический проект, 2019. 560 с.
10. Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. М.: АСТ, Хранитель. 2017. 444с.
11. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики / Творчество и объективация. М.: T8RUGRAM, 2018. 300 с.

12. Бердяев Н.А. Проблема человека. (К построению христианской антропологии). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/chelovek.html> (дата обращения 22.12.2023).
13. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Мир книги, Литература, 2006.
14. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета: в русском переводе с параллельными местами и приложением. М.: Российское библейское общество, 2005. 1312 с.
15. Бодрийяр Ж. Общество потребления / [перевод с французского Е.А. Самарской]. Москва: Издательство АСТ, 2021. 320 с.
16. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. [Электронный ресурс]. URL: <https://velikanov.ru/lib/Бодрийяр.%20Симулякры%20и%20симуляции.pdf> (дата обращения: 31.11.2023).
17. Борхес Х.Л. Тема предателя и героя. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/borhes_horhe/tema_predatelya_i_geroya.html (дата обращения: 15.01.2024).
18. Брант Л.В. Рецензия. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.literaturus.ru/2020/09/kritika-dvojniki-dostoevskij-otzyvy-sovremennikov.html> (дата обращения 21.01.2024).
19. Бубер М. Я и ты. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/martin_buber/ya_i_ti.html#0 (дата обращения: 25.01.2024).
20. Булгаков С.Н. прот. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1997.
21. Булгаков С.Н. Иван Карамазов в романе Достоевского «Братья Карамазовы» как философский тип // О великом инквизиторе. Достоевский и последующие: Леонтьев, Соловьев, Розанов,

- Булгаков, Бердяев, Франк. Москва: «Молодая гвардия», 1991. С. 194-218.
22. Булгаков С.Н. Русская трагедия // Достоевский Ф.М. «Бесы»: антология русской. М.: «Согласие», 1996. С. 489-507.
23. Булгаков С.Н. «Свет невечерний: Созерцания и умозрения.» М.: Респуб-лика, 1994. 415 с.
24. Варава В.В. Адвокат философии. М.: 2014.
25. Варава В.В. Платонов как философ // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2016. Т. 17. № 1. С. 8-17.
26. Гамсун К. Голод // Голод. Пан. Виктория: [романы: перевод с норвежского]. Москва: Издательство АСТ, 2019. С. 5-212.
27. Гачева А.Г. «Восстановление родства»: роман «Подросток» как пролог к диалогу Н. Федорова и Ф. Достоевского / Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 4. Т. 16. С. 58-87.
28. Гачева А.Г. Человек и история в зеркале русской философии и литературы. М.: Водолей, 2021. 700 с.
29. Гегель Г.В. Лекции по философии духа. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_04/1999_4_10.html (дата обращения: 21.12.2023).
30. Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии: переводы. М., 1998.
31. Гессе, Г. «Братья Карамазовы», или закат Европы. Раздумья, вызванные чтением Достоевского / Магия книги: эссе о литературе. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2022. С. 311-334.
32. Гиренок Ф.И. Аффект и эмоция: проблема расширения реальности посредством мнимости // Человек. 2023. Т. 34. № 2. С. 7-20.

33. Гиренок Ф.И. Аутография языка и сознания. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.klex.ru/t1n> (дата обращения: 22.01.2023).
34. Гиренок Ф.И. Безумие галлюцината, безумие поэта // Журнал «Нож». 28 февраля 2023 года. [Электронный ресурс]: URL: <https://knife.media/sylphida/> (дата обращения: 30.09.2023).
35. Гиренок Ф.И. Введение в сингулярную философию: монография. Москва: Проспект, 2022. 304 с.
36. Гиренок Ф.И. Кризис субъекта // Литературная газета. 2015. 2 сентября (№34 (6522)). С. 1.
37. Гиренок Ф.И. Море грез Море грез // газета «Завтра». [Электронный ресурс]. URL: <https://fb2.top/gazeta-zavtra-963-17-2012-274330/read/part-15> (дата обращения: 29.01.2024).
38. Гиренок Ф.И. О галлюцинозе сознания // Российский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. №2. С. 85-90. DOI: [10.15643/libartrus-2021.2.2](https://doi.org/10.15643/libartrus-2021.2.2)
39. Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе // Литературная Россия. 2006. 23 февраля (№19). С. 1.
40. Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М.: Академический Проект, 2008. 235 с.
41. Гиренок Ф.И. «Фигуры и складки». 2-е изд. М.: Академический проект 2014. 244 с.
42. Гиренок Ф.И. Философский анализ идеи раздвоенности человеческого существования. // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 71-75.
43. Гиренок Ф.И. Человек и желание невозможного. Почему только сознание способно порождать смыслы. [Электронный ресурс]. URL: <https://knife.media/husserl-kant/> (дата обращения: 21.01.2024).
44. Гиренок Ф.И. Что значит сегодня мыслить по-новому? // Философия хозяйства. 2017. № 3. С. 141-146.

45. Гиренок Ф.И. Homo hallucinatus: идея двойной инверсии в исследовании человека // Философские науки. 2023. Т. 66. № 2. С. 7-25. DOI: [10.30727/0235-1188-2022-66-2-7-25](https://doi.org/10.30727/0235-1188-2022-66-2-7-25)
46. Гоголь Н.В. Записки сумасшедшего // Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород; Петербургские повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. С. 656-678.
47. Гоголь Н.В. Нос // Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород; Петербургские повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. С. 537-565.
48. Голосовкер Э.Я. Достоевский и Кант. Размышление читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». М.: Изд. АН СССР, 1963. 103 с.
49. Гофман Э.Т.А. Песочный человек / Пер. Бекетовой М. СПб.: Аркадия, 2021. 112 с.
50. Григорий Богослов, св. Творения в 2 т. / Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей. М.: Сибирская благовонница, 2022.
51. Григорий Нисский, св. Об устройении человека. М.: мультимедийное издательство Стрельбицкого, 2016.
52. Григорий Палама, св. Беседы (Омилии) / пер. арх. Амвросия (Погодина). Монреаль, 1965. Ч. 1.
53. Гришин А.А. Нравственное назначение ужаса // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2015. № 20 (217). Выпуск 34. С. 128-132.
54. Гроссман Л.П. Борьба за стиль. Опыты по критике и поэтике. М.: Никитинские субботы, 1927. 337 с.
55. Гурова Е.П. Юродивые в романах Ф.М. Достоевского // Вестник Пермского университета. № 3. Т. 27. С. 136-145.

56. Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом// Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1994. Т. 2 С. 3-72.
57. Декарт Р. Страсти души // Сочинения в 2 томах. Том 1. М.: Мысль, 1989.
58. Деррида Ж. Поля философии / Пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. М.: Академический Проект, 2012. 376 с.
59. Диккенс Ч. Повесть о двух городах / Пер. Бекетовой Е. М.: Издательство «Вече», 2022. 480 с.
60. Дмитровская М.А. Язык и мирозерцание А. Платонова: дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва, 1999. 277 с.
61. Добролюбов Н.А. Забитые люди. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0200.shtml (дата обращения: 14.01.2024).
62. Достоевская А.Г. Воспоминания. Книжный Клуб Книговек, 2018. 448 с.
63. Достоевский Ф.М. Бедные люди // Униженные и оскорбленные: романы, повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С. 5-120.
64. Достоевский Ф.М. Бесы. Роман в трех частях // Бесы. Роман в трех частях. «Бесы»: антология русской критики. М.: «Согласие», 1996. С. 5-434.
65. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. 832 с.
66. Достоевский Ф.М. В работе над романом «Подросток». Творческие рукописи. Москва: Издательство «НАУКА», 1965. 518 с.
67. Достоевский во Франции: защита и прославление русского гения. 1942-2021 / С.Л. Фокин, О.Е. Волчек, Л.А. Димитриева, А.Н.

- Таганов, В. Фейбуа. Под ред. С.Л. Фокина. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 432 с.
68. Достоевский Ф.М. Двойник // Униженные и оскорбленные: романы, повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С. 121-270.
69. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 1056 с.
70. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Полное собрание повестей и рассказов в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. С. 596-674.
71. Достоевский Ф.М. Идиот: [роман]. Москва: Эксмо, 2021. 800 с.
72. Достоевский Ф.М. Из архива Ф.М. Достоевского. Идиот. Неизданные материалы / Редакция П.Н. Сакулина и Н.Ф. Бельчикова. Москва/Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1931. 319 с.
73. Достоевский Ф.М. НЕИЗДАННЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ. ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ И ТЕТРАДИ 1860-1881 гг. М.: Издательство «НАУКА», 1971. 726 с.
74. Достоевский Ф.М. Неточка Незванова // Полное собрание повестей и рассказов в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. С. 213-335.
75. Достоевский Ф.М. Петербургские сновидения в стихах и прозе. [Электронный ресурс]. URL: <https://readli.net/chitat-online/?b=73253&pg=1> (дата обращения: 23.01.2024).
76. Достоевский Ф.М. Письма 1834-1860. М.: T8RUGRAM. 2018. 344 с.
77. Достоевский Ф.М. Письма 1861-1871. М.: T8RUGRAM. 2018. 460 с.
78. Достоевский Ф.М. Письма 1872-1881. М.: T8RUGRAM. 2018. 266 с.
79. Достоевский Ф.М. Подросток: [роман] / Федор Михайлович Достоевский. Москва: Издательство АСТ, 2020. 576 с.

80. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: роман. М.: Эксмо, 2019.
81. Достоевский Ф.М. Униженные и оскорбленные // Униженные и оскорбленные: романы и повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С. 321-660.
82. Достоевский Ф.М. Хозяйка // Полное собрание повестей и рассказов в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. С. 125-180.
83. Евлампиев И.И. Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012. 585 с.
84. Ельницкая Л.М. «Некуда человеку пойти». О «Записках сумасшедшего» и «Записках из подполья». URL: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1017/> (дата обращения 21.01.2024).
85. Жирар Р. Критика из подполья / пер. с французского Н. Мовниной. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 256 с.
86. Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в Русской литературе XX века.: диалоги на границах столетий. М.: Флинта: Наука, 2002. 304 с.
87. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.
88. Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете православной антропологии / отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. М., 1996.
89. Золотарев А.В. Идеи кантовской моральной философии в творчестве Ф.М. Достоевского // Соловьевские исследования. Выпуск 4(60). 2018. С. 73-89.

90. Иванов В.И. Основной миф в романе «Бесы» // Достоевский Ф.М. «Бесы»: антология русской. М.: «Согласие», 1996. С. 508-512.
91. Иванов Г.В. Страх перед жизнью. Константин Леонтьев и современность / К.Н. Леонтьев: Pro et contra : Антология : [В 2 кн.]. Санкт-Петербург : Изд-во Рус. Христианского гуманитарного ин-та, 1995. (Серия "Русский путь") / Кн. 2: Личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей после 1917 г. 1995. 699 с.
92. Иоанн Златоуст, св. Беседы о покаянии. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/o_pokajanii/ (дата обращения: 20.01.2024).
93. Кабакова Е.Г. Юродивые и «юродствующие» в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // Вестник Челябинского университета. Сер. 2. 1991. № 1.
94. Кант И. Критика практического разума. [Электронный ресурс]. URL: <http://iakovlev.org/zip/kant2.pdf> (дата обращения 29.01.2024).
95. Кант И. Критика способности суждения. [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/kant_kritika_sposobnosti_suzhdeniya_1994_oc_r.pdf (дата обращения 29.01.2024).
96. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; прим. Ц.Г. Арзаканяна. М.: Эксмо, 2009. 736 с.
97. Кант И. Логика / Трактаты и письма. М.: Наука, 1980.
98. Кантор В.К. Любовь к двойнику: двойничество – миф или реальность русской культуры? // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры, Русское издание № 2, 2012. [Электронный ресурс]. URL:

<https://www1.ku.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss18/09Kantor.pdf> (дата обращения: 12.01.2024).

99. Касаткина Т.А. Вступительное слово. Антропология Достоевского: Человек как проблема и объект изображения в мире Достоевского. София: Болгарское общество Достоевского, 2021.
100. Касаткина Т.А. Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. М.: Водолей, 2019. 336 с.
101. Касаткина Т.А. «Мы будем – лица...» Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 432 с.
102. Касаткина Т.А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480 с.
103. Кобо Абэ – имя в мировой литературе. [Электронный ресурс] URL: <https://pgpb.ru/news/detail/713/#:~:text=%D0%A1%D0%B0%D0%BC%20%D0%9A%D0%BE%D0%B1%D0%BE%20%D0%90%D0%B1%D1%8D%20%D1%81%20%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%BC,%D0%B5%D0%B5%20%D0%B3%D0%B8%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%B2%20%2D%20%D0%93%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D1%8F%20%D0%B8%20%D0%94%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE> (дата обращения 24.11.23 г.)
104. Кольридж С.Т. Кристабель / Пер. Г. Иванова. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kolxridzh_s_t/text_0030.shtml (дата обращения: 15.01.2024).
105. Кьеркегор С. Понятие страха / Пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. 2-е изд. М.: Академический проект, 2014. 224 с.

106. Лейбниц Г.В. Два отрывка о принципе непрерывности / Соч. в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. 636 с.
107. Лиотар Ж-Ф. Состояние постмодерна. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3097> (дата обращения: 01.01.2024).
108. Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. М.: Книга по Требованию, 2021. 412 с.
109. Майков В.Н. Нечто о русской литературе в 1846 году. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/m/majkow_w_n/text_0030.shtml (дата обращения 14.01.2024).
110. Максим Исповедник, преп. Богословско-полемические сочинения (Opuscula Theologica et Polemica) / Пер. с древнегреч. Д.А. Черноглазова и А.М. Шуфрина. Святая гора Афон; Санкт-Петербург: Изд. РХГА, 2014. 808 с.
111. Мисима Ю. Золотой храм // Золотой Храм: романы, драмы, новелла, эссе. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. С. 307-510. (Иностранная литература. Большие книги).
112. Митрополит Иларион (Алфеев). Евангелие Достоевского / Митрополит И. Алфеев. М.: Издательский дом «Познание», 2021. 232 с.
113. Мережковский Д.С. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. 618 с.
114. Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послесл. В.М. Толмачева. М.: Республика 1995. 607 с.
115. Нейфельд И. Достоевский // Феномен Достоевского. Западные исследования творчества писателя. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2019. С. 313-366.

116. Никольский С.А. Достоевский и явление «подпольного» человека // Вопросы философии, 2011. № 12. С. 77-87.
117. Никольский С.А. «Подпольность» как мессианский национализм: трагическая ошибка Достоевского // Вопросы философии. 2013. № 7. С. 109-120.
118. Ницше Ф. Генеалогия морали / Падение кумиров / пер. с нем. В. Вейнштока, Т. Гейликмана, Е. Герцыг и др. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. С. 285-416.
119. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Так говорил Заратустра / пер. с нем. Ю. Антоновского, Е. Соколовой, С. Франка. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. С. 285-532.
120. Одоевский В.Ф. Сильфида. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/o/odoewskij_w_f/text_0060.shtml (дата обращения: 15.01.2024).
121. Паланик Ч. Бойцовский клуб / Пер. Кормильцева И. М.: АСТ, 2020. 254 с. (Эксклюзивная классика. Молодежная литература).
122. Паскаль Б. Мысли / сост., предисл., коммент. Н. Плужниковой; пер. Ю. Гинзбург. Москва: Издательство АСТ, 2022. 256 с.
123. Платон. Федон // Диалоги / пер. с др.-греч. А. Егунова, В. Карпова. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 167-250.
124. Платонов А.П. Котлован // Чевенгур. Сокровенный человек. Котлован: роман, повести, рассказы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 449-558.
125. Платонов А.П. Фрагменты черного автографа повести «Котлован» {Публ. Т.М. Вахитовой и Г.В. Филиппова} // ТАП, 1995. С. 178-182.

126. Платонов А.П. Чевенгур // Чевенгур. Сокровенный человек. Котлован: роман, повести, рассказы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 5-376.
127. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / Пер. с нем. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 368 с.
128. По Э.А. Вильям Винсон / Стихотворения. Проза. Москва: Изд-во "Художественная литература", 1976.
129. Подорога В.А. Рождение двойника. План и время в литературе Ф. Достоевского. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. 418 с.
130. Померанц Г.С. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. 3-е изд., доп. М. СПб.: Центра гуманитарных инициатив, 2017. 416 с.
131. Попович Иустин, преп. Философия и религия Ф.М. Достоевского: пер. с сербского И.А. Чароты. Минск: «Издательство Дмитрия Харченко», 2014. 439 с.
132. Преображенская К.В., Котина С.В. Идеал духовного единства как имманентный принцип государственной идеологии: исторические формы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014.
133. Пушкин А.С. Уединенный домик на Васильевском острове. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v09/d09-351.htm?cmd=p> (дата обращения: 15.01.2024).
134. Розанов В.В. Люди лунного света. (Метафизика христианства). [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1911_lyudi_lunnogo_sveta.shtml (дата обращения: 21.01.2024).

135. Розанов В.В. Одна из замечательных идей Достоевского // Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. редакцией А.Н. Николукина. М.: Республика, 1995. С. 487-494.
136. Розанов В.В. Переписка К.Н. Леонтьева и В.В. Розанова (Письма К.Н. Леонтьева с примечаниями В.В. Розанова). [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/rozanov_leontyev_perepiska.shtml (дата обращения: 22.02.2024).
137. Ростова Н.Н. Изгнание Бога. Проблема сакрального в философии человека: монография. М.: Проспект, 2021.
138. Ростова Н.Н. Мягкая сила постгуманизма. Что нам мешает мыслить по-русски?. Москва.: Проспект, 2022.
139. Ростова Н.Н. Ф.М. Достоевский: о разрыве между жизнью и сознанием // Человек. 2024. Т. 35. № 1. С. 26-43. DOI: [10.31857/S0236200724010029](https://doi.org/10.31857/S0236200724010029).
140. Ростова Н.Н. «Хоррор» в современной философии: между антропологизацией и деантропологизацией дискурса // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2020. №1. С. 44-60.
141. Ростова Н.Н. Человек обратной перспективы: философско-антропологическое исследование феномена юродства Христа ради: дис. канд. филос. наук 09.00.13. М.: 2008.
142. Сальвестрони С. Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского / Пер. с ит. (Серия «Религиозные мыслители»). М.: Издательство ББИ, 2015. х + 258 с.
143. Сартр Ж.П. Тошнота: [роман] / пер. с фр. Ю.Я. Яхниной. Москва: АСТ, 2014. 317, [3] с.
144. Сервера Эспиноза А. Кто есть человек? / Это человек: Антология (Сост. П.С. Гуревич). Составление, вступительная статья: Павел Семенович Гуревич. М.: Высшая школа, 1995.

145. Симеон Новый Богослов. Божественные гимны (41). Сергиев Посад, 1917, фото тип. изд.: Нижний Новгород, 1989.
146. Скоморохов А.В. Достоевский и Кант: философско-этический смысл полемики. Тезисы доклада. [Электронный ресурс]. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2020/skomorohov_tezisy.pdf (дата обращения 26.04.2024).
147. Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве / Сочинения: в двух томах. Т.2. Москва: Правда, 1989. С. 5-172.
148. Соловьев, В. С. Из речей в память Достоевского / О великом инквизиторе: Достоевский и последующие. М.: Мол. гвардия, 1992. С. 57-71.
149. Спиноза Б. Сочинения: в 2 т. СПб.: Наука, 1999.
150. Спирова Э.М., Ростова Н.Н., Гиренок Ф.И. и др. Антропологические дискурсы в XXI веке // Человек.RU, издательство Институт философии и права СО РАН (Новосибирск), № 17, с. 294-321.
151. Стивенсон Р.Л. Странная история доктора Джекила и мистера Хайда / Пер. Волжиной Н., Озерской Т., Дарузес Н. М.: АСТ, 2022. 416 с.
152. Тихомиров Б.Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005, 472 с.
153. Туре Гамсун. Кнут Гамсун. [Электронный ресурс]. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/budur-gamsun-misteriya-zhizni/revolyuciya-na-panase.htm> (дата обращения: 28.11.2023)
154. Ухтомский А.А. в дневниках и письмах. СПб.: Изд. СПб. ун-та, 1992. 226 с.
155. Фоссе Ю. Другое имя. Септология I-II; [перевод с норвежского Н. Федоровой]. Москва: Эксмо, 2022. 352 с.

156. Франк С.Л. Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания. Санкт-Петербург: Наука, 1995. 656 с.
157. Фудель С.И. Наследство Достоевского. 3-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст. и коммент. Л.И. Сараскиной. М.: Русский путь, 2016. 340 с.
158. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010.
159. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. М. Фуко. СПб.: А-сad, 1994. 408 с.
160. Фуко М. Человека на самом деле не существует. [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/XzgbH703-hSRecHc> (дата обращения: 15.01.2024).
161. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: «Фолио» 2003. 503, [9] с.
162. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vixri.ru/d/a_filosof/Xajdegger%20M.%20Kant%20i%20problema%20metafiziki.pdf (дата обращения: 21.01.2024).
163. Хайдеггер М. Что такое метафизика. Электронный ресурс: URL: http://www.bibikhin.ru/cto_takoe_metafizika (дата обращения: 21.01.2024).
164. Хапаева Д.Г. Кошмар: литература и жизнь. [Электронный ресурс]. URL: <https://litmir.org/books/nauchnye-i-nauchno-populjarnye-knigi/kulturologiya/199037-dina-xapaeva-koshmar-literatura-i-zhizn.html> (дата обращения: 30.01.2024).
165. Хенгстенберг Г.Э. К ревизии понятия человеческой природы. / Это человек: Антология (Сост. П.С. Гуревич). Составление,

- вступительная статья: Павел Семенович Гуревич. М.: Высшая школа, 1995.
166. Хогг Д. Тайная исповедь и мемуары оправданного грешника. М.: Носорог, 2022. 224 с.
167. Холоднова К.Н. Антропология Великого Инквизитора в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Социум и власть. 2023. Т. 97. № 3. С. 66-77.
168. Холоднова К.Н. Антропология сознания в творчестве Ф.М. Достоевского и А.П. Платонова // Каспийский регион. 2024. Т. 78. № 1.
169. Холоднова К.Н. Время в произведениях Ф.М. Достоевского: онтологическая и антропологическая интерпретации // Человек. 2024. Т. 35. № 1. С. 65-75.
170. Холоднова К.Н. Двойственная природа человека как антропологический принцип / Философские науки. 2023. Т. 66. № 2, С. 62-77. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-2-62-77.
171. Холоднова К.Н. Истоки антропологического принципа двойственности Ф.М. Достоевского / Философия хозяйства. 2024. Т. 152. № 2. С. 160-172. DOI: 10.5281/zenodo.10869447.
172. Холоднова К.Н. «Подпольный человек» как антропологический тип в творчестве Ф.М. Достоевского / Социум и власть. 2024. Т. 1. С. 32-45. DOI: 10.22394/1996-0522-2024-1-32-45.
173. Холоднова К.Н. Рецепция антропологических идей Ф.М. Достоевского в творчестве Ю. Мисимы и К. Абэ // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2024. Т. 49. № 1.
174. Холоднова К.Н. Рецепция антропологического принципа двойственности Ф.М. Достоевского в творчестве Л. Андреева и Ю. Фоссе / Каспийский регион. 2023. Т. 77. № 4. С. 196-205. DOI: [10.54398/1818510](https://doi.org/10.54398/1818510).

175. Хоружий С.С. К антропологической модели третьего тысячелетия. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-antropologicheskoy-modeli-tretiego-tysyacheletiya/viewer> (дата обращения: 10.08.2023).
176. Шевырев С.П. «Петербургский сборник», изданный Н. Некрасовым. [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/shevyrev/shevyrev_pb_sborn.html (дата обращения: 21.01.2024).
177. Шелер М. Положение человека в космосе. [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000165/st000.shtml> (дата обращения: 24.01.2024).
178. Шестов Л.И. Достоевский и Ницше. Философия трагедии. / Л.И. Шестов. М.: Академический проект; Культура, 2020. 462 с.
179. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/schlegel_estetika_filosofiya_kritika_tom1_1983ocr.pdf (дата обращения: 26.01.2024).
180. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Собрание сочинений. в 6-и томах. Т. 2. М.: ТеРРА – Книжный клуб, Республика, 2001. 558 с.
181. Эмесский Н. О природе человека. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nemesij_Emesskij/o-prirode-cheloveka/ (дата обращения: 25.12.2023).
182. Jean B. Why hasn't everything already disappeared? Calcutta: Seagull books, 2009. 77 p.
183. Cadot M. Quelques précision sur le double Dostoïevski // Bulletin de littérature générale et comparée. Questions au programme de l'agrégation de Lettres modernes 1996. 1995. № 18. P. 11-22.

184. Catteau J. Le Double ou l'asymétrie ennemie / Le double, l'ombre, le reflet: Chamisso, Dostoïevski, Maupassant, Nabokov textes réunies et présentés par D. Lévy-Bertherat. Nantes: Editions Opéra, 1996. P. 27-41.
185. Green A. Le double double: ceci et cela // Dostoïevski F. Le Double / Préface de A. Green. Traduction et notes de G. Aucouturier. Paris: Gallimard, 1980. P. 7-24.
186. Lefort R. et R. La distinction de l'autisme. Paris: Seuil, 2003.
187. Monné Dao L. Du miroir brisé dans la psychose au double homosexuel: un travail à double visage // Cliniques méditerranéennes. Vol. 87. № 1. 2013. P. 237-250.
188. Rank O. Don Juan et le double / Trad. de l'allemand par Dr S. Lautman. Paris: Editions Payot & Rivages, 2001. P. 7.
189. Blicke T. in Wesen des Menschen, цит. по: Beguin. L'ame romantique et le reve. Paris, 1939.